

Содержание

ОБРАЗОВАНИЕ

А.С. КОЛЕСНИКОВ

Компаративная педагогика и интеркультурная философия образования

Comparative pedagogic and intercultural philosophy of education 4

Д.В. МАСЛЕННИКОВ

Логическая форма философии в системах Фихте и Гегеля: к вопросу о метатеоретических основаниях неогуманистической педагогики (Окончание. Начало в предыдущем номере)

The logical form of philosophy in the systems of Fichte and Hegel: On the meta-theoretical grounds

pedagogy of neo-humanism (End. Beginning in the previous issue) 9

О.П. ПУЗАНОВ

Воображение в лабиринтах сознания

Imagination in the labyrinths of consciousness 18

Л.Ю. БЕЛЯКОВА

Влияние глобализационных процессов на развитие института образования (социально-философский аспект)

The influence of globalization processes on the development of the Institute of education

(socio-philosophical aspect) 28

Е.С. ШИШКО

Формирование культурной толерантности личности как педагогическая проблема

The development of cultural tolerance personality as a pedagogical problem. 33

Ю.И. РУСУ

Значение контроллинга в руководстве вузом

(на примере негосударственного образовательного учреждения)

The importance of controlling in management University

(for example non-governmental educational institution) 36

В.М. ДУДНИК, Е.Н. ХОРОШЕВ

К проблеме рационального обоснования дидактики для использования на новом этапе развития культуры

To the problem of rational justification didactics for use in the new stage of cultural development 40

И.А. ДОЛГОПОЛОВ

Сознание как ориентация в знании

Consciousness as orientation in knowledge 45

Е.П. ТАРЕЛКИН, М.И. ПОТЕЕВ, А.В. БЕРЕЖКОВ

Информационно-образовательная среда системы дополнительного образования

и аттестации специалистов в сфере инженерных изысканий

The information-educational environment of the system of additional education and certification

of professionals in the field of engineering surveys. 51

ЭКОНОМИКА

Г.В.ГИОЕВ, А.В. КАЗАКОВ Истоки научного управления в трудах Ф. и Л. Джилбрет The origins of scientific management in the works F. and L. Gilbert.	54
Е.С. НИКИФОРОВ, М.В. ЛУКИН Проблемы разработки межтерриториальной логистической системы сбора и переработки бытовых отходов Problems of development of interterritorial logistic system of collecting and processing of a household waste	58
Е.А. КУКЛИНА Устойчивость экономической системы: методологические подходы к определению понятия, виды устойчивости, типы устойчивого развития The stability of the economic system: methodological approaches to the definition of, types of sustainability, the types of sustainable development	64
Т.С. ОСТАНИНА Методы управления рисками на мебельных предприятиях Risk management methods on the furniture enterprises	70
Т.А. ПЕРЕВЕРЗЕВА Теоретические аспекты институционального регулирования экономических процессов в торговле Theoretical aspects of institutional regulation of economic processes in the trade	77
С.В. ПИМЕНОВ, С.В. ПОПОВА О необходимости формирования технологии мониторинга инвестиционных проектов Need for establishing a monitoring technology investment projects.	83

ОБЩЕСТВО

М.М. РЕШЕТНИКОВ Неочевидный образ будущего: модель и реальность Non-obvious way of the future: a model and reality	86
С.Ф. АНИСИМОВА Развитие социального партнёрства как условие становления гражданского общества в России The development of social partnership as a condition of development of civil society in Russia	96
Н.А. МИХЕЕВА Развитие теоретических основ социальных технологий и их значение для СКС Development of theoretical foundations social technologies and their implications for socio-cultural sphere	101
А.В. ФАИЗОВ Причины и ближайшие последствия легализации «Тайного Совета» при Екатерине I Causes and first consequences of the legalization «Privy Council» by Catherine I.	108
Е.А. ЦАРЕНКОВА Концепция ненасилия и идеал милосердия в русской философской культуре The concept of non-violence and the ideal of mercy in the Russian philosophical culture	115
Рональд КОММЕРС К вопросу о глобальной этике: действительность и нормативные принципы To the issue of global ethics: the validity and normative principles.	120

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА
ОБРАЗОВАНИЕ ЭКОНОМИКА ОБЩЕСТВО**

Председатель редакционного совета, главный редактор
Грызлова Ада Викторовна

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Волокобинский Михаил Юрьевич, доктор технических наук, профессор

Дворецкая Екатерина Викторовна, доктор филологических наук, профессор

Дорофеев Даниил Юрьевич, доктор философских наук, профессор

Засенко Виленка Евгеньевна, доктор экономических наук, профессор

Мокин Валентин Николаевич, доктор экономических наук, профессор

Сирота Наум Михайлович, доктор политических наук, профессор

Старовойтов Александр Александрович, доктор юридических наук, профессор

Тарелкин Евгений Петрович, доктор технических наук, профессор

Хрусталева Нелли Сергеевна, доктор психологических наук, профессор

Янкевич Константин Артурович, доктор экономических наук, профессор

Янсон Эдуард Жанович, доктор экономических наук, профессор

Миляев Олег Николаевич, кандидат технических наук, профессор

Потеев Михаил Иванович, кандидат технических наук, профессор

Виноградова Марина Александровна, кандидат педагогических наук, доцент

Дудник Валерия Михайловна, кандидат технических наук, доцент

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

научные редакторы:

Масленников Дмитрий Владимирович, доктор философских наук, профессор

Переверзева Татьяна Алексеевна, доктор экономических наук, профессор

Пузанов Олег Петрович, кандидат философских наук, доцент

ответственный секретарь:

Соболев Сергей Иванович

s.sobolev@noironline.ru, 430-07-16 (доб. 200)

Дизайн, вёрстка Сазонов Д.И.

Корректор Урбан Т.С.

Адрес редакции и издателя: 197183, г. Санкт-Петербург, ул. Сестрорецкая, д. 6, тел.: 8-812-430-07-16 (доб. 224)

www.noironline.ru

ISSN 1992-6103

Подписной индекс «Почта России» 78774

Журнал «Образование, экономика, общество» издается НЧОУ ВПО Национальный открытый институт России г. Санкт-Петербург, при поддержке вузов-партнеров Национального открытого университета России

Учредитель: Негосударственное частное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Национальный открытый институт России г. Санкт-Петербург»

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Свидетельство ПИ № ФС77-21674 от 15.08.2005.

Издание распространяется в действующих в Российской Федерации и зарубежных странах высших и средних профессиональных учебных заведениях, в представительствах федеральных и местных органов законодательной и исполнительной власти.

Все права на материалы, опубликованные в номере, принадлежат журналу «Образование, экономика, общество». Перепечатка без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка на «Образование, экономика, общество» обязательна.

Редакция не несёт ответственности за достоверность информации и сведений, содержащихся в рекламных объявлениях.

Публикации для аспирантов бесплатные.

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

Цена свободная.

Подписано в печать 02.02.2013

Отпечатано в типографии

ООО «ИКЦ», 197183,

г. Санкт-Петербург, ул. Сестрорецкая, д. 6.

Заказ № О.Э.О. – 2/1302.

Тираж 1000 экз.

А.С. КОЛЕСНИКОВ, доктор философских наук, профессор
Санкт-Петербургского государственного университета
A. Kolesnikov, doctor of philosophical Sciences, Professor
St. Petersburg state University

Компаративная педагогика и интеркультурная философия образования Comparative pedagogic and intercultural philosophy of education

Аннотация: *Компаративная педагогика позволяет адекватно отразить проблемы педагогики одних стран на фоне других, и наоборот. Особая роль в компаративной педагогике и компаративной философии образования принадлежит диалогу культур. Диалог культур имеет многовековой опыт в России и может многому научить.*

Общее направление эволюции межкультурных связей предстаёт как активизация взаимодействия, расширение и углубление взаимовосприятия. Взаимодействие культур происходило в разных сферах с различной степенью интенсивности. Глобализация межкультурных взаимодействий полагает такую полноту смыслового мира вовлечённых в неё индивидов, которая возникает лишь в точке пересечения всех культурных образов. Индивид выходит за индивидуальные, частные пределы в культурный космос, в принципиальное бесконечное общение и, следовательно, в бесконечное переосмысление того, что такое он сам.

Abstract: *the Comparative pedagogic adequately define the problems of pedagogic of one country against the other, and Vice versa. A special role in comparative pedagogic and comparative philosophy of education belongs to the dialogue of cultures. The dialogue of cultures has a centuries-long experience in Russia and has much to teach.*

The General direction of the evolution of intercultural relations appears as activation of cooperation, expansion and deepening of the perception. The interaction of cultures took place in different spheres with different degrees of intensity. Globalization intercultural interactions believes such a fulness of meaning in the world involved individuals that occurs only at the point of intersection of all cultural images. The individual is beyond the individual, private outside in the cultural space, in principle infinite communication and, consequently, in the endless rethinking of what he is.

Ключевые слова: *компаративная педагогика, интеграция, образовательная система, философия образования, сравнительная педагогика, педагогические школы, глобализация.*

Key words: *comparative education, integration, education, philosophy of education, comparative education, educational schools, globalization.*

Сравнительные исследования в педагогике и философии образования сейчас переживают второе рождение: и на Западе, и на Востоке. Проблемы, которые недавно обсуждались в этих сферах, были связаны в первую очередь с крахом коло-

нальной системы и выходом на мировую арену англоязычных и франкоязычных стран, усилением влияния стран Латинской Америки, проблемами начальной интеграции Европы. В большей части исследований авторы пытались выяснить сильные и слабые

стороны как своих, так и иных, как правило, американских образовательных систем.¹ В это время появляются в России исследования по компаративной педагогике, по компаративной философии образования². Сейчас ситуация иная и в мире, и в науке. Почти

¹ Вульфсон Б.Л. Стратегия развития образования на Западе на пороге XXI века. – М., 1999. Данная работа в некотором смысле кумулирует накопленные знания в этой области и ничего не говорит о Болонском соглашении.

² Соколова М.А., Кузьмина Е.Н., Родионов М.Л. Сравнительная педагогика. – М., 1978; Вульфсон Б.Л., Малькова З.А. Сравнительная педагогика. – Москва, 1996; Джуринский А.Н. Сравнительная педагогика. – М., 1998. См. исследования по сравнительной педагогике таких учёных, как Б.Л. Вульфсон, Б.С. Гершунский, А.Н. Джуринский, В.П. Лапчинская, З.А. Малькова, В.Я. Пилиповский, К.И. Салимова, Л.Д. Филиппова

все исследования американской литературы до 1990-х годов были посвящены методологии сравнительного анализа систем образования капиталистических стран и стран социализма, или СССР. Сейчас всё больше сравнительные исследования в американской науке переключаются на Китай, Японию, Азию. Становится не только глобальное, но и геополитическое измерение этих исследований. В какой-то степени к России интерес потерян, но её образовательный и идейный потенциал в этой сфере до сих пор вызывает искренний интерес.

Компаративная педагогика, как теоретическая дисциплина, имеет большое практическое значение в периоды интенсивного реформирования образовательной системы. Здесь имеются в виду и процессы анализа зарубежного материала, и соотнесение его с собственным, поиск адекватных ответов на современные цивилизационные вызовы, рассмотрение тенденций развития образования в разных странах, совершенствование педагогической прогностики, смены идейного инструментария, методологии и т.п. Сравнительная педагогика показывает, как рядом с уникальным соединением для каждой страны ценностей, идей и методов существуют в них мощные линии преемственности. Таким образом, это помогает нам точно определять те универсалии в воспитании и образовании, которые в любом контексте мы должны наиболее тщательно возвращать, если мы стремимся к улучшению качества образования. Термин – «компаративная педагогика» давно легализован, хотя до сих пор имеются разночтения в его написании. Так, англоговорящие используют иногда как равнозначные термины *comparative education* и *comparative pedagogic*, во французском языке – *pedagogie comparee* и в немецком – *Vergleichende*

Padagogik. Компаративная педагогика соотносится с компаративной философией образования и компаративной философией³. Развитие современной сравнительной педагогики нуждается в реальном дисциплинарном и ультрадисциплинарном строительстве.

В России начало систематическому изучению зарубежных систем положил К.Д. Ушинский. Отметим, что характеристики, данные им более ста лет назад французской и английской системам, не потеряли актуальность и сейчас. Актуальными остаются имплицитно выраженные философские положения о социальной исторической обусловленности образования, о диалектике общего и особенного, о критическом и бережном отношении к наследию прошлого и его объективной оценке.

Конечно, в современных условиях развития рыночного хозяйства и демократического государственного устройства текущая и планируемая деятельность системы образования определяется спросом и предложением на рынке труда, в частности на рынке труда научно-технических работников различных уровней квалификации.

У зарубежных специалистов не вызывает сомнений тот факт, что российские школы, освободившись от идеологических пут, но сохранив свою структуру и методы работы, дают гораздо более глубокую подготовку, чем американские. Их мнения важны потому, что мировая практика развития образования в современных условиях цивилизационных изменений и поиска новой образовательной парадигмы всё больше склоняется к формированию интегративных тенденций, как на уровне теории и практики, так и образовательной политики. Под интеграцией понимается, конечно, внутренний для мирового образования процесс перехода от простой совокупности

национальных систем к целостной системе мирового образования, это кропотливая работа соединения принципиальных основ образования, переход в новое качество. Это внутренне взаимосвязанная и взаимообусловленная целостность, обладающая свойствами, отсутствующими у составляющих её компонентов. Это открытие новых связей и отношений между компонентами путём включения в новые системы связей.

Философия образования – как интегративная и междисциплинарная наука о перспективах развития системы образования в целом и отдельных её звеньев – ещё не выполняет своей исключительно важной, приоритетной социальной функции. Международная интеграция в сфере образования (последнее воспринимается как целостная, полиструктурная, многоаспектная и многозначная социальная система, выступающая фактором преобразования общества) – это система отношений, некоторый интеллектуальный инструментарий, который используется для разных целей: для качественного объединения, для перехода от одного вида практики к другой, для проектирования, для обоснования и т.д. Поскольку сложились разные подходы к пониманию образования, то, вероятно, необходима работа по рефлексии оснований подобных подходов и установлению правил интеллектуальной коммуникации этих подходов.⁴

С другой стороны, интегративные тенденции имеют амбивалентный характер, включают как единство процессов диверсификации и конвергенции, так и двойственность самого механизма развития и функционирования образования, причём на уровнях образовательной теории, политики и практики. Дело в том, что, обсуждая процессы компаративного образования с использованием таких понятий,

³ Михалина О.А. Сравнительный подход в философии образования. – Новосибирск, 2007. – С. 40-41.

⁴ Розин В.М. Предмет и статус философии образования // Философия образования: Сб. научн. статей / Отв. ред. А.Н. Кочергин. – М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1996. – С. 13.

как «устойчивое развитие», «информационная революция», «диалог культур», «глобализация», «интернационализация», «поликультурализм», «золотой миллиард» и ряда других, мы говорим о качественных изменениях исторических способов жизни, смене мировоззренческих и духовных оснований современной цивилизации. Есть ещё проблема смены ценностей. Раскол по линии ценностей проходит не только между Западом и Востоком, но и в самом Западе. Оказалось, что и Запад состоит из разных цивилизаций – европейской и американской. В них много общего, но они далеко не тождественны. Переоценка ценностей, о которой говорится с 90-х годов XIX века, сейчас достигла не только мировых масштабов, но проявляется во всех культурных регионах и оказывает влияние на все стороны повседневной жизни, в том числе и, в первую очередь, на сферу образования: «Эти изменения амбивалентны по своей природе: это одновременно и выражение кризиса, и симптом обновления. Нет призмы, через которую можно было бы объективно взглянуть на характер и последствия перемен, поскольку сами эти переменны напрямую связаны с отсутствием и поиском такой призмы», – отмечает Л.Н. Талалова.⁵

При этом исследователи устанавливают выходящую за пределы образовательной парадигмы образования и усилившееся в последние десятилетия ощущение кризиса образования, выражающееся как в неудовлетворённости его результатами, так и в констатации консервативности образовательных систем, разрыва между уровнем подготовки специалистов и потребностями общества. И «...эффективность образования оценивается исключительно по непосредственно наблюдаемым результатам прямых образовательных акций в самой сфере образования», что показы-

вает слабость современного педагогического целеполагания (и всей аксиологической составляющей).⁶ Формирование новой философии общества, построенной на общечеловеческих и национальных ценностях; возрождение духовной жизни общества (воспитания нравственности, духовности, толерантности); создание адаптивной образовательно-воспитывающей среды, адекватной развивающемуся социуму; развитие опережающего образования; повышение качества образования во всех подсистемах; развитие приоритетов регионализации и муниципализации образовательных услуг; переход образовательных систем на прогрессивные модели и технологии и многие другие – всё это относится к задачам философии образования.

Изучение современного состояния сравнительной педагогики важно также и потому, что это одна из дисциплин, в рамках которой наиболее полно возможно исследовать феномен глобализации в образовании. Это проблема учебных дисциплин, учебников, методов и приёмов, языка обучения, ибо их содержание, сущность, наконец, их ценность непосредственно в своей структуре несут иное понимание, другое видение мира, иную ментальность. Противоречие же между глобальным и локальным задаёт масштаб проблем современной сравнительной педагогики и философии образования, которые возможно разрешить на национальном, интернациональном, межрегиональном и межкультурном уровне. Для столь комплексных исследований К. Аллеманн-Гионда предложила систематическую модель «динамичной контекстуализации», которая основана на изучении поведения «актёров» (учителя, руководители школ, ученики, родители, ведомства...) в различных образовательных контекстах. На примере ис-

следования влияния глобализации на содержание учебных предметов и курсов методом контент-анализа в ряде университетов США были осмыслены возможности подобного исследования применительно к российским вузам.

Общество взаимосвязано с системой образования – это аксиома. Дело в том, что организация образовательных институтов, содержание учебных процессов и результаты деятельности образовательных структур во многом обусловлены национальными чертами, мировоззрением и специфическими особенностями страны. Это требует разработки способов экстраполяции философских принципов на образовательный процесс, поскольку образование выступает многосложной специализированной системой со своими закономерностями функционирования и развития. Универсализация образования, вызванная потребностями личности в постоянном обновлении знаний в условиях возрастающего динамизма общественной жизни, требует пересмотра классических схем европейской философской культуры, не удовлетворяющих современным реалиям.

Унификация обучения приводит к тому, что гуманистическая направленность образования снижается, творчество и поиск уходят на второй план, педагогика становится моносубъектной и авторитарной. Педагогическая наука в своём традиционном виде сохраниться уже не может, поскольку подвергаются изменениям сами цели образования, его содержание, вырисовываются тенденции смены основной парадигмы образования, по-новому и по-разному трактующие содержание образования. Философия образования призвана произвести в этом случае гегелевское «распредмечивание» классического предмета образования и обеспечить выход на но-

⁵ Талалова Л.Н. Интеграционные процессы в образовании: контекст противоречий. – М.: РУДН, 2003. – С. 11.

⁶ Гершунский Б.С. Образование как религия третьего тысячелетия: Гармония знания и веры. – М.: Педагогическое общество России, 2001. – С. 71.

вые образовательные ценности, новые этические принципы. Это значит, что единая классическая педагогическая практика перестаёт существовать и распадается на многочисленные, различающиеся «педагогические практики», в каждой из которых образование понимается по-своему. Эти тенденции связаны в первую очередь с необходимостью переопределения образа мира и места человека в нём, что позволит по-новому связать мышление и видение человека. Здесь важно включить весь инструментарий философской методологии: диалектику, системный подход, культурологический подход, герменевтический и феноменологический методы, компаративную педагогику, теорию поликультурного образования и т.п.

Поскольку образование – один из каналов реализации культурных норм, который требует не готовых механизмов и не одиночные акты отношения нормы к реальному действию в ограниченном рамках культурном контексте, то оно должно обеспечивать полный цикл воспроизводства культуры и деятельности, оно должно включить в себя весь механизм такого воспроизводства – прошлое, настоящее и будущее. Все знания о человеке представляют собой некую интегративную систему, как и сам человек, тогда как система знаний – это лишь небольшой фрагмент, неполный и неточный «слепок» с системы самого человека, ибо природа человека является многомерной и нелинейной.

Объектом изучения психологии и педагогики является человек, соответственно имеется множество сходных и отличных элементов, которые потенциально и реально способны к объединению и созданию новой системы. Но бесконечное стремление к интеграции психологии и педагогики приводит к утрате собственно предмета научных дисциплин,

усиливает абстрактный характер психолого-педагогических наук, а бесконечное стремление к дифференциации создаёт условия для утраты целостности предмета исследования, снижает его методологический и теоретический характер. Осознанию этих процессов, а следовательно, и усилению научной обоснованности интеграции и дифференциации наук о человеке способствует целостный, системный подход с позиций философской, культурной (социальной), психологической, педагогической антропологии. Как отмечает Б.В. Марков, «душа и тело теснейшим образом взаимосвязаны»⁷.

Развивая основные положения философской антропологии, философия второй половины XX века в таких её направлениях как герменевтика, феноменология, структурализм, отказывается от признания в мире трансцендентного, независимого от человека, начала, а самого человека рассматривает как лишённого неизменной и самодостаточной сущности и являющего себя в процессе своего существования. Такое понимание человека влечёт за собой радикальный пересмотр всей традиционной философской проблематики. Это касается, прежде всего, понимания бытия, которое в философской антропологии есть бытие человека, его существование, его жизнь. Это вопрос средств, которые «гарантируют человеку некую степень образования, позволяющую быть тем, кем он может быть»⁸.

Современная философия в силу многих обстоятельств уже не может претендовать на нормативный способ представления действительности (в данном случае – образования). Её выводы должны быть принципиально не нормативными. Скорее, они должны выражать вероятностно-виртуальную, открытую точку зрения, потенциально включающую разные взгляды, разные философские подходы.

Философия образования должна быть в помощь методологии педагогики, педагогической теории, реальной образовательной практике, и предполагать взаимное усиление различных философских подходов, направленных на решение образовательных задач; их взаимную дополняемость, а не абсолютизацию различий. Сопоставление философских культур ставит собственно компаративистскую проблему выявления критериев их сравнения в контексте определённого «пересечения» общезначимых идей и концепций мировой философско-образовательной мысли, что создаёт более или менее приемлемое основание для коммуникации как возможного диалога философских культур как равных. Компаративная педагогика в этом случае позволяет адекватно отражать проблемы педагогики одних стран на фоне других, и наоборот.

Особая роль в компаративной педагогике и компаративной философии образования принадлежит диалогу культур. Диалог культур имеет многовековой опыт в России и может многому научить. Общее направление эволюции межкультурных связей предстаёт как активизация взаимодействия, расширение и углубление взаимовосприятия. Взаимодействие культур происходило в разных сферах с различной степенью интенсивности. Глобализация межкультурных взаимодействий полагает такую полноту смыслового мира вовлечённых в неё индивидов, которая возникает лишь в точке пересечения всех культурных образов. Индивид выходит за индивидуальные, частные пределы в культурный космос, в принципиальное бесконечное общение и, следовательно, в бесконечное переосмысление того, что такое он сам.

Проблемой диалога в начале XX века занимались М. Бубер, Ф. Гогартен, Ф. Розенцвейг, О. Розеншток-Хюсси, Г. Коэн, Ф. Эбнер

⁷ Марков Б.В. Антропологический поворот в философии XX в. // Очерки социальной антропологии. – СПб., 1995. – С. 27.

⁸ Философская антропология как интегративная форма знания. – СПб., 2001. – С. 302.

и другие. Проблемами диалога занимались в социолингвистике (Л. Щерба, Л. Якубинский), литературной и философской герменевтике (Х. Гадамер), феноменологии (Х. Гуссерль, М. Мардашвили), фундаментальной онтологии (М. Хайдеггер), литературоведении и семиотике (А. Аверинцев, М. Бахтин, М. Лакшин, Ю. Лотман), в основах коммуникации (А. Моль, В. Борев) и т.д. Взаимодействие культур исследовали К. Леви-Стросс, Г. Хершковиц, С. Артановский, С. Арутюнов, Б. Ерасов, Л. Ионин, Н. Иконникова и другие. Межкультурное общение складывается по мере предметных пересечений, выстраиваемых деятельностью языка. Согласно Х. Гадамеру, диалог является своеобразной аппликацией своего и чужого.

Бахтин наметил новую методологию гуманитарного знания, утвердил центральное значение диалога в культуре, многоголосия культур, способствовал появлению ряда исследователей диалога культур (А. Баткин, Г. Бирюкова, М. Каган, В. Маклин, Н. Перлина и другие). Появилась «школа диалога культур» (В. Библер). В трудах В. Библера тема диалога истолковывается как диалогическая настроенность на взаимодействие противоположностей. Коммуникативная этика Хабермаса пред-

полагала, что в диалоге рождается истина, которая и оказывается основой понимания.

Анализ диалога Востока и Запада как творческого соизмерения культур (историко-методологический анализ) показывает, что в основе межличностного взаимодействия всегда лежат социокультурные основания. Межкультурные взаимодействия не могут протекать иначе, чем через взаимодействие индивидуальных мировоззрений. Важнейшей проблемой при анализе межкультурного взаимодействия является раскрытие механизма взаимодействий. Два вида взаимодействия: 1) культурно-прямое, когда культуры взаимодействуют друг с другом благодаря общению на уровне языка; 2) косвенное, когда диалог происходит внутри культуры, основные характеристики взаимодействия и его диалоговый характер – в составе её собственных структур. Инокультурное содержание занимает двойственное положение – и как «чужое» и как «свое». Таким образом, взаимовлияние и взаимопроникновение культур является следствием косвенного взаимодействия, диалога культуры с собой, как диалога «своего» и «чужого» (имеющего двойственную природу). Суть диалогичности – в продуктивном взаимодействии суверенных позиций, составляющих

единое и многообразное смысловое пространство и общую культуру. Главное, что отличает диалогичность от монологичности – стремление к пониманию взаимоотношений различных взглядов, идей, явлений, социальных сил. Мировая культура, с этой точки зрения, образует единство, обладающее структурой, которая располагается в двух измерениях – пространственном (этнографическом) и временном (этноисторическом)⁹.

В настоящее время понятие «диалогичность» значительно расширилось, оно, согласно Гогберидзе Г.М., предполагает и межэтнический, и межвременной, и межисторический, и межконфессиональный диалог. Для современного образования наиболее актуален диалог разнорациональных культур – родной и инациональной. Следовательно, возрождение и сохранение духовных ценностей каждого народа, их использование в этническом и культурном становлении новых поколений предполагает предельно разумную и педагогически целесообразную организацию учебного процесса. Образование и воспитание должны опираться как на общечеловеческие, так и на прогрессивно-национальные принципы, учитывать специфику и опыт этнокультуры.

(Окончание в следующем номере)

⁹ См.: Артановский С. Историческое единство человечества и взаимное влияние культур. Философско-методологический анализ современных зарубежных концепций. – Л., 1967. – С. 43

Д.В. МАСЛЕННИКОВ доктор философских наук, профессор НОИР
D. Maslennikov doctor of philosophical Sciences, Professor NOIR

Логическая форма философии в системах Фихте и Гегеля: к вопросу о метатеоретических основаниях неогуманистической педагогики

(Окончание. Начало в предыдущем номере)

The logical form of philosophy in the systems of Fichte and Hegel: On the meta-theoretical grounds pedagogy of neo-humanism

(End. Beginning in the previous issue)

Аннотация: Неогуманизм смог предъявить обществу более продуктивную, чем у филантропистов, модель образовательного процесса именно потому, что на заключительном этапе становления неогуманистической педагогики произошло её сближение с немецкой классической философией. Учение Канта и Фихте о методах познания человека и учение Гегеля о вхождении человека в историческое пространство духовной жизни можно рассматривать как наиболее глубокие основания теоретического фундамента педагогики неогуманизма. В свою очередь собственно педагогические воззрения Канта, Фихте и Гегеля также развивались в русле неогуманистической традиции.

Abstract: Neohumanism could present society more productive than philanthropists, the model of the educational process because at the final stage of formation neoromanticism pedagogy happened its rapprochement with the German classical philosophy. Kant and Fichte on the methods of cognition of man and the doctrine of Hegel on the occurrence of human rights in historical space of the spiritual life can be seen as the deepest Foundation of the theoretical Foundation of the pedagogy of neohumanism. In turn pedagogical views of Kant, Fichte and Hegel also developed in the mainstream tradition neoromanticism.

Ключевые слова: генетическое понимание, точка рефлексирования, абсолютное бытие, пустота, постижение, жизнеучение, принцип обособления, метафизика логоса и ума, наукоучение.

Keywords (нем): Einsicht, ReflektirPunkte, des Einen (absoluten) Seins, Leerheit, Einsicht, Lebenslehre, Sonderung, Logos-Nous-Metaphysik, Wissenschaftslehre

Проблема экспликации абсолютного в заочной полемике Фихте и Гегеля

Анализируя содержание полемики Фихте с Гегелем, Р. Лаут определяет в качестве главного упрека, который Фихте выдвигал против комментаторов наукоучения, тот, что, согласно их воззрению, «Наукоучение находится (в пределах) субъективности и воздвигается на точке рефлексирования (ReflektirPunkte

– нем.)»¹. Основой этого мнения, по Фихте, является недоразумение, связанное с понятием «Я», как оно утверждается в «Основах общего наукоучения». Гегель и Шеллинг полагали, что под этим Я понимается Я внутреннего восприятия. Фихте выступил против такого понимания в лекциях 1804 года, затрагивая вопросы полемики с абсолютным идеализмом Шеллинга и Гегеля: «Наукоучение с самого его возник-

новения превосходит описываемый идеализм. Оно это... показало... прежде всего в своём основном пункте, в Я. Оно никогда не соглашалось с тем, что это (Я) в качестве (чего-то) найденного и воспринятого, является её принципом»². «Мы вообще не опираемся здесь поэтому на какое-то эмпирическое восприятие нашей жизни, которое в качестве модификации сознания следовало бы совершенно отклонить, но на ге-

¹ Цитируется по: Lauth R. Hegel von der Wissenschaftslehre. Stuttgart, 1987. S. 146.

² Там же. Р. Лаут сопоставляет этот аргумент с параграфом 1 «Основ общего наукоучения» 1804 г., где Фихте разъясняет: «Абсолютное основоположение должно «выражать собою то «дело-действие», которое не встречается среди эмпирических определений нашего сознания, которого нельзя там встретить и которое, в противоположность тому, лежит в основании всякого сознания и только одно делает его возможным» (Фихте И.Г. Соч. в двух томах. Т. 1. С. 73).

нетическое понимание (Einsicht)... Я, исходя из конструкции Одного (абсолютного) бытия (des Einen (absoluten) Seins)».³ Фихте отклоняет тем самым упрек в эмпиризме, который был выдвинут против него Шеллингом и Гегелем, указывая на генетическую связь Я и абсолютно-го бытия, взятого в его единстве. Согласно Фихте, Шеллинг и Гегель не могут достичь ступени абсолютного, которое является единством субъективного и объективного, именно потому, что они устранили из своих философских систем живую субъективность и рефлексию. Причины тому Фихте указывает, в общем и целом, две: 1) представители абсолютного идеализма понимают «Я» Наукоучения только как эмпирическое, но не как трансцендентальное «Я»; это, в свою очередь, неизбежно, поскольку 2) содержание практической части Наукоучения осталось им неизвестно, а, ведь, именно в нём единичное «Я» в полной мере раскрывает свою природу в качестве чистого «Я».

Согласно аргументации Фихте, тот абсолют, на который указывают представители абсолютного идеализма, на самом деле – мнимый абсолют. «Кунштюк, благодаря которому можно на каком-то другом пути прийти к мнимому абсолюту, может проделываться теперь следующим образом: в каком-то месте перестают рефлектировать или в том случае, если имеют предшественника, который утверждал абсолютную рефлектированность (Фихте явно имеет в виду самого себя – Д.М.), то отрицают её для какого-нибудь места в системе знания, там, где охотно имели бы абсолют. Через это сами себя делают слепыми, и тогда возникает слепая вера, которая, поскольку она также слепа (...), держится не за веру, а за знание. Что это такое, точно так же следует указать. (Именно здесь в

истине господствует) объективная интуиция, (а именно) материальное, поскольку (эта вера) есть нечто производное, (а именно, так называемое) интеллектуальное (созерцание), поскольку оно должно быть абсолютным. Истинный принцип безумной мечтательности, когда мы ещё должны считать счастьем, если эта мечтательность не порождает нечто ужасное».⁴

В свою очередь чистое «Я» отождествляется представителями абсолютной философии с объективированным «Я», а именно: объективированным в форме интеллектуального созерцания, чистого мышления самого себя, чистого самосознания⁵. Согласно мнению Р. Лаута, как раз имея в виду данный фрагмент Гегеля, Фихте писал в 1805 году: «Понимается, что вовсе никакое объективированное Я не может быть чистым и абсолютным Я... Это также одна из основ непонимания НУ. Чистое Я не существует в репрезентанте: так как тогда оно не было бы чистым»⁶.

Чрезвычайно интересной также является реакция Фихте на гегелевский упрек наукоучения в пустоте, который он сделал в своей статье «Вера и знание». Существенное абсолютного знания в Наукоучении, как отмечал Гегель, есть то, что чистое понятие, пустое мышление присоединяется беспонятийным способом к содержанию, определённости понятия, или наоборот, определённости к неопределённости. Контраргумент Фихте показывает, что в действительности дело обстоит совсем не так просто. Абстрактность высшего принципа Наукоучения – абсолютного знания – свидетельствует о том, что необходимость перехода от чистого логического принципа к наличной определённости конечного предмета вовсе ещё не положена в самом логическом принципе, а потому

остаётся принципиально неопределённой. Это та проблема, которую, как нам кажется, Гегель не сумел до конца решить в своей системе философии природы и философии духа. Если говорить совсем просто и с изрядной долей упрощения проблемы, то её можно обозначить как проблему отношения всеобщего и особенного.

Фихте следующим образом фиксирует эту проблему: если «пустота» (Leerheit) – в данном случае пустота перехода от высшего принципа к наличному предмету – должна означать, что Наукоучение при «опустошении (Ausleerung)» вещей в их конкретном бытии занимается принципами и только принципами, то замечание, конечно, «правильно», но лишь настолько, насколько ясно, что геометр со своими точками, линиями, совершенно отделяет себя от мира тел (KörperWelt) и лишь благодаря этому отделению геометрия становится возможной»⁷.

Итак, многообразная определённая конкретная реальность не могла бы быть выведена дедуктивно из единства чистого знания. Фихте, бесспорно, прав в своей метакритике гегелевской критики: непосредственность взаимосвязи высшего единства и многообразной реальности (проистекающую именно из их принципиальной непосредственности или пока ещё недоступной познанию опосредствованности) молодой Гегель принимает за непосредственность самого единства и совершенно ошибочно считает последнее абстрактным тождеством. Хотя оно на самом деле конкретно и Фихте справедливо настаивает на том, что ему удалось раскрыть внутреннюю конкретность высшего единства абсолютного.

Комментируя эту полемику, Р. Лаут, опирающийся на рукописные тексты Фихте, следующим об-

³ Цитируется по: Lauth R. Hegel von der Wissenschaftslehre. Stuttgart, 1987. S. 148.

⁴ Там же, с. 150.

⁵ Ср.: Гегель Г.В.Ф. Различие между системами философии Фихте и Шеллинга в соотнесении с работами Рейнгольда, имевшими целью облегчить обзор состояния философии начала XIX столетия // Кантовский сборник. Калининград, 1989. С. 128.

⁶ Цитируется по: Lauth R. Hegel von der Wissenschaftslehre. Stuttgart, 1987. S. 150.

⁷ Там же, с. 151.

разом описывает эту конкретность: «Абсолютное знание является самим себя подтверждающим разумом, который в своих априорных определениях дедуктивно развивается из самого себя посредством того, что он в то же самое время переводит лежащие в нём виртуальные определённости в актуальность, которая, однако, развивается не априорно, но реализуется в свободном «выведении линий» (Linienziehen), каковое «выведение линий» одновременно есть следствие самого-себя-определения разума»⁸. Несколько неясный термин «Linienziehen» можно трактовать как установление направленности различий, «границ» (если принять смысл этого термина так, как он дан в «Науке логики») в мире реальных определённостей. Знание логического высшего принципа (в том числе и «знание» в чисто фихтевском смысле слова) ещё не даёт знания того, в чём же состоят реальные различённости бытия в сфере его наличности. Оно лишь раскрывает природу этих различённостей и указывает их направленность. Именно так можно понять смысл этого осторожного термина «выведения границ». Логическая часть наукоучения не задаёт априорную схему действительности, под которую можно было бы подогнать последнюю, не устанавливает «водоразделов» бытия. Она лишь высвечивает направления этих «водоразделов» и обосновывает саму их возможность. Конкретность высшего принципа обосновывает конкретность бытия, но не устанавливает её.

Однако критика Наукоучения со стороны Шеллинга и Гегеля не была напрасной. Последующие усилия Фихте были направлены именно на то, чтобы, с одной стороны, убедительнее и нагляднее раскрыть содержательную конкретность своего идеалистического принципа, а с другой, попытаться

найти опосредствующие звенья между абсолютным и относительным бытием, между чистым «знанием» и реальностью. Полагая, что ему удалось осуществить это в вариантах наукоучения 1804 года, Фихте именно на этом основании отводит упрёк в пустоте (Leerheit): «Наша система защищена против величайшего недостатка, в котором только можно упрекнуть философские системы, и при этом почти все без исключения, а именно – против упрёка в пустоте (Leerheit). Реальность, действительно истинная реальность, выведена. Никто не станет впредь смешивать эту реальность с б(ытием) (с объективностью), последнее есть некоторое замкнутое в себе, а потому мёртвое для-себя-устойчивое-наличие (Fürsichbestehen) и на-себе-покое (Aufsichberuhen). Первое же существует лишь в жизни и жизнь лишь в нём, и оно не может ничего другого, кроме как жить. И таким образом наша система гарантирована от смерти, которая во всех системах исключения где-нибудь да пустила корни (...) Окончательно признано и внушено (каждому), что эта реальность насквозь есть лишь Одно (Eine) и вечно является себе самой равной. Это так, потому что Свет и Жизнь в конечном итоге есть Одно (Eins), и то постижение (Einsicht), посредством отрицания которого Одно становится реальностью, также есть лишь Одно. Наша система достигла при этом прочного единства и надёжно утвердила себя против упрёка, что в её основании (in seiner Wurzel) ещё есть двойственность»⁹.

Уже всеобщее введение в изложение Наукоучения 1801-1802 годов указывает на то, что бытие может наличествовать лишь в качестве живого бытия, в качестве такового, в свою очередь, наличествовать лишь в абсолютном знании. «Если бы только эта (форма Знания или) форма Я позволила про-

яснить себя (...), то мы поняли бы, что последует нам и нашему сознанию исключительно из этой формы и, таким образом, является не чистой, а сформированной (formirtes) жизнью, и если бы только мы могли отделить таковую от нашей совокупной (gesamten) жизни, то выяснилось бы, что остаётся нам в качестве чистой и абсолютной жизни, что обычно называют реальным (das Reale). Возникло бы некоторое НУ, которое одновременно было бы жизнеучением (Lebenslehre)».

Эта программа, по мнению Лаута, находит себя исполненной в philosophia prima 1804 года. Фихте указывал в упомянутом всеобщем введении в 1802 году также на то, «что истинно живая философия жизни должна идти к бытию, и что путь от бытия к жизни был бы полностью превратен, поэтому такие системы, которые удаляли бы абсолютное как бытие, полностью исключали бы его из себя»¹⁰. При этом нам надо иметь в виду, что речь здесь идёт о своеобразной «жизни» понятия, которое является в системе наукоучения не мёртвой схемой или абстрактной мыслью, но определённым образом объективно и субъективно существующим бытием, тождественным с мышлением. Другими словами, само «живое» понятие должно прийти к бытию и в этом (но только в этом!) смысле породить его. Понятие абсолютного должно самоопосредствовать себя. Эту мысль Фихте выражает следующим образом: «В науке нельзя созерцать абсолютное становящимся вне самого себя». Фихте при этом ошибочно полагал, что Гегель в своей критике наукоучения был ведом требованием к философии развить богатство апостериорных определений дедуктивно из абсолюта. Это – точка зрения, бесконечно чуждая автору «Науки логики», который, видимо, охотно согласился бы с теми аргументами, которые приводит Фихте в свою защиту (в данном

⁸ Там же.

⁹ Там же, с. 152

¹⁰ Там же, с. 153.

случае – от мнимого противника). Всеобщее понятие, говорит Фихте, не является абстракцией от опытно постигнутого, напротив, особенное является тайной всеобщего и Единого¹¹.

Гегелевская критика абстрактности как фихтевского, так и шеллинговского философского принципа сопрягалась с критикой интеллектуальной интуиции как скрытой формой эмпиризма и апелляции к голой непосредственности, не содержащей в себе опосредствования. Реконструкция текстов наукоучений, осуществлённая Р. Лаутом, показала, что Гегель был не совсем прав в отношении Фихте. Последний сам осознавал ограниченность как точки зрения интеллектуального созерцания, т.е. точки зрения абстрактной непосредственности, так и точки зрения «понятия», как столь же абстрактной опосредствованности. Здесь лишь следует иметь в виду, что Фихте использовал термин «понятие», конечно же, не в том смысле, который позже придал ему Гегель в своей «Науке логики». Так, работы Фихте по логике вполне свидетельствуют о том, что понятие он трактовал в традиционном смысле формы рассудочного знания.

Анализируя Наукоучение 1804 года с этой точки зрения, Р. Лаут устанавливает, что Фихте в нём особо подчёркивает неудовлетворительные стороны как «понятия», так и «интуиции». Редуктивное движение вплоть до XV лекции (в повторном курсе) подчинено диалектике критики и того, и другого. Фихте показывает, что интуиция постоянно удаляет для-себя-наличествующее, или субстанцию. Истинное постижение абсолютно, по Фихте, должно основываться на единстве моментов аналитического и синтетического в познании.

При этом исходным моментом должен быть именно синтез.

В наукоучении, подчёркивал Фихте, не абсолютное единство «следует объяснять из его сочленов, но сочлены следует объяснять из абсолютного единства вместе со всеми их в себе самих меняющимися определениями. Оно не является, как в других философских системах, синтетическим принципом предпосланного ей анализа (опытно постигаемой действительности): но оно само является аналитическим и лишь вследствие этого анализа – синтетическим принципом. Не оно должно объясняться через эти сочлены, а эти сочлены – через него; оно, однако, должно быть постигнуто лишь для себя (*für sich*)»¹². Фихте далее подчёркивает, что в наукоучении «вовсе не может быть истинным единством никакое единство, которое проявилось как всего лишь единство (*blosse Einheit*), но поистине правильное единство может быть лишь принципом являющегося (простого) единства и принципом являющейся дизъюнкции одновременно; а именно, быть не просто (*nicht bloss*) принципом в качестве (чего-то) внешнего, так что он эти оба, т.е. единство и принцип дизъюнкции, намечал бы проективно и объективно по отношению к явлению, но напротив – внутренне и органически; так что он не мог бы быть принципом единства, без того чтобы одновременно тем же самым полаганием (*in demselben Schlage*) не быть принципом дизъюнкции, и наоборот; и именно так он был постигнут (*einsehen*); и единство состоит именно в этой абсолютно живой внутренне, действующей и исполненной силы, а вовсе не в какой-то умерщвлённой сущности (*Wesenheit*)»¹³.

Но именно это изначальное единство анализа и синтеза, кото-

рое Фихте обозначает также как единство дизъюнкции и конъюнкции, составляет действительный исходный пункт философии Гегеля, и именно логическая форма философии является той формой, которая позволяет конкретно мыслить данное единство как первичное. Из этого можно сделать вывод о том, что, во-первых, фихтевская философия уже может быть определена как логическая философия в этом обозначенном нами смысле и, во-вторых, принципиального различия в понимании этого вопроса (и в самой фиксации его) между Фихте и Гегелем нет. Различие заключается только в способе решить указанную проблему.

Впрочем, фихтевская аргументация, как нам представляется, в полной мере справедлива в отношении Шеллинга. Существенных же различий в позиции Шеллинга и Гегеля Фихте не улавливает. Приведём фрагменты Фихте, реконструированные Лаутом, в которых содержатся эти критические выпады создателя наукоучения против Шеллинга.

«Для того, кто не может мыслить актуальность (...) без изменения (...), для того трансцендентальный мир, конечно, закрыт. Так обстоит дело у Шеллинга: если он хочет доказать, что нечто можно было бы мыслить не как акт, то он доказывает это из того, что его можно было бы мыслить не как изменение, и не внутри времени. То, что он не в состоянии мыслить акт иначе – на здоровье: (...) это является (...) плохая голова и недостаток всякой первой потребности в философствовании. Шеллинг вбил в голову, что могло бы быть дано ещё какое-то другое бытие, кроме как живое бытие (...) Это другое единственно истинное бытие он теперь совершенно естественно полагает в

¹¹ Там же.

¹² Там же, с. 159.

¹³ Там же, с. 160. В примечаниях к изданию «Науки логики» Гегеля 1997 года (издательство «Наука», СПб.) мне приходилось отмечать, что термин «*Wesenheit*», который в системе Гегеля наполнен важным категориальным смыслом и может быть переведён как «сущность» (в прежнем переводе \$ «определённая сущность»), в философии Фихте вовсе не имеет категориального значения, употребляется в его работах не более пятнадцати раз, как правило, в нефилософском контексте. А потому его правильно будет перевести здесь просто как «сущность». (Подробнее см.: Гегель Г.В.Ф. Наука логики. СПб., 1997. С. 778–779.)

смерти (именно в некоторой покоящейся (stehende) субстанции) (...) Конечно, благосклонный читатель обычно не склонен предполагать, что спекулятивный талант может быть бессильным для того, чтобы возвыситься до понятия акта, исходя из которого проаргументировано Наукоучение»¹⁴.

В этой критике, замечает Р. Лаут, Фихте совпадает с анонимом, который писал в то время в журнале «Новый музей философии и литературы» в своих «Афоризмах об абсолюте»: «Для того, чтобы только удержаться при этих очевидных заблуждениях учения об абсолюте, прежде всего следует спросить: Как оно пришло к тому, чтобы выдавать за корни абсолютного понятия возможности и действительности, всеобщего и особенного, или всего прочего, что оно при этом подводит под одну черту, как если бы всё было одного рода с другим? И в тождестве этих понятий искать абсолют? Без труда постигается, что в качестве подобных корней также хорошо были пригодны понятия формы (Formheit) и силы (Stoffheit), единства и многообразия, или же другие релятивистские способы представления рассудка и даже все противоположности, подхваченные на поле эмпирии»¹⁵. «Разум вообще никогда не учится у рассудка и чувственности и вовсе не черпает для своих идей материал из последних. То, что он знает и представляет, он, напротив, проецирует исключительно из себя самого и творчески производит это из собственных недр. Идентификация возможного и действительного, таким образом, также не может быть его делом, но составляет некий ублюдок силы воображения». «Полагание тождества возможного и действительного» и таким образом

также полагание субъекта и объекта происходит здесь, однако, лишь через «чистое уничтожение обоих посредством друг друга, или через полагание двух относительных отрицаний»; иллюзия, согласно которой из этого получается абсолют, возникла из мнения, «что представлению о тождестве возможного и действительного, которое лишь означает (ausmacht) понятие недостатка обоих, соответствует нечто реальное, которое не отягощено ограниченностями обоих и которое имеют желание называть абсолют. Учение о тождестве возможности и действительности в абсолюте является, таким образом, (...) пустотелым и бесплодным порождением фантазии, и для его оправдания не остаётся ничего, кроме пустого уверения, что оно не было понято»¹⁶.

Говоря об отношении логического принципа наукоучения к сфере реальных явлений, Фихте приводит ещё и следующее возражение. «В А. (как принципе явления) положено ещё много больше, чем индифференция субъективного и объективного (...) К этому Шеллинг (и Гегель) никогда не смогут прийти посредством блеклого мышления»¹⁷. Наукоучение же 1804 года чисто генетически выводит двойную дизъюнкцию субъекта и объекта, мышления и бытия, природы и интеллекта вместе с фундаментом самой дизъюнкции из точки всякого генетического развития (Entfaltung), которая, со своей стороны, выводится из абсолюта одновременно с простым абсолютным единством. «Где находится теперь наше рассуждение, – спрашивает Фихте в IV лекции Наукоучения 1804 года, – если только в самом деле мы остаёмся в своём уме (...). Очевидно, в нашем (феноменальном) конструировании по-

средством принципа обособления (Sonderung) – посредством того, что вовсе должно быть значимо, вовсе не поскольку оно сконструировано, но в себе (an sich); таким образом совершенно напрямую (...) между обоими принципами: принципом обособления и принципом единства, уничтожая и одновременно полагая и тот, и другой. И, таким образом, точка зрения остающегося в своём уме Наукоучения вовсе не является синтезом post factum; но синтезом a priori, не находящим ни обособления, ни единства, но создающим и то, и другое одним и тем же действием (Schlage)»¹⁸.

Недостатком абсолютного идеализма, согласно Фихте, является, поэтому, то, что абсолют не схватывается Гегелем и Шеллингом как аналитическо-синтетический принцип. Аналитическая различённость природы и интеллигенции, о которой говорил Шеллинг, а вслед за ним и Гегель, должна быть выведена из абсолюта, в котором царит соответствующее его природе абсолютное единство. Но для этого необходимо сначала постичь само абсолютное, после чего вывести из него формы природы и интеллигенции, выйдя из «абсолютного единства абсолюта», постоянно помня при этом, что, согласно Фихте, само «Абсолютное (das absolute) не было бы абсолютным, если бы оно существовало бы в какой-нибудь форме».

Фихте, таким образом, прекрасно осознаёт, что всеобщее не может отождествляться ни с какой относительной формой особенного, а также осознает всю меру сложности постижения и выражения всеобщего. Решить её он стремится, исследуя абсолютное в его генетическом измерении¹⁹. И это составляет одну из главных программных задач позднего наукоучения. Лишь

¹⁴ Цитируется по: Lauth R. Hegel von der Wissenschaftslehre. Stuttgart, 1987. S. 159.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, с. 161.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Понятие генезиса является специфической категорией поздней философии Фихте. См. о ней: Громыко Н.В. Мюнхенская школа трансцендентальной философии. М., 1993.

на этом пути, согласно Фихте, мысль в состоянии постичь то, «откуда всё-таки берётся форма, в которой абсолютное проявляется, (и) где, собственно, эта форма обитает (einheimisch sei)»²⁰.

Проблема формы абсолютного

Решению данной задачи, в частности, посвящена первая часть второго цикла лекций по Наукоучению 1804 года. Определяя путь мысли к знанию чистого абсолюта, Фихте раскрывает природу дискурсивного понятия, его корень, показывая, что понятие не может быть абсолютным и не может быть «помещено» в абсолют. В этом, видимо, заключено главное отличие первой философии Фихте от науки логики Гегеля, даже если учесть всю глубину различия в толковании ими самого термина «понятие». Абсолют для Фихте принципиально *не-понятен*, хотя и интеллектуальная интуиция, которая стала для Шеллинга способом уйти от проблемы, для Фихте, как мы видели, также неприемлема. По крайней мере, он ищет для последней какое-то новое толкование и смысл.

Однако «понятие» всё же играет весьма существенную роль в системе позднего Фихте. А именно: оно играет роль опосредствующего звена между абсолютным и относительным бытием. Чем-то вроде демиурга, в гностических системах помещавшегося между Богом и миром. Если быть еще точнее, то такую роль играет даже не само понятие, а то, что Фихте называет «корень понятия», которое он обозначает специфическим термином «Durch». Этот термин «Durch», в свою очередь, произведен от местоимения «Durcheinander», которое обычно переводится как «посредством друг

друга». Определяя «Durcheinander» как главную характеристику «понятия», Фихте справедливо видит в последнем всеобщее опосредствование как его природу. Однако, относясь к понятию лишь как к дискурсивному понятию, Фихте отказывается вскрыть в нём же и природу непосредственности (а именно: непосредственности всеобщего опосредствования). Таким образом «Durch» – всеобщее «через» – оказывается всеобщим принципом «Durcheinander» и соответственно всеобщим принципом самого понятия. Термин «Durch» вызывает ассоциации с диалектикой как процессом продуцирования субъектом своей продуктивности – тема чрезвычайно близкая автору «Наукоучения»²¹.

Однако этот бог-посредник, бог-демиург «Durch» лишён для автора Наукоучения жизни, которой, по Фихте, наделено абсолютно абсолютное и относительно относительное. «Durch», а значит, и логическое понятие как таковое, в этой системе предстают чем-то совершенно несубстанциальным. Приведём соответствующее высказывание Фихте. «Durch», как корень понятия, само по себе не живет, но нуждается в чужой жизни, которую оно может распространить на себя. Совершенно очевидно, что жизнь в качестве жизни не могла бы находиться в «Durch», хотя форма, которая здесь (в постижении) воспринимает жизнь, в качестве перехода от Одного к Другому находится в «Durch» ... результат: существование «Durch» предполагает первоначальную жизнь, которая сама по себе основана не на «Durch», но совершенно на самой себе»²². «Для понятия в качестве абсолютного отношения изображённого к изображению (Bild) и наоборот, поскольку оно есть лишь

это отношение, дело не доходит до того, что изображённое должно быть для себя устойчиво существующим (für sich bestehende) светом, а изображение – изображением этого света; изображённое и изображение, просто как таковое, достаточны для него; в дальнейшем для его внутренней сущности (дело идёт о том), что таковая предполагается в качестве абсолютно для себя устойчивого (als absolut für sich bestehend), но устойчивого даже не на (основе) изображённого и изображения, но ведь эта внутренняя сущность явно является всего лишь Durcheinander. Таким образом, фактически найдено, что это Durcheinander, именно в качестве существующего, делает очевидным (einleuchtet) изображение и изображённое. Кто, однако, вправе сказать нам, (...) что это Durcheinander должно быть чем-то получившим очевидность, чем-то существующим»²³.

Р. Лаут утверждает, что у Гегеля имеет место перенесение этого «Durcheinander», а именно «Durcheinander», относящегося к духу и природе, в сферу абсолюта. Наукоучение же «доказывает, что они вовсе не исходят непосредственно из самого абсолюта, но из опосредствованно генетизированного понятия («Durch»)»²⁴.

Мы, в свою очередь, хотели бы высказать несколько иное предположение. В диалектической системе Гегеля отсутствует аналог фихтевским понятиям «Durcheinander» и «Durch», призванным у Фихте заполнить непосредственный переход от абсолюта к сфере наличной реальности, к конечной интеллигенции и к природе. Там, где Фихте привлекает понятие «Durch», у Гегеля имеет место скачок от логического абсолютного к внутренней логике природы и духа.

²⁰ Цитируется по: Lauth R. Hegel von der Wissenschaftslehre. Stuttgart, 1987. S. 163.

²¹ Ср.: «Мыслящее Я собирает представленное, проходя через него, пронизывая его в его представимости. «Через что-либо» по-гречески значит: dia. dialagesqai, диалектика означает здесь, что в названном действии (процессе) и в качестве такого действия субъект производит свою субъективность: продуцирует её». Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 382–383.)

²² Там же, с. 164

²³ Там же.

²⁴ Там же, с. 164–165.

В дальнейшем мы постараемся показать, что там, где Гегель стремится опосредствовать этот переход (в философии природы и философии духа), то таким опосредствующим началом для него выступает метод, вступающий в противоречие с системой. Метод, как элемент гегелевской системы, насколько несубстанциален (основывается на диалектике всеобщей логики), настолько и субстанциален (поскольку сама логика имеет высшим результатом своего саморазвития как раз метод, по крайней мере, именно так Гегель раскрывает этот результат в заключительной главе «Науки логики», посвящённой абсолютной идее).

В философии природы и духа, когда метод выступает именно как средство опосредствовать непосредственный скачок от логического к наличному, он приводит к схематизму системы. Там, где опосредствующим между логическим и наличным выступает у Гегеля история, трактуемая как «Geschichte», то есть как единство объективного процесса и его субъективного осмысления (причём, «субъективного», буквально, во всех смыслах), там схематизм не находит себе место, и выступает глубоко философское, истинно спекулятивное осмысление действительных процессов.

Нам думается, что дело, скорее всего, не в принципиальном различии трансцендентального идеализма логического у Фихте и спекулятивно-логического у Гегеля, которому Р. Лаут отказывает в трансцендентализме (а Фихте, само собой разумеется, не мог знать спекулятивной логики Гегеля). Тезис о принципиальном различии двух типов логического (у Фихте и у Гегеля) составляет один из краеугольных камней мюнхенской школы Р. Лаута. Один из наиболее ярких и глубоких представителей этой

школы Франц Бадер стремится дать даже историко-философское обоснование этому различию, возводя его к противоположности принципов логического у Платона и Аристотеля.

Необходимость полагания принципа единства мышления и бытия не только в качестве онтологического, но и в качестве гносеологического принципа вплоть до их абсолютной неразличённости, о чём говорит Фихте, в полной мере соответствует спекулятивному методу позднего Гегеля. Абсолютность единства абсолюта, «живущего» по своим законам, которые нельзя непосредственно экстраполировать на сферу особенного (а равно и наоборот) – это тот принцип философствования, с которым согласится каждый человек, основательно изучивший логику Гегеля. Различие между двумя великими системами, венчающими процесс исторического развития классической философии, с этой стороны состоит, скорее, в их направленности. Если для Фихте важно обосновать специфику знания абсолютного, что соответствует мощному педагогическому потенциалу его системы,²⁵ то Гегель стремился к тому, чтобы успеть как можно полнее раскрыть сам процесс движения логического в пределах абсолютного. Нам думается также, что Фихте дал более тонкий анализ отношения абсолютности всеобщего и относительности особенного и выявил все теоретические и методологические сложности, связанные с задачей их опосредствования. Его учение о «Durch» позволяет глубже понять и чётче выявить недостатки гегелевской системы.

Однако тот факт, что именно Гегель, а не Фихте раскрыл в движении логического внутренний процесс абсолюта, не случаен. Непреодолимым препятствием для Фихте оказалась диалектика непо-

средственного и опосредствованного в абсолюте и во всём, что связано с абсолютом. Причина этого видится в том, что Фихте никогда не смог избавиться от требования «очевидности» в философском познании. Это требование оставалось своего рода рудиментом, доставшимся фихтевской философии в наследие от новоевропейского мышления.

Подводя итог, можно сказать, что в общем и целом фихтевские и гегелевские системы логического не столько противостоят, сколько дополняют друг друга. При этом ярко высвечивается главный «болевой пункт» логической формы философии – проблема связи чистой стихии логического, представляющей процесс абсолюта, с особыми сферами природы и духа. Развитие понятия духа как философской категории стало у Гегеля формой конкретизации (и самоопосредствования) понятия логического. В логических фрагментах, опубликованных в пятом томе «Hegel-Studien», Гегель говорит, что понятие, как одна из трёх логических ступеней (в системе категорий бытие-сущность-понятие), имеет своё конкретное наличное бытие в форме духа. В последнем, в свою очередь, снова воспроизводятся три логические ступени²⁶.

Гегель: модель образования в дискурсе абсолютного идеализма

Абсолютное единство мироздания есть единство бытия, но одновременно и единство мышления (бытие в его единстве и мышление в его единстве). Именно постигнутое как субъективность, оно есть дух. Дух, взятый в качестве философской категории, это собственно гегелевское «изобретение». Впервые оно начинает употребляться философом в этом смысле в лекциях 1803-1804 годов²⁷. Новые исследования философии Гегеля подтверждают, что именно введение этого понятия составило пово-

²⁵ См.: Громыко Н.В. Проблема свободы в философии И.Г. Фихте (опыт методологического анализа). – М., 1988. С. 19–25.

²⁶ Unveroeffentliche Diktate aus einer Enzyklopadie-Vorlesung Hegels // Hegel-Studien. Bd. 5. Bonn, 1969.

²⁷ Bienenstock M. Zu Hegels erstem Begriff des Geistes (1803/04): Herderische Einfluss oder Aristotelische Erbe? – Hegel-Studien. Bd. 24. 1989. S. 28. (В этой статье представлен очень интересный анализ влияния Гердера и Аристотеля на процесс становления гегелевского понятия духа.)

ротный пункт в развитии самого Гегеля²⁸.

На исключительно большое значение понятия духа для становления самой идеи гегелевской логики указывал Х.-Г. Гадамер. Одновременно он также обращал внимание на значение этой категории для возрождения в Логике Гегеля античной традиции: «Его (Гегеля – Д.М.) понятие духа, которое преодолевает субъективные формы самосознания, восходит, таким образом, к метафизике Логоса и Ума (Logos-Nous-Metaphysik) платоновско-аристотелевской традиции, которая положена ещё до всякой проблематики самосознания. Гегель тем самым разрешает для себя задачу нового обоснования греческого Логоса на почве современного, самого себя знающего духа»²⁹. Вместе с тем Гадамер замечает и то, что здесь мы находим развитие того содержания, которое заложено уже в фихтевском понятии чистого «Я»³⁰. При этом в данный момент для нас в первую очередь важна именно эта генетическая связь гегелевского понятия духа с фихтевским понятием «Я».

«Дух» (как, впрочем, и чисто логические категории философии Гегеля) слишком часто интерпретируют как некую объективную субстанцию, забывая о том, что он есть субъект. Работа же с таким тонким предметом как субстанция-субъект (в том числе и в качестве объекта историко-философского исследования) требует адекватного себе метода, включая и определённое преобразование индивидуального мышления философа (или исследователя философии, если только такое возможно). Глубокую и тщательную проработку подобного опыта мы найдём именно в философии Фихте, что окажется весьма

кстати для адекватной интерпретации Гегеля. Если мы утверждаем, что философия Гегеля является «снятием» наукоучения Фихте, то в соответствии с самим же гегелевским понятием «снятия» оно в той же мере сохраняет в себе (сохраняет собою) трансцендентальную философию и её методы.

Дух в системе Гегеля является прежде всего результатом развития логического понятия – спекулятивного единства субъективного и объективного – высшей формы человеческого знания, в котором мышление субъекта есть непосредственное тождество с собой и в то же время – тождество со всеобщим единством мышления и бытия, опосредствованное самим всеобщим. Достижение этой точки есть цель и завершённость всякого образования. Образование является процессом взаимопосредствования отношения человека и духа как субстанции-субъекта. Его процесс есть процесс непосредственной реализации логического.

Главная проблема, как показал это Гегель, состоит здесь в том, что знание духа и спекулятивный способ мышления не может быть непосредственно выведен из той системы законченных, облечённых в рассудочную форму сведений, которые составляют основу всякой школьной программы. Дух не может быть постигнут недуховно. Постигание духа требует преобразования всего человека, раскрытия им в себе своего духовного основания. Эту проблему автор «Науки логики» трактовал как проблему перехода от школьного обучения к философскому знанию. Здесь, согласно Гегелю, с неизбежностью имеет место диалектический скачок. «Образование есть не только снабжение необходимыми знаниями и способностями, но прежде всего – становление

прорыва в бытие и истину. Платон и Гегель совпадали в том, что образование не находит в самом себе дорогу к «науке». Пленник освобождается из пещеры и возвышается к свету без того, чтобы знать, как это с ним происходит. Переход от образования к философской «системе» является скачком...»³¹. Отсюда – неприменный акцент в педагогических работах Гегеля (особенно в поздний период) на различиях между принципами среднего и всеобщего образования.

Гегелевское решение этой проблемы, реконструируемое, исходя из всего контекста педагогических воззрений великого философа, может быть кратко сформулировано следующим образом: возможным этот скачок должна сделать сама форма образования, та, которая сможет обеспечить молодому человеку духовное отношение к его собственному развитию в школе. Причём обеспечить таким образом, что высшее образование будет лишь доведением до теоретического выражения его индивидуального духовного опыта, в котором осознавалось бы всеобщее содержание.

Дух, являясь началом, средством и результатом образования, таким образом опосредствует самого себя, выступая тем самым как субстанция. При этом одновременно творит себя в соответствии со своим логическим понятием, даёт себе жизнь, поскольку дух – «не что-то, готовое до своего появления, не какое-то, за массой явлений укрывающееся существо, но то, что поистине действительно только благодаря определённым формам своего необходимого самообнаружения»³². Образование человека есть возвышение им себя до стихии духа, который есть субстанция индивидуального человека и одновременно субстанция истории. Другими сло-

²⁸ Анализ этих работ см. там же, с. 28–29.

²⁹ Gadamer H.-G. Die Idee der Hegelschen Logik. – In.: H.-G. Gadamer. Gesammelte Werke. Bd. 3. S. 67–68.

³⁰ Там же, с. 67.

³¹ См.: Ballauf Th. *Pedagogik. Eine Geschichte der Bildung und Erziehung*. Muenchen, 1980. Bd. II. S. 526.

³² См.: Гегель Г.В.Ф. *Энциклопедия философских наук*. Т. 3. – М., 1977. С. 25.

вами: образование есть «введение» человека в мировую историю и мировую культуру.

Нодухесть не только субстанция, но и субъект, он есть субстанция-субъект. Поэтому, возвышая себя к духу, человек одновременно возвышает свою субъективность до субъективности всеобщего духа, преодолевает произвол своей индивидуальности, выходит из-под власти плотских страстей и случайных прихотей. Индивидуализм и эгоизм – синонимы необразованности. Таким образом, мы видим, что, введя в систему педагогического знания понятие духа, Гегель раскрывает природу внутреннего единства обучающей и воспитательной функций образования.

Лишь удерживая понятие духа как субъекта (что само уже требует специальных познавательных, в первую очередь, логических средств), можно понять всю глубину гегелевской концепции образования, не сводя её до упрощённой теории взаимодействия человеческого «субъекта» и духовной «субстанции»³³. Образование есть сложный процесс взаимоперехода субстанциальности человеческой субъективности, с одной стороны, и субъективности духовной субстанциальности, с другой. В этом процессе раскрывается их изначальное единство.

Но этот процесс был бы излишен, если бы указанное единство с самого начала выступало в своём развитом виде. Это единство есть дух. Поэтому должно само опосредствовать своё развитие. Значит первоначально оно только непосредственно. Гегель видит эту непосредственность духа в состоянии погруженности ребёнка в стихию народной жизни. Ребёнок от рождения слит с нею, пребывая в нерасторжимом, а потому неизвестном единстве с языком и традициями своего народа. Он есть дух, но дух необразованный: не получивший для себя своего образа.

Процесс образования человека состоит в отчуждении от почвы своей культуры. И здесь Гегель «выходит» на основной постулат неогуманизма: образование и воспитание через ознакомление с иной культурой, именно – с античной³⁴. Но самое важное здесь: вернуть дух из этого самоотчуждения и разорванности в единство с самим собой, т.е. вернуть к почве народной жизни, восстановить непосредственность связи с ней. Только теперь эта непосредственность будет уже содержать в себе своё собственное опосредствование, что и означает для духа быть образованным. «На этом центрифугообразном движении души, – утверждал Гегель в своей первой гимназической речи, – основывается необходимость обретения ею своего собственного различия, которое она ищет в своей природной сущности и состоянии, основывается необходимость ввести далёкий, чуждый мир в молодой дух. Различающей стеной, посредством которой это различие осуществляется для образования, является мир и язык древних; однако эта стена, которая разделяет нас от нас, содержит в то же время все исходные пункты и нити для возвращения к нам самим... для нахождения нашей самости»³⁵.

Гегелевское понятие духа как субстанции-субъекта и спекулятивный метод мышления подвигают нас, таким образом, к признанию необходимости обретения развитого национального самосознания как цели образования. Если классическая гимназия не ведёт к этой цели, не снимает отчуждения духа в мир иной культуры возвращением на почву собственной, то она из средства образования духа становится средством его разрушения, средством разрушения культуры и личности.

Таким образом педагогика неогуманизма оказалась тесно связанной с немецкой классиче-

ской философией, которая воспринималась современниками как высшее порождение немецкой культуры. Глубокая философская, теоретическая и метатеоретическая интерпретация немецкими идеалистами компонентов структуры процесса воспитания придаёт ему онтологический характер, а философское понимание человека, целостности его природы обосновывает направленность всех воспитательных усилий на формирование личности, на реализацию природных сил и возможностей, заложенных в сущностных характеристиках человека, приводит к осуществлению методологического замысла – развитию целостного философско-антропологического подхода к воспитанию и образованию.

В итоге неогуманистическая модель воспитательно-образовательного воздействия на личность путём её своего рода «вживления» в античную культуру оказалась в высшей степени привлекательной как для теоретиков, так и для педагогов-практиков. Во многом именно неогуманизм определил характер немецких реформ того времени в области образования.

Неогуманизм смог предъявить обществу более продуктивную, чем у филантропистов, модель образовательного процесса именно потому, что на заключительном этапе становления неогуманистической педагогики произошло её сближение с немецкой классической философией. Учение Канта и Фихте о методах познания человека и учение Гегеля о вхождении человека в историческое пространство духовной жизни можно рассматривать как наиболее глубокие основания теоретического фундамента педагогики неогуманизма. В свою очередь собственно педагогические воззрения Канта, Фихте и Гегеля также развивались в русле неогуманистической традиции.

³³ Ср.: Ballauf Th. *Pedagogik. Eine Geschichte der Bildung und Erziehung*. Muenchen, 1980. Bd. II. S. 528.

³⁴ Ср.: Гадамер Х.-Г. *Истина и метод. Основы философской герменевтики*. – М., 1988. С. 55.

³⁵ Там же, с. 58.

О.П.ПУЗАНОВ, кандидат философских наук, доцент НОИР г. Санкт-Петербург
O.Puzanov, candidate of philosophical Sciences, associate Professor NOIR, St. Petersburg

Воображение в лабиринтах сознания Imagination in the labyrinths of consciousness

Аннотация: Проблему воображения сегодня во многом можно свести к исследованию вопроса о том, что является направляющим фактором его работы в ходе культурогенеза. Почему люди, обладающие принципиально одинаковыми механизмами воображения, в разные исторические эпохи, в различных локальных цивилизациях направляют его на создание таких непохожих культурных ценностей? Проблемы, затронутые в статье, имеют отношение прежде всего к практике образования и воспитания, поскольку развивающееся общество нуждается в формировании «качественного» воображения для того, чтобы было как можно больше творческих людей, движимых положительной духовной ориентацией.

Abstract: The problem of imagination today can be largely reduced to the study of the question of what is a guiding influence in his work during the cultural Genesis. Why do people possessing essentially the same mechanisms imagination, in different historical epochs, in different local civilizations send him to create such different cultural values? The problems raised in the article are related primarily to the practice of education as developing society needs in the formation of the «quality» of the imagination to be more creative people, driven by positive spiritual orientation.

Ключевые слова: мировоззрение, воображение, духовность, человеческая деятельность, сознание, архетипы, чувственно-образный материал, культура, религия, эмоции, разум, идеология, политика, эстетическая природа воображения, идеал.

Keywords: world, imagination, spirituality, human activity, consciousness, archetypes, sensual-shaped material, culture, religion, emotions, mind, ideology, politics, aesthetic nature of the imagination, the ideal.

Культура как «застывшая» фантазия

Философские характеристики человека весьма многочисленны. В наборе качеств, присущих только человеку: носитель частицы божественного духа (христианство), сомневающийся (Декарт), играющий (Хейзинга) и даже смеющийся (Рабле), а также разумный, умелый, действующий и т.д. Все эти характеристики правомерны, так как в совокупности констатируют многомерность человека. Одной из его атрибутивных характеристик является воображение. (Понятия «воображение» и «фантазия» в данной статье употребляются как тождественные. – О.П.). Воображение (фантазия) есть то, что делает возможным само существование культуры, которая понимается как мир возделанный, созданный человеком в отличие от дикой природы, не преобразованной человеком. В продуктах человеческой деятельности воображение опредмечивается и превращается, выражаясь

словами Гегеля, «в своё иное». Все предметы культуры есть инобытие воображения.

Любое явление культуры – будь то примитивное на скальном изображении или современный кинофильм, каменный топор или самолёт, – суть не что иное, как опредмеченное воображение, успокоившееся, «окаменевшее» в своих продуктах. Бумажные деньги, например, которые в физическом отношении имеют ничтожную ценность, только силой фантазии превращаются в могучую силу и обретают реальную власть над людьми. Фантазия не только пронизывает и во многом определяет весь познавательный процесс, начиная с ощущения и кончая сложнейшими теоретическими понятиями, но и играет решающую роль в формировании идеалов, ведёт к высшим проявлениям духовности.

Культура, в конечном счёте, это и продукт воображения многих поколений, и среда, в которой во-

ображение формируется и проявляется.

Феномену воображения посвящён огромный массив специальной литературы. Хотя психологические механизмы и результаты этой способности человека изучены достаточно глубоко и подробно, можно говорить о «неисчерпаемости» проблемы воображения. Даже при его самом тщательном анализе всегда остаётся некий «таинственный остаток», не затронутый логической реконструкцией, открываются всё новые и новые аспекты проникновения в сущность данного феномена.

«Технологии» воображения

Общепризнанно, что воображение – это способность создавать образы предметов и явления, никогда в целом не воспринимавшиеся в действительности. С помощью воображения человек в своём сознании соединяет то, что в природе разъединено, и разъединяет то, что в ней связано неразрывно.

Способность к воображению возникла и развилась как первоначальная форма целеполагания, позволившая сознанию «оторваться» от непосредственных условий природного бытия. Это – элемент творчества позволяющий человеку идеально построить конечный и промежуточный продукты своей деятельности. Осуществляя «отлёт» от действительности, воображение содержит в себе решающую возможность конструирования новых вещей, связей и отношений.

Понятием «воображение» обозначают и психический процесс, и его результат. Как результат, оно есть отражение в человеческом сознании реальных предметов, сторон, свойств, явлений действительности в необычных сочетаниях. Воображение как процесс – это преобразование чувственно-образного материала. Выявлены основные механизмы или приёмы воображения: агглютинация, гиперболизация, акцентирование, уподобление, типизация, реконструкция [1].

Агглютинация (склеивание) представляет собой соединение разнородных предметов, их частей, сторон, сторон свойств в единое целое. Это создаёт возможность «склеивать» то, что в реальном, природном, не затронутом культурой мире несоединимо. Результатом агглютинации являются многие достижения технического творчества (машины, которые объединяют трудовые функции человека), художественные образы (например, созданные в так называемом «зверином стиле» скифскими художниками: кошки с птичьими когтями, грифоны с туловищем рыбы и т.п.).

Суть гиперболизации – в уменьшении или увеличении предметов и явлений. При помощи этого приёма созданы, например, образы лилипутов и великанов в известной книге Джонатана Свифта «Путешествие Гулливера».

Если уменьшение или увеличение при гиперболизации распространяется на весь объект, явление

или ситуацию, то при акцентировании подчеркиваются, преувеличиваются, выделяются отдельные стороны, свойства, части предметов, производится нарушение их соотношений друг с другом. Результатом акцентирования являются, скажем, карикатурные изображения людей. Персонажи мультфильмов также появляются на свет с помощью данного приёма.

Большое значение в возникновении фантастических проявлений имеет приём уподобления. С его помощью происходит чувственно-образный перенос структуры и функций каких-либо объектов на другие предметы и явления. В мифологии и в искусстве приём уподобления выражается, например, в форме олицетворения, которое есть представление о предметах и явлениях как о живых существах. В греческой мифологии, например отношения между Ураном-Небом и Геей-Землёй уподобляются супружеским узам. В литературе нередко выражения: «река играет», «листва шепчет» и т.п.

Типизация – это выделение повторяющегося в однородных фактах и воплощение его в чувственно-наглядном образе, представлении. С помощью данного приёма продуцируются, к примеру, персонажи литературных произведений. Типизация делает возможным отбор и закрепление представлений о том, каким должен быть человек определённого социального статуса. Приём реконструкции представляет собой восстановление целостного образа предмета, явления по его части, признаку, а также в соответствии с его словесным описанием. Данный приём играет важную роль при восприятии, скажем, государственной символики – герба, флага, гимна. Подобная атрибутика вызывает в воображении граждан государства представления об истории их страны, наиболее драматических ситуаций её возникновения и т.п.

Перечисленные приёмы в реальном процессе фантазирования

переплетаются и в чистом виде не встречаются. Можно говорить о доминировании того или иного механизма в каждом конкретном случае продуцирования представлений в воображении. В ходе агглютинации соединяются, как правило, акцентированные предметы и явления, стороны и свойства реальной действительности. Продукты агглютинации могут вновь подвергаться воздействию акцентирования. В процессе реконструкции действуют приёмы уподобления, агглютинации, гиперболизации, типизации.

Перевод «энергии внешнего раздражителя в факт сознания»

Воображение превращает физическое воздействие, производимое на человеческие органы чувств предметами и явлениями окружающего мира, в субъективный образ. Понимание подобной «миссии» воображения можно обнаружить у К. Гельвеция, который писал: «Рассмотрим этимологию слова воображение (imagination). Оно происходит от латинского imago (образ)... словом, воображение является изобретателем образов подобно тому, как ум является изобретателем идей» [2].

Глубоко осмыслена проблема перехода физического в психическое И. Кантом. Основатель немецкой классической философии считал: для того чтобы познающий субъект смог чувственно воспринять вещь, он должен обладать априорными формами чувственности: пространством и временем. Подобный взгляд широко известен современным философам. Кант считал возможным «первоначальное изображение предмета» лишь как пространственно-временной его образ. Воображение на чувственной ступени познания понимается немецким философом как трансцендентальность пространства и времени.

Особую роль воображения на ступени чувственного познания подчёркивали такие философы, как Э.В. Ильенков, Ф.Т. Михай-

лов [3]. Обратимся к их рассуждениям.

С точки зрения этих авторов, в принципе легко проследить всю цепочку физических, химических, электрических изменений, по которой вещь, оказывая воздействие, обеспечивает акт ощущения и восприятия, например зрительного. Гораздо труднее понять, как и почему другая вещь, то есть познающий субъект, человек – начинает воспринимать изменение внутри неё самой как событие, разыгравшееся вне мозга и глаза – в реальном внешнем пространстве. И тут знания материальных механизмов появления образа явно недостаточно. Без воображения переход чисто физического воздействия «во образ» был бы невозможен.

Новорождённый не обладает способностью воспринимать окружающие предметы, а лишь испытывает раздражение внутри своих органов рецепции. Только через некоторое время, обретая воображение, ребёнок получает способность видеть окружающий мир вне глаза, вне черепа, вне своего «Я». Переход чисто физического воздействия «во образ» – это «чудо», которое совершает воображение. Именно оно даёт возможность воспринимать действительность, поскольку связывает различные ощущения. Но в такой функции оно присуще и животным.

Человеческое воображение как «коммунальный инстинкт»

И для человека, и для животного психический чувственный образ существует в системе реальных жизненных отношений. Но отношения, в которых существует человек, принципиально иные, нежели те, в которых находится животное. Мир человека включает не только природу но, прежде всего, социальные связи. С самой природой человек взаимодействует только в составе социального «организма». Исследования этнологов и психологов показывают, что в самых древних пластах человеческой психики преобладает функция взаимного общения.

Животное видит в мире только то, что связано с потребностями его тела, с непосредственными физиологическими отправлениями. Человек же воспринимает окружающие его предметы с точки зрения другого человека как «представитель рода человеческого». В этом смысле он воспринимает мир не с точки зрения своей личной физиологии – его воображение направляется на то, чтобы воспринять окружающее глазами других людей. Человеческое воображение даёт возможность оторваться от непосредственной биологической данности, чтобы воспринимать окружающее с позиции социума. В этом смысле человеческое воображение можно считать формой своеобразного коммунального инстинкта.

Совершенно правомерно Э.В. Ильенков особо подчёркивал эстетическую природу человеческого воображения, называя его универсальной способностью, без которой и мыслить что-либо о мире невозможно [4]. Истоки культуры лежат в первоначальном акте человеческого воображения которое выступает как её генетический носитель.

Человек активно приспосабливает к своей сущности естественную природу, создавая тем самым культуру. Человеческая фантазия – это некий излишек с точки зрения животного бытия, но главный фактор культурогенеза во всём многообразии его проявлений.

«Фантазии предков» в сознании современников

Для деятельности воображения на уровне представления существует больше свободы, чем в процессе восприятия, поскольку представление возникает вне непосредственного воздействия отражаемых предметов на органы чувств. Чувственно-наглядный материал, содержащийся в представлении, может посредством воображения подвергаться свободному расчленению и сочетанию в соответствии с установкой

и ориентацией фантазирующего субъекта.

По отношению к воображению представление выступает либо как материал – в качестве «первичной чувственности», либо как результат действия приёмов воображения – в качестве «вторичной чувственности». «Первичной чувственностью», т.е. исходными чувственно-наглядными элементами для воображения, в ходе создания культуры выступают восприятия, в том числе и те, которые содержат в себе заблуждения и иллюзии. Воображение захватывает чувственно-наглядные элементы как истинного, так и неадекватного отражения действительности, и включает их в культуру.

Представления «вторичной чувственности» (уже созданные воображением) могут вновь и вновь становиться исходным материалом для фантазии, что приводит к появлению представлений второго, третьего и последующих порядков. Продукты воображения ушедших поколений «вплетены» в сознание современников, они составляют ткань культуры и воплощают преемственность её форм. В сферу творческого воображения А. Пушкина, например, были вовлечены античные мифологические фантазии, которыми изобилуют многие его стихотворения, персонажи народных сказок. «Мастер и Маргарита» М. Булгакова, «Плаха» Ч. Айтматова – результат переработки их воображением «чувственности» второго, третьего и последующих порядков. Американский композитор Джордж Гершвин достиг взаимопроникновения европейских музыкальных образов (симфонической традиции) с ритмикой негритянского джаза. Русский композитор Игорь Стравинский гармонично сочетал русские и европейские звучания с мелосом африканских негров.

Это относится не только к сфере духовной культуры, но и материальной. «По следам» писателя-фантаста Жюль Верна шли многие конструкторы и учёные: Сантос-

Дюмон, один из первых авторов и конструкторов дирижаблей, Клод и Бушери, разработавшие метод использования теплоты морей для получения электроэнергии, и многие другие. Они использовали продукты фантазии Жюль Верна для работы своего воображения.

Переработка с помощью воображения продуктов фантазий прошлого создаёт преемственность достижений культуры, объединяет её в единое целое, в непрерывный творческий поток. Происходит интеграция культур, её исторических форм, произведений искусства и т.д. В этой связи надо отметить, что проблема сбережения духовного наследия прошлого не может быть сведена к простому сохранению памятников культуры прошлого, консервации их в первоначальном виде. Сохранять (по большому счёту) культурно-исторический генофонд – это значит активно вовлекать его в процесс творческого воображения учёных, художников, писателей.

Фантазии как продукт эмоций

Анализ продуктов фантазии может выявить, какой чувственный материал присутствует в тех или иных представлениях, какие элементы в целостном образе являются главными, определяющими. Но, разлагая образы на составляющие их элементы (что не так уж и сложно), важно выявить причины, которые определяют в конечном счёте «выборку» воображением того или иного чувственно-образного материала для конечных продуктов фантазии (а это сделать гораздо сложнее).

По сути дела – это проблема причин появления и воспроизводства коллективных фантастических представлений. Обратимся к рассмотрению некоторых подходов по данному вопросу.

В своё время Э. Тайлор считал причиной появления фантастических анимистических представлений – незнание первобытными людьми механизмов сна и смерти, Дж. Фрэзер связывал по-

явление тотемистических представлений с незнанием процессов зачатия и т.п.

Наибольший интерес для нашего изложения представляет точка зрения Э. Дюркгейма, который рассматривал фантастические представления как некие «социальные факты», коллективные по своей природе структуры.

«В Австралии и в Северной Америке, – писал Дюркгейм, – существуют общества, где пространство рассматривается как необъятный круг, потому что само становище их имеет форму круга, и пространство у них разделено точно так же, как и становище всего племени. Там столько же «стран света», сколько имеется кланов у племени. Таким образом социальная организация служила образцом пространственной организации, являющейся как бы отпечатком первой» [5].

То, что подобные фантазии являются «коллективными», Э. Дюркгейм постоянно подчёркивал во всех своих основных работах. Дюркгейм полагал, что коллективные представления формируются в процессе общения. Процесс общения Дюркгеймом понимался как психологические акты в ходе религиозных праздников, обрядов, церемоний и т.п. Социолог справедливо отмечал, что «нельзя выводить коллективные представления из индивида, целое из части, сложное из простого». Постоянно подчёркивая роль общества в возникновении коллективных представлений и характеризуя его как «наиболее могущественный фокус физических и моральных сил, который только существует в мире» [6], природу общества он понимал как «*sui generis*», реальность духовного порядка, сводящуюся к совокупности мнений, знаний, способов действий и т.п.

К. Юнг выдвинул теорию о включении в психику людей «коллективно-бессознательного», врождённых опорных схем в форме так называемых архетипов, которые направляют деятельность воображения.

Непосредственным направляющим фактором работы воображения выступают эмоциональные состояния людей. Впоследствии образы, созданные в процессе продуктивной деятельности воображения, могут сами вызывать целую гамму эмоциональных состояний и в дальнейшем стимулировать фантазию людей.

Конечные истоки возникновения коллективных фантастических представлений лежат не в недрах психики людей, не в возможности «отлёта» от действительности в процессе познания, а в реальных условиях жизнедеятельности общества.

В отражении реальных условий жизнедеятельности людей иллюзорно-фантастическими представлениями необходимым опосредствующим звеном выступают эмоциональные состояния, длительные по времени и однородные по качеству. Подобные эмоции охватывают большие социальные группы людей, направляя деятельность их воображения. Одинаковые для многих эмоциональные состояния способствуют формированию сходных в своих основных чертах фантастических представлений, отражающих воззрения на происходящие в обществе процессы. Фантастические коллективные представления не есть результат мимолётной фантазии индивидуума, они отличаются устойчивостью, между ними существует временная преемственность.

Социально значимые фантастические образы развёртываются в индивидуальных сознаниях, но не являются просто суммой индивидуальных. В процессе общения индивидуальные особенности фантазий отдельных людей отсеиваются, закрепляется лишь общее. Возникнув, коллективные фантастические представления сами становятся стимулом разнообразных эмоциональных состояний, приобретают способность направлять деятельность процессов воображения. В процессе продуцирования новых образов воображение может

перерабатывать уже имеющиеся фантазии, используя их в качестве исходного чувственного материала. Даже самые сложные, включённые в культуру фантастические представления можно разложить на элементы, сводимые к ранним, вплоть до представлений первобытного общества.

Первоначальные коллективные представления, с которых начинается культура, возникали на почве самочувствования людей, основу которого составляла их ограниченность по отношению к природе и друг к другу. Подобная ограниченность отражалась в отрицательных эмоциональных состояниях: страхе, чувстве зависимости, тревоге за будущее.

Страх может порождаться мнимой или действительной опасностью, он выражается в беспокойстве, угнетённом или паническом состоянии, может выступать как устойчивая черта сознания социальных групп и общества в целом [7]. Работа воображения, вызванная чувством страха, отличается рядом особенностей. Порождается так называемый эффект «суженного зрения», который ведёт к преувеличению предметов, вызвавших страх; уже в процессе восприятия пугающего явления может произойти произвольная его гиперболизация. Эта особенность человеческой психики зафиксирована на уровне обыденного сознания в поговорке: «У страха глаза велики».

Люди, испытывая чувство страха, не всегда в своём сознании отличают субъективные добавления воображения от объективного содержания явления, вызвавшего страх. Эти субъективные добавления могут быть отнесены непосредственно к отражаемому объекту. Данное чувство значительно снижает роль критической оценки процессов и продуктов фантазии со стороны логического понятийного мышления. «Страх может замедлить мышление, сделать его более узким по объёму и ригидным по форме» [8]. Логические связи в

ригидных мыслительных формах разорваны.

На работу воображения могут влиять не только отрицательные эмоциональные состояния, но и положительные, такие как чувства любви, восхищения, радости, которые могут также оказывать влияние на «выборку» образного материала. Данные чувства могут создавать психологический эффект «розовых очков», снижая критическую оценку со стороны логического понятийного мышления. Любовь и восхищение направляют фантазию на формирование представления о человеке, вызвавшем эти чувства, как о совершенном, лишённом каких-либо изъянов существе. Ему приписывают все добродетели и совершенства, его оправдывают даже тогда, когда он проявляет слабость, совершает ошибки. Так, например, в первобытном обществе формировался культ племенного вождя.

Некоторые исследователи считают, что главным фактором, организующим работу воображения, является понятийное мышление. Так Л.С. Коршунова подчёркивает: «В самом широком смысле мы определяем воображение как процесс преобразования наглядного материала посредством понятий» [9]. В подобном же плане рассуждает и В.В. Матагов: «Воображение является психической деятельностью, где чувственно-наглядные образы играют роль элементов, а логические компоненты – роль программы, определяющей смысл и характер преобразования этих элементов. Ведущая роль мышления в процессе воображения заключается в том, что его продукты – наглядные образы вербализуются, обобщаются, пронизываются смысловым значением» [10].

Э.В. Ильенков в своё время писал, что «организатором» работы воображения выступают идеалы, в соответствии с которыми выстраивается чувственно-наглядный материал [11].

С точки зрения К.Г. Юнга, деятельность воображения направ-

ляется архетипами, своего рода формальными схемами, отражающими общечеловеческий опыт, «коллективно-бессознательным». Архетипы сходны по своим символическим выражениям, проявляются сходным образом в мифах, снах, художественном творчестве. Основательный анализ концепции К. Юнга был проделан крупным исследователем культуры С.С. Аверинцевым [12].

Приведённые точки зрения не выглядят абсолютно бесспорными. Способность понятийного мышления направлять деятельность воображения, особенно в научном познании, отрицать невозможно.

Однако на общественно-психологическом уровне сознания понятийное мышление не в состоянии быть главным фактором, направляющим процессы воображения. Заметим, что в сфере своей жизнедеятельности человек не столько «познаёт» мир, сколько чувствует, переживает его. Кроме того, мышление не может исполнить роль универсального фактора, направляющего работу воображения на самых ранних этапах культурогенеза (в первобытном обществе), а также в начальной стадии онтогенеза индивида поскольку отвлечённое мышление здесь, так же как и в первобытном сознании, в полной мере ещё отсутствует, а сама абстракция носит чувственно-образный, «натуральный» характер.

Относительно позиции Э.В. Ильенкова можно сказать, что идеалы сами являются продуктами воображения. Бесспорно, возникнув, идеалы оказывают сильнейшее воздействие на процессы воображения. Но что же организует его работу до того, как в сознании человека сформируются и «осядут» те или иные идеалы?

Примерно такой же вопрос можно поставить, возражая против точки зрения К. Юнга и его последователей. Ведь архетип – это также продукт воображения. Если, конечно, не понимать его как нечто врождённое. Скорее все-

го, архетипы -это представления, которые внедряются в сознание человека с самого раннего возраста в ходе социализации, воспитания. Тем самым обеспечивается духовно-культурное наследование. Можно, например, с уверенностью говорить о том, что русская национальная архетипика была внедрена в сознание А. Пушкина (при участии няни Арины Родионовны) и во многом предопределила направленность воображения поэта, который генетически не был «чистым» русским.

Не отрицая важную роль и понятийного мышления, и идеалов, и архетипов как факторов, способных направлять работу воображения, универсальным фактором, стимулирующим и организующим деятельность фантазии в культурогенезе, следует считать эмоции и чувства. (Понятия «эмоции» и «чувства» Дж. Фрэйзер здесь и далее употребляются как тождественные. – О.П.)

Роль эмоций в формировании фантастических образов уже затрагивалась нами в предыдущем изложении, здесь же подчеркнём, что способность эмоций воздействовать на работу воображения ни одним (из упомянутых нами) автором не оспаривается. Например, Л.С. Коршунова отмечает: «Воображение эмоционально окрашено... эмоциональная напряжённость существенным образом меняет характер его продуктов» [13].

Эмоции – это не образ действительности, а отношение к ней. Их сущность состоит в способности регулирования психических функций человека в зависимости от условий его существования, потребностей, интересов. Эмоции, переживания первичны по отношению к сознанию, в том числе и к таким его проявлениям, как воображение, понятийное мышление, целеполагание в форме идеалов. Исторически и оттогенетически переживание возникает раньше отражения действительности в представлениях, понятиях, обобщениях.

«Особенность эмоций состоит в том, что они отражают отношения между мотивами (потребностями) и успехом или возможностью успешной реализации, отвечающей им деятельности субъекта» [14]. Эмоции, чувства образуют основную мотивационную систему психической деятельности человека. Мотивационная система, выраженная в форме эмоций, и выступает как основной направляющий фактор деятельности воображения. Этот фактор имеет особенно большое значение при формировании представлений, отражающих те или иные проявления духовной культуры, особенно на социально-психологическом уровне. «Даже когда мотивы не осознаются, – отмечает А.Н. Леонтьев, – они всё же находят своё отражение, но в особой форме эмоциональной окраски действий» [15]. Согласно точке зрения А.Н. Леонтьева, эмоции возникают до рациональной оценки субъектом своей деятельности. Выраженный в эмоциях мотив направляет работу воображения в то или иное русло. От качества и силы эмоций во многом зависят процессы мышления и направленность воображения, сопутствующего этим процессам. Эмоции являются необходимым компонентом идеалов. Н.А. Ястребова совершенно справедливо подчёркивает, что не существует идеала, в котором бы отсутствовала эмоциональная сфера. Особенно ярко это проявляется в религиозных идеалах, которые играли и продолжают играть в жизни многих людей решающую роль. Они включают весь комплекс чувств верующего. «Божественные картины и сатанинские наваждения сохраняют в них непосредственность и остроту, яркую проблему выбора и умиротворённость обрётённой «благодати» [16].

Возникнув и развившись в коллективной деятельности, воображение является важнейшим средством выхода за пределы личной ситуации во всех сферах материальной и духовной культуры: в производстве, социально-

политическом творчестве, науке, искусстве и др. Его направленность зависит от целей, которые преследует человек. Целевые установки, характерные для различных видов деятельности, задают воображению различные функции: познавательную, практическую, эвристическую и другие [17].

Воображение, идеалы, духовность

Воображение неразрывно связано с целеполаганием, оно способно продуцировать образы желаемого будущего, идеалы, стимулирующие деятельность людей. Эта способность воображения была в своё время очень удачно отмечена Д.И. Писаревым: «Если бы человек был совершенно лишён способности мечтать... если бы он не мог изредка забегать вперёд и созерцать воображением своим в цельной и законченной красоте то самое творение, которое только начинает складываться под его руками, – тогда я решительно не могу представить, какая побудительная причина заставляла бы человека предпринимать и доводить до конца обширные и утомительные работы в области искусства, науки и практической жизни» [18].

Формируясь благодаря деятельности воображения, идеал потом сам направляет и активизирует его процессы, «будоражит» фантазию, влечёт человека к будущему. Идеал – это наиболее концентрированная форма целеполагания. Большинство философов понимает его как представление об образце совершенства, конечной цели деятельности в различных областях жизни. Подобное понимание идеала основано на понятиях «совершенное», «совершенство».

Представление о совершенном в конечном счёте есть не что иное, как уловленная и предельно ярко отражённая в сознании людей объективная тенденция каких-либо изменений, выражающаяся в субъективных желаниях индивидов, тех или иных социальных групп, общества в целом.

В отличие от животных человек не может осваивать природу в её естественной форме, из природы он создаёт общественно значимые предметы культуры. При этом человек, как родовое существо, разрушает естественную форму вещей и преобразует их не только по законам природы, но и по своим собственным, субъективным – правилам, зафиксированным в идеалах.

Идеалы, выступая как организующий фактор культуры, весьма разнообразны. Й. Хейзинга отмечал, что идеал «может быть» чисто духовным: блаженство, близость к Богу, отрешение от всех земных уз, либо знание – логическое или мистическое: знание естественной природы, знание своего «Я» и духа, знание своей природы. Идеал может быть общественным: честь, благородство, почёт, власть. Он может быть экономическим: богатство, благоденствие, даже гигиеническим: здоровье» [19].

Можно утверждать, что сам феномен человека объясняется тем, что он, в отличие от животного, существующего по заданной программе, способен создавать для себя программу в виде совершенных идеальных образцов. Типология идеалов, сложившаяся в философской литературе, сводится к их делению на социально-политические, этические, эстетические. Особое место отводится религиозному идеалу. Множество идеалов объединяет то, что они, выступая образцом совершенства, задают критерий, в соответствии с которым люди действуют в окружающем мире. Они обладают громадной практической силой, задают энергетический импульс культуросозидающей деятельности.

Подчеркнём особо, что идеалы действуют на сознание, внедряясь в него не столько через теоретические формулировки, сколько через наглядно-образную, чувственно-эмоциональную сферы – через механизмы воображения.

Не всякий идеал, сформировавшийся в индивидуальном и

коллективном сознании, является положительным. Существуют деструктивные идеалы, которые ведут к разрушению личности и общества, противоречат нравственности. Таковы идеалы фашизма, тоталитарных обществ, некоторых религиозных течений, наподобие секты «Аум сенрике» или «Белое братство». В массовом сознании может родиться любой идеал, в том числе и ложный, деструктивный. Сформировавшиеся в Германии 1930 годов идеалы приводили к тому, что многие немцы приносили себя в жертву во имя антигуманных целей.

Можно утверждать, что развитие и нынешнее бытие культуры определяется конкуренцией идеалов различных социальных групп, личных и коллективных, положительных и ложных, этических и эстетических. Причём они могут как интегрировать общество, так и разрушать его.

Рождение идеалов христианства

Длительные по времени и однородные по качеству эмоциональные состояния, одинаковые для больших групп людей, способствуют формированию одинаковых в основных чертах идеалов. Последние проявляются как устойчивые коллективные продукты воображения.

Весьма показателен в этом отношении эмоционально-психологический фон, под воздействием которого «вызревали» христианские идеалы нравственности: «Настоящее невыносимо, будущее ещё более грозно. Никакого выхода. Отчаяние или поиски опасения в самом пошлом наслаждении, по крайней мере со стороны тех, которые могли себе это позволить... Во время этого всеобщего экономического, политического, интеллектуального и морального разложения и выступило христианство» [20].

Нравственные ценности изначально отражаются в наглядной, чувственно-образной форме, не поднимающейся до чисто поня-

тийного выражения. Христианские идеалы нравственности, например, изобилуют такими представлениями, как «чистота сердца», «нищета духа», «алчущие и жаждущие правду» и т.п. Внутренний мир человека моделируется по образцу внешнего, материального мира, основным источником нравственной лексики выступает лексика «физическая», используемая во вторичных метафорических смыслах. Например, сочетаемость слова «совесть» не моделируется на основе целостного представления. Она появляется в воображении путём объединения и скрещивания, несовместных с точки зрения естественных законов мироздания образов [21]. Совесть может «грызть», сердце может быть «чистым» и т.п. Воображение в данном случае осуществляет синтез разнородных сторон действительности при помощи приёма агглютинации, сводя в некоторых случаях абстрактные понятия до наглядно-чувственного уровня. Так, принцип непротivления злу насилем фиксируется в христианстве в следующей форме: «Если кто ударит тебя в правую щёку, обрати к нему и другую».

Сама по себе метафоричность выражений тех или иных идей не создаёт идеала как такового, но, безусловно, она выступает средством для реализации огромных возможностей воздействия идеала на эмоциональную сферу человека.

Под давлением специфического эмоционально-психологического комплекса на заре христианства при формировании нравственных идеалов акцентирующая деятельность воображения из всех качеств человека делает «выборку» таких, как: много-терпение в страданиях, непротivление злу насилем, всеобщую любовь. С помощью типизации создаются образы, воплотившие в себя лучшие черты нравственности: мученики и святые.

Французский знаток библейских текстов Эрнст Ренан отмечал: «Если читать Апокалипсис, не принимая во внимание его даты и

не имея к нему ключа, то он представляется произведением самой капризной фантазии чисто личного, индивидуального характера; но стоит только отнести это странное видение к эпохе междуцарствия от Нерона до Веспасиана, когда империя переживала самый тяжёлый из своих кризисов, и мы увидим, что это сочинение удивительно согласуется с состоянием умов в ту эпоху» [22].

Возникнув и утвердившись в сознании людей, религиозно-нравственные идеалы сами становятся стимулом проявления разнообразных эмоциональных состояний, приобретают способность направлять деятельность воображения.

«Иван-дурачок» как предтеча большевизма

Обратимся к проблеме реконструкции процесса формирования нравственно-социального политизированного идеала периода, отделённого от первоначального христианства девятнадцатью столетиями, и попытаемся проследить, как формировались так называемые «большевистские идеалы».

В вопросе об истоках главных идей сталинского тоталитаризма, командно-административной системы сегодня утвердилась простая, но неверная схема. В ней главная роль отводится большевистской верхушке, которая создала в своём воображении ложные идеалы, внедрила их в массовое сознание и привела народ к трагедии. Роль народных чувств и фантазий при этом как бы не замечается. Между тем, скорее всего сталинская верхушка закрепила те идеалы, которые возникали в глубинах воображения достаточно больших революционно настроенных масс народа. Причём чувства, породившие некоторые большевистские идеалы, были не самыми лучшими, а сами эти идеалы возникали не на пустом месте, они коренились в определённой «архетипике» народного сознания. Обычно, когда говорят о народных идеалах,

воплощённых в устном народном творчестве, то выделяют доброту, трудолюбие, справедливость и т.п. Однако сложившиеся в народном сознании «образцы» содержат и такие, которые носят совершенно иной характер. Один из глубоких исследователей народного фольклора князь Е.Н. Трубецкой (1863-1920), которого современники называли «Гамлетом русской революции», обратил внимание на наличие искажённой нравственности во многих любимых народных сказках. Это, по его предположению, явилось одним из истоков трагических событий, происшедших в России с 1917 года.

Трубецкой обратил внимание на то, что среди сказочных героев, наряду с носителями высшего духовного уровня, присутствуют персонажи с низменными запросами. Исследователь говорит о наличии грубого и вульгарного жизненного идеала: «Самое элементарное проявление этого жизнечувствования – мечта о богатстве, которое само собой валится в рот человеку без всяких с его стороны усилий. Тема эта развивается в многочисленных сказках, коих героями являются всегда бедные, неимущие» [23].

Сравнивая подобные идеалы с тем, что произошло в результате Октябрьской революции в России, Е.Н. Трубецкой делает вывод: «Нужно ли удивляться, что эти сказки полны образов, которые уже стали действительностью. На наших глазах осуществилась утопия бездельника и вора и мечта о царстве беглого солдата. Захватываются «трехэтажные дома» и чужие кошельки: печатный станок уже давно воплотил в жизнь мысль о кошеле неистощимом, кругом мелькают сапоги-скороходы да ковры-самолёты; все они полны ворами, да беглыми солдатами, а дезертир успешно проходит в «наибольшие министры» и вместо царя правит царством» [24].

Октябрьская революция 1917 г. вовлекла в управление массу обездоленных, нищих, малограмотных людей, для которых культура, соз-

данная прежней элитой, была совершенно чужда. Обездоленный человек искренне поверил, что можно сразу стать лучше богачего, образованного человека, завладеть его имуществом, домом, средствами производства. Воображение революционного народа рисовало картины грандиозного социального реванша, сравнимого со стремительным взлётом карьеры Иванушки-дурачка. Политические теории западных мудрецов Маркса и Энгельса из абстракций, столкнувшись с народным сознанием, превращались в чувственно-образные, «осязаемые» лозунги и призывы, вульгаризировались, упрощались. Идея социальной справедливости свелась к примитивной уравниловке.

Из многообразных качеств человека фантазия масс делает выборку самых «лучших»: «бедный», «полуграмотный», «простой», «такой как все». Сочетание таких свойств превращалось в представление о «самом лучшем», идеальном человеке. Тот, «кто был ничем», поднимался на самые высшие ступени социальной лестницы. «Нетерпеливые» идеалы ближайшего будущего, рождавшиеся в воображении масс, создавали напор снизу, и во многом определяли образ вождя и их поведение. Фантазия масс «лепила» по своему подобию образ вождя, и из всех имевшихся в её распоряжении фигур выбрала наиболее подходящую – Сталина. В период репрессий многие люди приветствовали сталинское правосудие и требовали смерти «врагов народа» не только под воздействием страха, но и в соответствии со своими представлениями и идеалами [25].

В ходе продуцирования новых образцов нравственности воображение перерабатывает чувственно-наглядный материал предшествующих идеалов. Это чрезвычайно сложный, противоречивый, неоднозначный и парадоксальный процесс, в результате которого возникают нравственные представления второго, третьего, четвертого

и последующих порядков. Воображение использует уже переработанный культурой чувственно-наглядный материал даже при утверждении альтернативных ценностей. В этой связи Н. Бердяев в своё время заметил: «Лучший тип коммуниста, т.е. человека, целиком захваченного служением идее, способного на огромные жертвы и на бескорыстный энтузиазм, возможен только впоследствии христианского воспитания душ» [26].

Противоречия духовности

Воображение, будучи неотъемлемым формирующим фактором идеалов, «застывая» в них, отрицает одни стороны действительности и утверждает другие, выступая необходимым средством достижения человеческой духовности.

В наше время понятие «духовность» – одно из самых употребительных в публицистике, социологии, искусстве. Вместе с тем эта категория одна из самых малоизученных и неопределённых в отечественной философско-культурологической литературе.

Во-первых, отметим, что понятие «духовность» обозначает определённое качество индивида, социальной группы или общества в целом. А именно – то, что они в своей жизнедеятельности руководствуются не материальными, меркантильными мотивами, а высшими идейными соображениями: стремлением к справедливости, истине, добру, красоте. В этом смысле для духовности характерно бескорыстие. Индивид, действующий под влиянием духовной доминанты, не рассчитывает на немедленное социальное вознаграждение, хотя его деятельность может приносить объективную пользу обществу. «Но возможная объективная полезность духовной деятельности человека диалектически сочетается с её субъективным бескорыстием» [27].

Одержимость «бессребренника» – учёного, общественного деятеля, художника, а такие люди встречаются во все времена, можно расце-

нить как служение высшим идеалам, как духовность. Однако не всякое проявление бескорыстной духовности является положительным фактором в жизни общества. Существует и духовность, ориентированная на отрицательные идеалы. Убеждённый фашист, руководствующийся идеалами национал-социализма, действует во имя их осуществления вполне бескорыстно. Он готов даже отдать за него свою жизнь. Истинная, положительная духовность предполагает решающее влияние общечеловеческого нравственного идеала, а точнее – она аккумулируется в нём.

Проблема духовности чрезвычайно сложна. Этот феномен культуры невозможно уложить в какую-либо упрощённую схему. В чистом, рафинированном виде духовность, вероятно, проявляется довольно редко. Можно говорить о доминировании духовных устремлений у многих выдающихся подвижников: основателя ислама Магомета, реформатора христианства Лютера, спасительницы Франции Жанны д'Арк, философа Б. Спинозы, писателя Ф.М. Достоевского и многих других. Кстати, у Ф.М. Достоевского мы находим очень тонкие размышления о диалектике положительной и отрицательной духовности, когда одна перерастает в другую: «Не из одного ведь тщеславия, не всё ведь от одних скверных, тщеславных чувств происходят русские атеисты и русские иезуиты, а из боли духовной, из жажды духовного, из тоски по крепкому берегу, по родине, в которую веровать перестали, потому что никогда её не знали» [28].

В «Преступлении и наказании» Раскольников во имя высшей справедливости совершает убийство. В истории не один раз складывались ситуации, когда высшие проявления духовности оказывались бесплодными, нежизнеспособными, утопичными. Проблема духовности весьма неоднозначна и в контексте сложившихся сегодня в постсоветском обществе рыноч-

ных отношений. Однако невозможно не видеть, что духовность, как важнейшая составляющая культуры, возвышающая человека над наличной ситуацией, формируется благодаря воображению, через продуцирование идеалов. Отметим, что духовность – это не состояние, не «нирвана», в которой пребывает сознание человека, а постоянный напряжённый, даже мучительный процесс: работа чувств, активизирующая деятельность воображения.

Зачем «препарировать» воображение?

Проблему воображения сегодня во многом можно свести к исследованию вопроса о том, что является направляющим фактором его работы в ходе культурогенеза. Почему люди, обладающие принципиально одинаковыми механизмами воображения, в разные исторические эпохи, в различных локальных цивилизациях направляют его на создание таких непохожих культурных ценностей? Отчего, скажем, живший две с половиной тысячи лет до нашей эры египтянин увековечил своё воображение в грандиозной пирамиде, а в XIV веке нашей эры фантазия мусульманина привела к созданию Самаркандского Регистана, совершенно не похожего на гробницы фараонов? А как не схоже порождённое воображением культурное наследие, которое «омывает» сознание француза с тем, которое вплетено в сознание китайца!

Проблемы, затронутые в нашем изложении, имеют отношение прежде всего к практике образования и воспитания, поскольку развивающееся общество нуждается в формировании «качественного» воображения для того, чтобы было как можно больше творческих людей, подвижных положительной духовной ориентацией.

XX столетие, прошедшее в целом под флагом рационализации жизни и, выражаясь словами К.Г. Юнга, «расколдовывания мира», сделало социальную действитель-

ность – в результате бурного развития науки, техники, индустрии – как никогда подвижной, динамичной. Во всех сферах жизни создаётся множество проблемных ситуаций, трудно решаемых задач, конфликтов.

В данных условиях возрастает роль воображения, которое призвано играть всё большую роль в преодолении накопившихся проблем. В условиях рынка люди должны в полной мере реализовать свои творческие способности, свою фантазию, самостоятельно строить поведение, которое ещё недавно регламентировалось идеологическими установками.

Сегодня возрастает роль фантазии в такой важнейшей области жизни общества, как политика. Можно даже сказать, что успех проведения того или иного социально-экономического курса напрямую зависит от того, насколько политические лидеры будут способны опираться на воображение людей. Не случайно всё большее развитие получают так называемые политические технологии, а политические лидеры превращаются в «продавцов надежд». Для достижения реальных результатов в управлении государством необходима опора на коллективные фантастические

образы и представления. Большую роль в наше время играют те, кто создаёт и транслирует подобные фантазии: журналисты, PR-технологи, имиджмейкеры, телеведущие.

Сложившаяся ситуация даёт основание подвергнуть сомнению универсальность марксистского положения о том, что «бытие определяет сознание». Размышления о роли фантастических представлений в обществе приводят к выводу о том, что в развитии культуры нередко определяющее значение приобретают социально-психологические факторы, в частности, воображение.

Литература:

1. Подробно о приёмах воображения см.: Беркинблит М.Б. и Петровский А.В. Фантазия и реальность. – М.: Политиздат, 1968. – С. 37-41. Коршунова Л.С. Воображение и его роль в познании. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – С. 18-23.
2. Гельвеций К.А. Об уме / Соч. в двух томах. Т.1. – М.: Мысль, 1973. – С. 489-490.
3. См.: Ильенков Э.В. Об идолах и идеалах. – М.: Политиздат, 1966. Михайлов Ф.Т. Загадка человеческого «Я». – М.: Политиздат, 1976.
4. См.: Ильенков Э.В. Об эстетической природе воображения / Вопросы эстетики. Вып. 6. – М.: Искусство, 1964.
5. Дюркгейм Э. Социология и теория познания / Хрестоматия по истории психологии. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – С. 214-215.
6. Там же, с. 215.
7. Вичев В. Мораль и социальная психика. – М.: Прогресс, 1978. – С. 278.
8. Изард К. Эмоции человека / Пер. с англ. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – С. 322.
9. Коршунова Л.С. Воображение и его роль в познании. С. 41.
10. Мантатов В.В. Образ, знак, условность. – М.: Высшая школа, 1980. – С. 96.
11. См.: Ильенков Э.В. Об эстетической природе фантазии. С. 67.
12. Аверинцев С.С. «Аналитическая психология» К.Г. Юнга и закономерности творческой фантазии // Вопросы литературы. – 1970. № 3.
13. Коршунова Л.С. Воображение и его роль в познании. С. 39.
14. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. – М.: Политиздат, 1975. – С. 198.
15. Там же, с. 198.
16. Ястребова Н.А. Формирование эстетического идеала и искусство. – М.: Изд-во «Наука», 1976. С. 42.
17. См.: Коршунова Л.С. Воображение и его роль в познании. С. 31.
18. Писарев Д.И. Промахи незрелой мысли. – М.: Госполитиздат, 1956. – С. 148.
19. Хейзинга Й. Номо Юденс. В тени завтрашнего дня. – М.: Прогресс-Академия, 1992. – С. 259-260.
20. Энгельс Ф. К истории первоначального христианства / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т. 19. – М.: Госполитиздат, 1961. – С. 312-313.
21. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976. – С. 95-96.
22. Ренан Э. Антихрист. – Л.: Изд-во «Советский писатель». Ленинградское отделение, 1991. – С. 10.
23. Трубецкой Е.Н. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке // Литературная учеба. – 1990. Март-апрель. Книга вторая. – С. 102.
24. Там же, с. 105.
25. О феномене советского тоталитаризма. См.: Сахаров А.Н. Революционный тоталитаризм в нашей истории // Коммунист. – 1991. № 5. – С.58-71.
26. Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990. – С. 138.
27. Симонов П.В. и др. Происхождение духовности. – М.: Наука, 1989. – С. 19.
28. Достоевский Ф.М. Идиот. – М.: Госполитиздат, 1955. – С. 588

Л.Ю. БЕЛЯКОВА, кандидат педагогических наук, доцент НОИР
L. Belyakova, candidate of pedagogical Sciences, associate Professor NOIR

Влияние глобализационных процессов на развитие института образования (социально-философский аспект) The influence of globalization processes on the development of the Institute of education (socio-philosophical aspect)

Аннотация: В условиях глобализации система образования оказалась перед трудной задачей найти пути диалектического сочетания в равной степени востребованных и объективных тенденций стандартизации и индивидуализации результатов образования.

Эта задача усложняется с учётом идей культуросообразности образования: оно должно одновременно соответствовать глобализационным тенденциям к унификации и контрглобализационным тенденциям к мультикультурализации образования. При такой постановке задачи образование должно пониматься предельно широко – как процесс овладения личностью определённой культурой, включая систему ценностей, знаний, навыков и устойчивых механизмов социального общения.

Здесь может оказаться востребованным идейный потенциал гуманистической и неогуманистической педагогики и социальной мысли прошлого.

Abstract: In the context of globalization education system faced a difficult task to find the way of the dialectical combination of equally popular and objective trends in standardization and individualization of educational outcomes.

This task is complicated by the ideas of associated with culture education: it must simultaneously meet the globalization trends toward unification and against-globalization trends to multiculturalization education. In this formulation, education should be understood very broadly as the process of mastering a person of a certain culture, including the values, knowledge, skills and sustainable mechanisms of social communication.

Here it may be claimed ideological potential of humanistic and neoromanticism pedagogy and social thought of the past.

Ключевые слова: образование, просвещение, культура, интеграция, общечеловеческие ценности, социальные процессы, глобализация, личность, постматериальные ценности, образовательные стандарты, гуманизм, цивилизация, педагогика.

Key words: education, education, culture, integration, human values, social processes, globalization, identity, post-modern values, educational standards, humanity, civilization, pedagogy.

Глобализация социальных, политических, экономических процессов в современном мире представляет собой превращение и формирование существовавшей ранее системы социоисторических организмов в один всемирный социально-исторический организм. Глобализация предполагает сращивание экономик всех стран в одну единую экономическую систему при ведущей роли таких экономических образований, как транснациональные корпорации.

Действуя во всемирном масштабе, транснациональные предприятия всё больше диктуют условия экономической практики. Прежде всего это касается тех отраслей экономики, которые непосредственно связаны с производством и распространением информации, с применением новых информационных технологий, с созданием новых сетевых возможностей для развития бизнеса.

Процессы глобализации и мировой интеграции меняют условия

функционирования национальных экономик и бизнес-моделей, а также требуют координации экономической и социальной политики различных стран. Подобного рода изменения имеют одновременно и предпосылкой, и результатом комплекс морфогенетических социальных процессов, существенно преобразующих общество в целом и его отдельные институты. К их числу относится и институт образования. При этом следует учитывать, что

социально-политические теории глобализации описывают те международные процессы, которые ещё далеки от завершения, поэтому пока трудно делать какие-либо окончательные выводы.

Выбор современной модели высшего образования, адекватной условиям глобализации, должен если не разрешить, то, по крайней мере, смягчить наметившиеся социальные проблемы, оптимизировать процессы социальной практики личности, внедрить развивающие формы культуросообразного образования и самообразования. Конечным результатом модернизации и интеграции системы образования, адекватной реалиям глобализации, должна стать разработка институциональных способов формирования ценностного мира человека, позволяющего ему сохранить свою личность в практике социального общения с учётом его новых качеств.

Ценности возникают и функционируют в рамках определённых социокультурных систем и определяются в социальной философии как продукт жизнедеятельности социальных групп и общностей человечества в целом, которые существуют в виде общественных идеалов, преломляются через призму индивидуальной жизнедеятельности и входят в структуру личности, являясь одним из источников мотивации её поведения¹. Эта сложная динамическая система, которая не только зависит от ценностей социума, но подвержена закономерным изменениям в процессе онтогенеза и несёт на себе отпечаток индивидуальных и половых различий. Разумеется, структурно-динамические характеристики системы ценностных ориентаций связаны с возрастными особенностями и особенностями

ми интеллектуального развития, структурой личности и ведущими ценностями семьи. Ценности являются связующим звеном между ценностями общественного сознания и духовным миром личности, между общественным и индивидуальным бытием. Ценности служат важным фактором социальной регуляции взаимоотношений людей и поведения отдельного человека, возникая из практического отношения людей к действительности. Это отношение между объектом и человеческими потребностями, которые несут отпечаток исторической эпохи. Система ценностей выражает некоторое представление об онтологии социальных отношений. Ценности, на которые опирается как отдельный индивид, так и общество в целом, в конечном счёте определяются в манифестируемой системе ценностей.

Очевидно, руководствуясь подобными соображениями, многие исследователи социальных аспектов развития образования в эпоху глобализации подчеркивают особую значимость выработки новой системы ценностей как обязательного условия перехода к новому обществу². Выработку новых мировоззренческих подходов называют краеугольным камнем парадигмы постиндустриального общества, утверждают, что стратегию устойчивого развития невозможно создать, исходя из традиционных общечеловеческих представлений и ценностей, стереотипов мышления. При этом считают, что необходима выработка новых научных и мировоззренческих подходов, соответствующих не только современным реалиям, но и предполагаемым перспективам развития в третьем тысячелетии³.

Есть мнение, что культурная альтернатива происходящим про-

цессам – оживление и тем самым сохранение культуры за счёт притока нестандартизированных личностных усилий людей, усилий «синтезирующих» культуру в личностных формах, а не разрушающих её. Движение контркультуры, достигшее пика в странах Запада на рубеже 70-х годов, показало некоторые перспективы, ведущие и к варварскому разрушению культуры (не исключая и потребительского отношения к ней), и к деавтоматизации машинизированной культуры, и к её оживлению и росту по меркам человеческих сил и способностей⁴.

В то же время история «общества потребления» на Западе показывает, что его собственная динамика порождает факторы, подрывающие его основы. По мере омащивления, роста доступности потребительского стандарта пробуждается неудовлетворённость бессмысленностью гонки в сфере потребления, актуализируется потребность в более содержательной деятельности, открывающей возможности для самореализации личности. Р. Инглхарт пытался изучать этот процесс эмпирически, на основе массовых опросов, систематически проводившихся под его руководством в ряде стран в 70-90-х годах. Опрашиваемым предлагалось выбрать одну из двух выделенных им систем общественных ценностей: «материалистическую» (экономический рост, безопасность, благосостояние и т.д.) и «постматериалистическую», в которой доминируют приоритеты гармоничных отношений между людьми и самореализации личности. Согласно концепции Инглхарта, постматериальные ценности, транслируемые и отчасти продуцируемые социогуманитарным образованием, становятся значимым

¹ Лукьянов В.Г. Изучение проблемы ценностей в социологии // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века: Мат. междунар. науч. конф. – Вып. №12. – СПб., 2001. – С. 221

² Мельникова Н.И. Состояние и перспективы высшего образования в эпоху глобализации. – Саратов, 2003. – С. 108. Сорокина Н.Д. Образование в современном мире (социологический анализ). – М., 2004. – С. 70\$71.

³ Коваленко С.Н. Устойчивое развитие как ценность // Социум и власть. – 2004. № 2. – С. 85.

⁴ Кемеров Е.В. Введение в социальную философию. – М., 2001. – С. 114.

продуктом ценностного кризиса лишь в определённой ситуации – в условиях «субъективного благосостояния» или ощущения «экономической безопасности», испытываемого основной массой или большей частью членов общества⁵.

Оценивая иерархию ценностных ориентиров в постиндустриальном обществе, многие исследователи считают, что если в аграрном и индустриальном обществах на первом месте стояло достижение любыми путями материального благополучия, то на постиндустриальной стадии социального развития оно перестаёт быть доминирующей ценностью. Всё большее удовлетворение материальных потребностей в западных странах делает доминирующими «постматериальные» ценности⁶.

Формами протекания данного процесса в западных странах становятся постоянное повышение уровня образования, добровольное продолжение трудовой деятельности за пределами офиса в свободное время, свободное участие в общественных организациях.

При этом ведущими мотивами деятельности людей становятся:

- самореализация личности;
- наращивание интеллектуального потенциала;
- максимальное раскрытие в социально-значимой деятельности⁷.

Таким образом, обязательным условием перехода к новому обществу является выработка новых мировоззренческих подходов, системы идеалов и ценностей личности. В постиндустриальном обществе эволюция ценностных

ориентиров проявляется тем, что на первый план выходят идеалы демократии, терпимости, семейной жизни, бережного отношения к природе, доминирующими становятся такие ценности, как образование, здоровье, «доверие». В то же время попытки Запада навязать остальному мировому сообществу свои ценности по многим причинам неприемлемы для последнего. При этом в первую очередь критике подвергается катастрофическое упрощение духовной структуры человека, обесценивание в его сознании интеллектуальных, эстетических, этических ценностей.

«Модернизация культуры и образования – это по большей части её вестернизация – по крайней мере именно так её обычно понимают и на Западе и на Востоке»⁸.

Многие исследователи сходятся во мнении, что данной модели необходимо противопоставить иные модели, опирающиеся на идеалы гуманизма, корни которых уходят в глубь веков культурной истории народов. Гуманизм представляет собой исторически изменяющуюся систему воззрений, которая признаёт ценность человека как личности, его право на свободу, счастье, развитие и проявление своих способностей. Понимаемый так гуманизм признаёт благо человека критерием оценки общественных отношений⁹.

Исходя из того, что в основе ценностей гуманной глобализации находится человек «как мера всех вещей», современная социология образования должна наследовать базовый принцип гуманизма – отношение к человеку как высшей

ценности в его историческом развитии. Исследуя гуманизм в условиях современной глобализации, многие авторы сходятся в том, что процессы планетарного единения, проблемы и вызовы из них вытекающие требуют придания гуманизму не только личностного, но и общечеловеческого измерения. Гуманизм в наше время обретает глобальный характер, выступает в качестве гуманитарной экспертизы глобальных проблем. Гуманистическая идеология как система социально-философских, социологических, педагогических и др. знаний, а также общечеловеческих ценностей должна стать духовной основой общества новой цивилизации¹⁰.

Рассматривая данный вопрос в исторической ретроспективе, интересно отметить, что гуманизм как раз и возник как способ рефлексии процессов универсализации культуры, которые некоторые исследователи рассматривают как ранние формы «праглобализации». Первая из них была связана с универсализмом Возрождения, вторая – с универсализмом Просвещения. Характерно, что и в том и в другом случае основным способом институционализации гуманизма стала система образования, которая с той или иной мерой отчётливости понималась её создателями и реформаторами как институт социального управления¹¹.

Общая образовательная ситуация эпохи Возрождения всецело обусловлена складывающимися социокультурными условиями. Постепенная коррозия установленных в Средневековье социаль-

⁵ Инглехарт Р. Модернизация и постмодернизация // Новая постиндустриальная волна на Западе. – М., 1999. – С. 271.

⁶ Красовский С.П. Средний класс в постиндустриальном обществе // Проблемы современной российской и зарубежной экономики. – М.: Институт микроэкономики, 2002. – С. 78.

⁷ Красовский С.П. Динамика постиндустриальной социальной организации: Автореф. дисс.... канд. филос. наук. – М., 2004. – С. 15.

⁸ Кормилицина О.В. Модернизация культуры и образования в условиях глобализации и зависимого развития. Автореф. дисс... канд. филос. наук. – М., 2003. – С. 16.

⁹ Малашиха Г. Тенденции гуманизации и дегуманизации экономики // Отчуждение человека в перспективе глобализации мира: Сб. статей. Выпуск I. – СПб, 2001. – С. 87-88.

¹⁰ Падалка Н.В. Глобализация как феномен современной культуры: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. – СПб, 2004. – С. 12.

¹¹ См. подробнее: Корнетов Г.Б. Гуманистическое образование: традиции и перспективы. – М., 1993. Куликова Л.Н. Идеи гуманизма и гуманизации образования в их историческом развитии: педагогический взгляд. – Хабаровск, 2003.

ных рамок и перегородок, определённая эмансипация человека от сложившейся жёсткой стратификации, когда расширение чисто географических горизонтов для европейского человека нередко влекло за собой возможность самому стать хозяином своей судьбы, – всё это создавало идеальные условия для общественного признания идеи универсальности и самоценности человека. Теоретическое и идеологическое оформление этой идеи мы как раз и находим у гуманистов Ренессанса. Воспитание и образование для Возрождения имели жизненно важное значение. В социально-педагогических сочинениях виднейших гуманистов (В. де Фелотре, Матео Веджио, П.П. Верджерио в Италии, Р. Агрикола, Я. Вимпфелинг, Э. Роттердамский в Германии) формулируется цель воспитания, выделяются условия, требования, способствующие развитию гармоничной, всесторонней личности человека. Ранний гуманизм подготовил расцвет педагогических идей в XV веке. В это время появляются первые, специально посвящённые задачам воспитания и образования трактаты. Педагогические вопросы широко обсуждаются в сочинениях на темы социальной жизни, семьи и брака (Фр. Барбаро, Альберта, Пальмиери, Фруловизи и др.). В этот же период создаются знаменитые гуманистические школы Витторино да Фельтре – в Мантуе и Гуарино да Верона – в Ферраре, о деятельности которых мы знаем в основном по воспоминаниям учеников и современников и отчасти из писем Гуарино.

Развитие идей воспитания неотделимо от развития гуманизма в целом, многие идеи гуманизма становятся достоянием педагогики, тем более что на темы воспитания

писали те же самые гуманисты, которые обсуждали различные проблемы человека, и нет гуманистов, писавших только о воспитании.

Педагогическая мысль не связана с каким-либо одним течением гуманизма, она творчески заимствует и взгляды на природу и добродетель, и гражданские идеи, и мысли о гармоничном развитии, и многое другое. О воспитании пишут гуманисты Падуи и Флоренции, Милана и Рима, Венеции и Феррары. Но всё же более заметный вклад в развитие педагогической мысли, в практику воспитания принадлежит, пожалуй, Северной Италии, где через падуанскую школу прошли крупнейшие теоретики и практики воспитания – Верджерио, Витторино да Фельтре, Гуарино; с севером Италии связаны и такие имена, как Фр. Барбаро, Конверсини да Равенна, Веджо, Филельфо, Фруловизи и др. На севере же возникли знаменитые гуманистические школы¹².

Возрождая гуманистические традиции педагогики эпохи Возрождения, гуманизм эпохи Просвещения акцентирует идею целостности и универсальности человека. Объективно здесь выражается потребность синтезировать в человеке начала общечеловеческие, формирование которых стимулировалось развитием капитализма с его принципом и идеями универсализма, и национальные, корреспондировавшие идеям национального государства.

Капиталистическая универсализация социально-экономических отношений и развитие национальной государственности, самой идеи нации, были в ту эпоху двумя гранями единого морфогенетического социального процесса развития капитализма в Европе. Социальные мыслители и фило-

софы (Ж.-Ж. Руссо, И.-Г. Гердер, И.Г. Фихте, Г.В.Ф. Гегель), педагоги той эпохи (Й.М. Геснер, Й.А. Эрнести, Х.Г. Гейне, Э.А. Эверс, Ф.А. Вольф, Ф.И. Нитхаммер и др.) развивают идеи, которые продолжают оставаться актуальными и в наше время: принцип единства национальных и общечеловеческих ценностей как ориентиров образования и воспитания личности, принцип исторической перспективы в классическом образовании, принцип культуросообразности и др. Главную задачу образовательного процесса они видели в формировании целостной человеческой личности, неразрывно связанной со своей национальной культурой и в то же время способной к рефлексивному отношению к ней. Подобного рода состояние достигается посредством стимулирования целенаправленного погружения в иную культуру (античность) с последующим возвращением к истокам национальной культуры. Средством такого «погружения» полагалось изучение классических языков, литературы и истории¹³. И. Кант, И.Г. Фихте, а позже Г.В.Ф. Гегель развивали взгляд на систему гуманистического образования как на способ формирования гражданского общества и управления его процессами¹⁴.

Сформировавшаяся на основе этих идей новая система образования (реформированная классическая гимназия в функциональном единстве с реформированным университетом) во второй половине XIX века была воспринята большинством европейских стран, включая и Россию, и стала своеобразным ответом интеллектуальной среды на социальные вызовы, связанные с процессами, которые иногда обозначают в качестве «первой волны» глобализации.

¹² Образ человека в зеркале гуманизма: мыслители и педагоги эпохи Возрождения о формировании личности (XIV—XVII вв.). – М /: Изд-во УРАО, 1999. – С. 26.

¹³ См. подробнее: Масленников Д.В. Синтез антропологических, психологических и педагогических идей в классической немецкой философии конца XVIII – начала XIX вв. // Антропологические основания педагогики. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2002. – С. 49–54.

¹⁴ Там же. См. также: Бим-Бад Б.М. Путь к спасению: педагогическая антропология Иммануила Канта сегодня. – М., 1994. Валеева Р.А. Теория и практика гуманистического воспитания в европейской педагогике (первая половина XX в.). – Казань, 1997. Куликова Л.Н. Идеи гуманизма и гуманизации образования в их историческом развитии. – Хабаровск, 2003.

Очевидно, что не менее масштабные социальные трансформации, вызванные глобализацией на рубеже XX–XXI веков, требуют внесения столь же значительных, концептуально проработанных и практически апробированных изменений в институте образования, какими были для своего времени новаторство ренессансных гуманистов XIV–XV веков и реформаторство немецких неогуманистов XVIII–XIX веков.

Процессы глобализации создают новые испытания, неожиданные вызовы государствам-нациям, большинство из которых во второй половине XX века выстраивают национальную солидарность на основе социальной политики. Среди рисков для национальных систем социальной политики, в том числе политики высшего образования, социологи называют неадаптированную европеизацию культуры, старение населения, изменение структуры рынка труда, глубокую трансформацию семейных структур, а также нестабильность экономической ситуации, политические реформы, снижение солидарности в институтах гражданского общества¹⁵.

Национальные государства должны всё больше учитывать влияние процессов глобализации на экономическую и социальную сферу и на этой основе стремиться к улучшению своих конкурентных преимуществ. Это ведёт к главному: распространяющаяся по всему миру сеть рыночных отношений содействует стандартизации систем знаний во всех ведущих про-

мышленных странах. Поскольку национальные государства организуют и распространяют знания через формальное образование, эта логика предполагает тенденцию конвергенции систем образования развитых стран. С другой стороны, глобальная рационализация, хотя и связана с экономическими императивами, подчёркивает идею унитарной культурной системы. Не следует считать, что все страны движутся в сторону всемирной монолитной структуры образования, хотя из-за усиления глобальной рациональности образовательные системы примут во многом схожие формы.

Современные процессы интеграции систем национального образования, особенно высшего образования, в конечном счёте направлены на институционализацию этих объективных тенденций. Глобализация порождает потребность человека в непрерывном образовании, накоплении и анализе информации. И в то же время именно глобализация выдвигает императив трансформации полученных человеком знаний и приобретённых способностей в направлении их стандартизации с точки зрения возможностей предъявления на глобальном рынке труда.

В условиях глобализации система образования оказалась перед трудной задачей найти пути диалектического сочетания в равной степени востребованных и объективных тенденций стандартизации и индивидуализации результатов образования.

Эта задача усложняется с учётом идей культуросообраз-

ности образования: оно должно одновременно соответствовать глобализационным тенденциям к унификации и контрглобализационным тенденциям к мультикультурализации образования. При такой постановке задачи образование должно пониматься предельно широко – как процесс овладения личностью определённой культурой, включая систему ценностей, знаний, навыков и устойчивых механизмов социального общения.

Здесь может оказаться востребованным идейный потенциал гуманистической и неогуманистической педагогики и социальной мысли прошлого.

В исторической ретроспективе более отчётливо проступают и контуры тех масштабных задач, которые стоят перед обществом в развитии образования как своего института: общество эпохи Ренессанса выдвинуло и практически реализовало идею образования как процесса творчества; в эпоху Просвещения оказалась востребованной идея органической связи науки и образования; очевидно, что в начале XXI века должен быть реализован не менее значимый проект, связанный, прежде всего, с идеей глубокой интеграции образовательных структур и процессов. Однако успех этого проекта напрямую зависит (и это подтверждает исторический опыт) от степени его теоретического обоснования, включая в первую очередь анализ социальных предпосылок, факторов и следствий интеграции.

¹⁵ Слепухин А.Ю. Трансформация высшего образования в контексте социальных противоречий глобализации. Автореф. дисс... докт. социол. наук. – Нижний Новгород, 2005. – С. 22.

Е.С. ШИШКО, старший преподаватель НОИР
E. Shishko, senior lecturer NOIR

Формирование культурной толерантности личности как педагогическая проблема

The development of cultural tolerance personality as a pedagogical problem

Аннотация: Автор размышляет о выборе такой педагогической модели развития национальной школы, которая могла бы в условиях современной России наиболее адекватно выразить идею диалога культур в образовательно-воспитательном процессе.

Abstract: The author reflects on the choice of such pedagogical model of development of the national school, which could in the conditions of modern Russia is the most adequate to Express the idea of the dialogue of cultures in the educational process.

Ключевые слова: система образования, толерантность, культурные национальные традиции, самоидентификация, национальная система ценностей, школьное и семейное воспитание, общенациональные идеалы, многонациональное государство.

Key words: system of education, tolerance, cultural and national traditions, identity, national values, school and family education, national ideals, Plurinational state of.

Система образования как институт социализации личности отражает совокупность традиций, культурных ценностей, знаний, накопленных обществом, поэтому педагогическое сознание отражает те социальные тенденции, которые имеются в данный исторический период времени. В настоящее время мы переживаем состояние кризиса в области формирования идентичности жителей Российской Федерации. Прежняя идентичность советского человека, сформированная за многие годы, была разрушена, а формирование новой идентичности складывается во многом стихийно и далеко не всегда успешно. Общество не выработало приемлемых образцов для подражания, отсутствует чётко выраженная система общенациональных идеалов и ценностей. Об отсутствии объединяющей всех граждан России общенациональной идеологии говорят на самых высоких уровнях. Несомненно, рано или поздно поставленная Президентом Российской Федерации задача по вы-

работке национальной идеи будет решена, так как, по сути, речь идёт о важнейшем условии культурной самоидентификации многонационального народа России на уровне общественного и индивидуального самосознания. Только культура и культурное творчество способны объединить различные народы, что особенно остро ощущается в традиционно полиэтнических регионах России.

Цель высшей школы в современных условиях видится не столько в трансляции её определённых элементов культуры новым поколениям будущих педагогов, сколько в формировании специалиста нового типа – субъекта культурного творчества, способного к воспитанию соответствующих качеств у своих учеников. При выборе именно такого вектора развития педагогики категория толерантности должна занять в ней одно из ведущих мест, для чего, однако, требуется определённая теоретическая работа по обновлению концептуальных оснований педагогической науки и по разработке соответствующих

педагогических моделей подготовки специалиста. Особое значение здесь приобретают вопросы педагогических условий трансляции знаний, относящихся к сферам человеческой деятельности, генерирующей, воспроизводящей и хранящей «матрицы» национальной и мировой культуры. Прежде всего речь идёт о художественном творчестве, воспроизводящем и закрепляющем ценности и идеалы общества на уровне представления, и о философии, трансформирующей их в формы дискурсивного понятия.

Но очевидно, что сегодня практика образования не может долго ждать результатов теоретических изысканий педагогической науки. Учителя испытывают необходимость в конкретных педагогических технологиях, в конкретных педагогических приёмах, которые они могли бы реализовывать в работе с учениками уже сейчас. А это значит, что такая программа должна строиться на уже имеющемся материале, на базе уже существующих учебных предметов. Такого

рода подход в полной мере корреспондирует принятым ориентирам на формирование культуросенситивной педагогики, если учесть глубокую взаимосвязь культуры и традиции в любых её формах.

Для разработки педагогической концепции, основные контуры которой были нами обозначены выше, следует несколько более обстоятельно рассмотреть состояние проблемы культурной толерантности общества и личности в современной России и на этой основе проанализировать предпосылки разработки образовательных технологий её формирования, включая анализ состояния концептуальной базы теории профессионального образования в нашей стране.

Основные **проблемы** в области целенаправленного формирования культурной толерантности общества и личности в России имеют полидетерминированный характер и связаны:

1) с реальным поликультурным пространством, в котором существуют образовательные институты. Сложности возникают в связи с множеством межкультурных, межэтнических противоречий, уходящих корнями в давнее и недавнее историческое прошлое, социальной напряжённостью;

2) с отсутствием осознанного, от-refлексированного, **приемлемого для всех** основания построения культурной толерантности. Прежние экономические, социальные, идеологические, мировоззренческие и пр. основания, сложившиеся в советском обществе, оказались безвозвратно потеряны, девальвированы и уже не могут быть восстановлены в аутентичной форме. Построение идентичности по национальному или конфессиональному основанию, особенно характерное для современного общества в России, складывается стихийно, не регулируется и не корректируется посредством современных технологий управления социальными процессами (включая и педагогические технологии), а пото-

му приводит во многих случаях к тяжёлым конфликтным ситуациям, раскалывающим единое многонациональное пространство Российской Федерации.

Общий уровень толерантности в нашем обществе неуклонно снижается и, по нашей оценке, уже почти подошёл к черте, критической для существования такого социального феномена, как единый российский народ;

3) с **недостаточной разработанностью педагогического механизма** трансляции ценностных оснований, механизма построения культурной толерантности. Школа как адекватный институт формирования идентичности в настоящее время не полностью использует имеющиеся резервы.

Основные усилия многих учителей направлены на решение образовательных задач, в то время как воспитательные отходят на второй план. В результате размывается один из важнейших принципов классической педагогики: единство образования и воспитания в образовательном процессе. Семья, родители, социальное окружение ребёнка, как показывает опыт, не в полной мере справляются с этой задачей. Многие родители сами оказались не готовы к изменению общественной ситуации, социально-психологического климата в стране, и не могут передавать детям адекватной системы целей и ценностей. Семья постепенно теряет исконно присущие ей функции института социализации ребёнка. В некоторых образовательных учреждениях для выполнения воспитательных функций обращаются к помощи церкви. Это в ряде случаев эффективно решает проблему построения идентичности, но не может служить универсальным средством, особенно в России, где традиционно сосуществуют представители разных народов, разных религиозных убеждений. Восстановление утраченных воспитательных функций школьного и высшего образования происходит недостаточно опера-

тивно и, безусловно, требует длительного времени и отработки.

Противоречия ситуации связаны:

1) с необходимостью формирования общей, интегральной идентичности в многонациональной и многоконфессиональной стране. Однако ряд отмеченных выше обстоятельств социально-психологического и культурологического характера не позволяет использовать феномен этнической или религиозной идентичности в качестве базового. Кроме того, хорошо известно, что формирование групповой идентичности по любому основанию повышает риск формирования ксенофобии, нетерпимости к представителям других групп, а также стремления к замыканию на ценностях своей группы.

Особенно велик риск подобных последствий для России, где межнациональные противоречия во многих областях существуют достаточно остро.

Опираясь на исторический опыт российского государства, мы можем сказать, что толерантные межнациональные отношения вполне возможны. Представители разных народов, разных культур могут жить мирно, сотрудничать, уважать ценности и традиции других народов без утраты собственной идентичности и культурного своеобразия. Однако эта ценная практика в настоящее время во многом утрачена или близка к исчезновению;

2) другой пласт противоречий связан с рассогласованием воспитательной и образовательной функций педагогического процесса. Проблему усиливает чётко наметившееся в последнее десятилетие противоречие между ростом образованности, информированности учащихся и проявлением бездуховности, потребительского отношения к образованию, низкой общей культурой школьной среды. Для преодоления наметившегося разрыва необходим более последовательно и продуманно использовать образовательный по-

тенциал в воспитательных целях. Тем более что формирование общей культуры, культурной идентичности личности и межкультурной толерантности складывается именно в детском возрасте, в процессе школьного обучения. В настоящее время ряд педагогов-новаторов (Ш.А. Амонашвили, Е.Н. Ильина, Е.Ю. Клепцова, А.Г. Козлова, С.И. Лысенкова, Л.Ю. Белякова, В.Ф. Шаталова и др.) разрабатывают и успешно внедряют отдельные специальные программы и системы мероприятий, направленных именно на формирование в образовательно-воспитательном процессе культурной идентичности и межкультурной толерантности. Предлагается решение этих задач за счёт изменения содержания ряда учебных курсов: «Обществознание», «Всеобщая история», «Права человека», «Трудовое обучение», «Технология» и др.

Однако имеющийся потенциал общеобразовательных предметов используется слабо, нет системы педагогических технологий, разработанных программ, позволяющих в рамках изучения литературы воспитывать в школьниках чувство человеческого достоинства; формировать установки межличностных отношений в духе терпимости, ненасилия, уважения и солидарности; воспитывать понимание неразрывной связи культурной самоидентичности и уважения к иной культуре;

3) ряд противоречий стимулируется нерешённостью проблемы структурного сочетания национальных школ различных народов Российской Федерации, их соотношения с системой образования в стране в целом. Дискуссионным продолжает оставаться вопрос о русской национальной школе. Ряд педагогов настаивает на необхо-

димости её формирования и развития в России (И.Ф. Гончаров, В.Н.Скворцов, В.Н. Троицкий) и даже выдвигает идею ретрансляции модели русской национальной школы на всё российское образовательное пространство (В.Н. Максимова). На первый план выносятся три предмета, которые должны стать своего рода «столпами» национального образования: русский язык, русская история и литература. Другие педагоги подвергают данную идею сомнению (А.Я. Данилюк, З.Ф. Мубинова). Очевидно, что речь идёт не о выборе приоритетов за счёт отрицания той или иной национальной культурной традиции, а о выборе такой педагогической модели развития национальной школы, которая могла бы в условиях современной России наиболее адекватно выразить идею диалога культур в образовательно-воспитательном процессе.

Ю.И. РУСУ проректор по качеству образования НОИР г. Санкт-Петербург
J. Rysy, Vice-rector for quality education

Значение контроллинга в руководстве вузом (на примере негосударственного образовательного учреждения) The importance of controlling in management University (for example, non-governmental educational institution)

Аннотация: Цель данного материала – выявление необходимых условий для повышения профессионализма в управлении ресурсами негосударственного образовательного учреждения высшего профессионального образования (НОУ ВПО) в условиях обострения конкуренции, изменения экономики, нестабильности численности обучающихся, задолженности по заработной плате, поиска надёжного и стабильного профессорско-преподавательского состава и установления эффективных связей с предприятиями-поставщиками студентов. Современным администраторам необходимо комплексное видение системы управления и использование в ней баз данных по формированию затрат, ресурсов, их баланса с целью выработки вариантов управленческих решений по оптимизации прибыли и повышению качества образования.

Abstract: The purpose of this material is identifying the necessary conditions for increased professionalism in the management of resources of non-state educational institution of higher professional education (NOU VPO) in conditions of increased competition, changes in the economy, instability in student numbers, wage arrears, finding a reliable and stable teaching staff and establishing effective relationships with the suppliers of the students. Modern administrators need a comprehensive vision of the management system and a database on formation expenses, resources, their balance with a view to developing options for management decisions to optimize profits and improve the quality of education.

Ключевые слова: система менеджмента качества образования, контроллинг, управление образовательным учреждением, негосударственные образовательные учреждения, качество образования, развитие вуза.

Key words: system of education quality management, controlling, management of the educational institution, non-governmental educational institutions, quality of education, the development of the University.

Необходимость формирования продуманной системы действий по обеспечению финансовой устойчивости и экономической безопасности НОУ ВПО в рыночных условиях обуславливает привлечение новых инструментов, которые позволили бы сделать более прозрачными усложняющиеся экономические задачи учебного заведения и обеспечили бы информационную поддержку управления его бизнес-процессами. Одним из таких инструментов является контроллинг, который прямого отношения к системе счетов бухгалтерского учёта и его регистрам не имеет.

Прежде чем перейти к сути изложения, определимся с понятием контроллинг, которое будет использоваться в данной статье.

Контроллинг – это принципиально новая концепция информации и управления, которая обеспечивает поддержание внутреннего баланса экономики НОУ ВПО путём формирования информации о затратах и доходах как основы для принятия управленческих решений и бюджетирования.

Происхождение термина «контроллинг» представлено в целом ряде работ [1, 2, 3]. Сам термин зародился в Америке, в 70-е годы прошлого века «перекочевал» в Западную Европу, а затем в нача-

ле 90-х в Россию. В определении термин объединяет две составляющие: контроллинг как философия и контроллинг как инструмент.

1. Контроллинг – философия и образ мышления руководителей, ориентированных на эффективное использование ресурсов и развитие предприятия (организации) в долгосрочной перспективе.

2. Контроллинг – ориентированная на достижение целей интегрированная система информационно-аналитической и методической поддержки руководителей в процессе планирования, контроля, анализа и принятия управленческих решений по всем функциональным сферам деятельности вуза.

Основные постулаты современной философии контроллинга применительно к вузу можно сформулировать следующим образом:

1) примат рентабельности (качества) деятельности вуза над ростом объёмных показателей, т.е. размеры высшего учебного заведения, объёмы подготовки студентов, количество филиалов, предлагаемые специальности, сумма баланса и т.п. являются второстепенными по сравнению с эффективностью работы вуза в целом и его подразделений;

2) рост объёмов бизнеса вуза оправдан лишь при сохранении прежнего уровня или росте эффективности;

3) мероприятия по обеспечению роста доходности не должны повышать допустимые для конкретных условий функционирования вуза уровни рисков.

Контроллинг (управленческий учёт) – это одна из функций внутреннего контроля и источников информационного обеспечения.

Целевая задача контроллинга заключается в системно-интегрированной информационной, аналитической, инструментальной и методической поддержке руководства для обеспечения долгосрочного существования и развития вуза.

Предпосылкой формирования и развития контроллинга явилось наделение главного бухгалтера контрольной функцией и соучастием в принятии управленческих решений и контроле их выполнения. Специалисты (аудиторы) исследовали отчётные формы, годовые балансы, а также выполняли анализ экономической и хозяйственной деятельности. Эти специалисты при выработке решений были наделены совещательной функцией, которая в новых условиях деятельности сформировалась в контроллинг. Бухгалтерский учёт не может быть одновременно информационной

функцией и обладать свойствами аналитического и контрольного характера. На предприятиях и в компаниях появился новый производственный учёт, основанный на синтезе «прошлых» функций (точнее – некоторых из них) бухгалтерского учёта и планово-хозяйственного учёта с проведением экономического анализа. Этот новый учёт позволил обеспечить эффективность расходования производственных ресурсов, а также регулировать величину и направления использования ресурсов. Это новое явление связано с разработкой механизмов калькулирования переменных затрат и учётом расхода ресурсов по центрам ответственности. В результате: сформировалась система (в интегрированных системах – подсистема, например, МАХ, КОМПАС), использующая учёт ресурсов в денежных измерениях, введены нормативы калькулирования основной деятельности и процесса бюджетирования с принятием текущих управленческих решений. Опыт применения оперативного контроллинга распространён на стратегические цели предприятий.

Деятельность вузов по существу мало отличается от деятельности предприятий (компаний) в других сферах. В вузах управление также нацелено на «максимизацию эффективности процессов, проявляющуюся в постоянном росте уровня качества предоставляемых продуктов и услуг, при условии комплексного соблюдения требований ГОСТ Р ИСО 9000:2001»¹.

Специфика функционирования НОУ ВПО обуславливает ряд специальных требований к контроллингу. К этим особенностям следует отнести:

– изменения в организации основной деятельности и методологии системы информационного обеспечения;

– сложность оценки эффективности при реализации образовательных продуктов и услуг;

– образовательные и научно-исследовательские процессы лишь отчасти можно толковать как производственные, скорее речь может идти об информационных процессах;

– специфичность результата производственных процессов, каковым являются ОУ, образовательные и научные продукты;

– большая роль творческой компоненты при осуществлении производственных процессов;

– частая прогнозируемость стратегии, будущих процессов и результатов основной деятельности;

– высокая динамичность рынков образовательных услуг и научных продуктов;

– сложный учёт ресурсов по специфическим и творческим процессам;

– отсутствие бюджетирования и моделей принятия решений с учётом специфики.

Внедрение контроллинга включает в себя работу по следующим направлениям:

– система управления (оперативного и стратегического);

– организационная структура, включающая специфические функции;

– информация;

– планирование (бюджетирование) и механизм регулирования;

– персонал и его переподготовка в новых условиях.

Концепция контроллинга заключается в интеграции традиционных методов учёта, анализа, планирования, контроля и планово-хозяйственных методов экономического анализа с созданием единой реляционной базы данных для обработки информации по принятию решений. Модель контроллинга включает: определение оперативных и стратегиче-

¹ Соломенцев Ю.М., Поздеев Б.М., Солдатов А.В. Эффективное управление вузом на основе процессного подхода // Стратегическое управление и институциональные исследования в высшем образовании: Материалы Первой междунар. конф. Москва, 3-4 дек. 2002 г. / Под ред. Е.А. Князева. – Казань, 2003. – С. 161-166.

ских целей развития вуза с учётом внешних и внутренних условий функционирования; разработку механизма координации и контроля за процессом достижения конечных результатов; разработку систем информационного обеспечения управления путём формирования значимой (релевантной) информации; анализ отклонения информации от запланированной с установлением взаимосвязи конечных показателей с подконтрольными; выработку вариантов (альтернатив) управленческих решений и внесение изменений в оперативное и стратегическое планирование.

Каждый блок имеет обратную связь, а также внешние и внутренние факторы. Внешние факторы это рынки абитуриентов и потребности отраслей народного хозяйства; трудоустройство выпускников и острая конкуренция вузов; изменение потребностей на рынке труда, а также экономическая и социальная среда. Внутренние факторы – это технические и технологические ресурсы вуза (библиотеки, УМК, ОПП, тесты, технические средства), людские ресурсы, маркетинговые исследования, организационная структура вузов.

Расчёт эффективности институциональных изменений во внутривузовском механизме управления является сложным, но, тем не менее, необходимым процессом для оптимизации функционирования высшего учебного заведения. Эффективный менеджмент повышает конкурентоспособность образовательного учреждения и представляет собой ключевой фактор адаптации вуза к современным социально-экономическим условиям.

Роль эффективного менеджмента возрастает по мере увеличения масштабов производства. До тех пор, пока число сотрудников и потребителей невелико, могут оказываться эффективными неформальные связи внутри организации. По мере увеличения численности

потребителей в системе высшего образования (это, прежде всего, студенты) неформальные связи перестают работать и руководству необходимо переходить к формальным методам мониторинга и контроля. В российской системе высшего образования, как в государственном, так и в негосударственном секторе, наблюдается динамика роста студентов в среднестатистическом ведущем вузе. Данное обстоятельство усиливает значимость внутривузовских институциональных механизмов как способа адаптации вуза к современным социально-экономическим условиям.

Эффективность работы высшего учебного заведения определяется как окружающей (или институциональной) средой, в которой действует вуз, так и внутривузовским менеджментом. Эффективный менеджмент предполагает наличие чёткого разделения обязанностей между сотрудниками вуза, включая дополнительные функции по управлению экономическо-хозяйственной (учебной) деятельностью. И администрация, и преподаватели должны ясно понимать, в чём состоят их ключевые функции, исходя из конкурентных преимуществ, сильных сторон и обмена между вузами разных стран. Любой вуз как субъект рыночных отношений пред определяет объективный процесс возрастания роли и значения функций управления, включая контроль, анализ, бюджетирование, а также совершенствование и придание новых задач для успешной экономической деятельности.

Система информационных потоков – важнейший элемент контроллинга. Так как одна из основных функций контроллинга – информационная поддержка управления, то реализовать её можно только при условии чёткого и слаженного функционирования системы информационных потоков.

Система сбора контроллинговой информации опирается на существующую систему информа-

ционных потоков, поэтому службе контроллинга не удастся построить свою информационную подсистему без учёта работы остальных информационных потоков.

Таким образом, информационная подсистема контроллинга должна быть органично встроена в общую информационную систему вуза.

К составным частям контроллинга можно отнести: административный контроль, технологический контроль, ревизию, функциональный, комплексный и системный аудит. Контрольная деятельность в организации существовала и будет существовать. Часто контроль служит основной функцией для ряда руководителей. Однако только профессиональный подход к контрольной деятельности в области управления вузом может дать ощутимые результаты. Исследования показывают, что чёткая, постоянная и действенная система контроллинга в вузе является важной составной частью осуществления институциональных изменений внутри вуза, она усиливает конкурентные преимущества высшего учебного заведения на рынке образовательных услуг, поэтому её следует широко использовать.

Стадии управленческого процесса представляют собой логические связи и образуют комплекс постоянно повторяющегося управленческого цикла с прямой и обратной связью. Стадии управленческого процесса контроллинга являются типовыми и включают: проблему, входную информацию, цель, анализ проблем, моделирование, прогноз и выработку альтернатив, принятие решений, реализацию решений, измерение результатов, анализ отклонений, эффективность и контроль выходных параметров.

Взаимосвязь контроллинга с функциями управления финансово-хозяйственной деятельностью происходит в зависимостях информационных потоков между всеми функциями управления. Она обеспечивает получение по-

лезной (релевантной) информации для принятия управленческих решений. Это достигается трансформацией бухгалтерской учётной информации, учебной учётной информации и плана, их обработкой системой контроллинга с оптимизацией данных с получением полезной информации. Контроллинг занимает особое место в информационно-аналитической подсистеме управления вузом. Он синтезирует, связывает воедино все вышеуказанные функции, интегрирует и координирует их и переводит управление вузом на новый уровень.

Последовательность проведения работ по формированию контроллинговой информации включает следующие этапы:

1. Определение целей.

2. Планирование (бюджетирование), включающее: разработку консолидированного плана, проверку и утверждение плана по подразделениям, предоставление информации для составления планов, выработку методики (методов) бюджетирования.

3. Сбор и обработку учётно-

экономической и учебной информации.

4. Осуществление контроля функций с установлением допустимых границ отклонений от плана и сопоставление плановых и фактических показателей.

5. Формирование основных подконтрольных показателей на основе аналитической функции с определением степени воздействия возникших отклонений на величину результата и разработку инструментария для планирования, контроля и принятия управленческих решений.

6. Подготовку рекомендаций и выработку альтернативных вариантов в принятии управленческих решений.

Проблемы организации контроллинга и определяющие их факторы следующие:

1. Создание учётно-аналитической системы для учёта, планирования (бюджетирования), контроля, анализа и выработки решений.

2. Исследование информационных потоков в вузах с организацией сбора учётно-аналитической информации

3. Формирование основного инструментария функционирования контроллинга.

4. Подчинённость бухгалтерского учёта налоговым нуждам (следует дополнить учёт нуждам предприятия).

5. Необходимость разработки внутренней информационной системы в вузах с внутренней отчётностью.

6. Обязательность в совершенствовании применяемых методов обработки информации.

7. Сопротивление нововведениям внутренних служб, страх перед неизвестностью.

8. Разработка специфических методик для вузов.

Реализация контроллинга в вузах позволит оперативно формировать информацию о возникающих отклонениях с целью своевременного принятия управленческих решений по регулированию затрат, что обеспечивает совершенствование качества учебного процесса и способствует более полному раскрытию потенциальных возможностей конкретного вуза в реализации намеченных целей

Литература:

1. Фалько С.Г., Носов В.М. Контроллинг на предприятии. – М.: Знание России, 1995. – 80 с.
2. Хан Д. Планирование и контроль: концепция контроллинга / Пер. с нем. – М.: Финансы и статистика, 1997. – 800 с.
3. Контроллинг в бизнесе: методологические и практические основы построения контроллинга в организациях / А.М. Карминский, Н.И. Оленев, А.Г. Примаков, С.Г. Фалько. – М.: Финансы и статистика, 1998. – 256 с.
4. Гидденс Э. Социология. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 704 с.
5. Саймон Г., Смитбург Д., Томпсон В. Менеджмент в организациях / Сокр. пер. с англ. с 15-го изд. М.: Экономика, 1995. – 335 с.
6. О'Саливан А. Экономика города / Пер. с англ. 4-е изд. – М.: Инфра-М, 2002. XXVI. – 706 с

В.М. ДУДНИК, кандидат технических наук, НОИР г. Санкт-Петербург

Е.Н. ХОРОШЕВ, старший преподаватель НОИР г. Санкт-Петербург

V. Dydnik, candidate of technical Sciences, NOIR, St. Petersburg

E. Khoroshev, senior lecturer NOIR, St. Petersburg

К проблеме рационального обоснования дидактики для использования на новом этапе развития культуры To the problem of rational justification didactics for use in the new stage of cultural development

Аннотация: Авторы считают актуальной предлагаемую проблему в связи с сегодняшним индетерминизмом в социологии, представляющим любое социальное явление как уникальную констелляцию событий, часто не учитывающую особенности исторических закономерностей. Такая позиция не позволяет соотносить системные тенденции развития культуры с применением их в таком важном социальном институте, как образование, а именно – в дидактическом обосновании образовательных программ подготовки современных профессионалов, в осознании «техники безопасности» образовательных процессов с использованием Интернета.

Abstract: The authors consider relevant to the proposed problem in connection with today's indeterminism in sociology, representing any social phenomenon as a unique constellation of events, often not taking into account the peculiarities of historical laws. This position does not allow to correlate the system development trends of culture using them in such an important social institution as education, namely in didactic rationale for the educational training of modern professionals, in recognition of «safety» educational processes with the use of the Internet.

Ключевые слова: образовательный процесс, дидактика, развитие культуры, интернет, действительность, саморазвитие человека, качество жизни, духовность, материальные блага.

Key words: educational process, didactics, development of culture, the Internet, reality, self-development person, quality of life, spirituality, wealth.

Для того чтобы разобраться в происходящих сегодня процессах развития общества, в состоянии современного этапа культуры и, возможно, в рождении её нового этапа, предлагается представить и рассмотреть образ пространства развития человеческой культуры. Под понятием «культура» будем понимать всю совокупность накопленных:

- норм: этических, эстетических, моральных, нравственных;
- приёмов: производства, мастерства, организации;
- методов: познания, творчества, отображения действительности, позволяющих непрерывно улучшать качество жизни всего общества, отдельных его субъектов при изменении природных и социальных обстоятельств жизни.

Высшие компоненты качества человеческой жизни – духов-

ные [1]. Они связаны с самодвижением, самоопределением, саморазвитием человека в социальных обстоятельствах.

В соответствии с известной классификацией видов деятельности [5] человеческая культура также может быть представлена тремя составляющими:

1. Культура **труда** – материальное производство.

2. Культура **познания** – производство знаний.

3. Культура **общения** – производство самих субъектов деятельности.

В процессе развития человеческого общества, с точки зрения категорий общения, к которой относится собственно «образование» [3], можно выделить три этапа накопления культурных ценностей:

- культуры дикости,
- культуры варварства,

– культуры цивилизации.

Этапы развития культуры не являются обособленными, так как каждый последующий вбирает в себя достижения предыдущего и продолжает развитие на этой базе (от этапа дикости и до наших дней). Определение моментов перехода от одного этапа к другому, т.е. временных границ этапов, задача сложная, так как историки развития культуры различных школ не могут согласовать временные числовые характеристики. Поэтому переход временных границ для всех этапов определён в содержательных понятиях.

Важнейшей категорией развития культуры для всех этапов является способ передачи накопленных знаний – процесс обучения. Начиная с этапа дикости в его различных формах (сперва в примитивных, часто не осознаваемых

до конца), формируются основы процесса, называемого в настоящее время **дидактикой**.

Краткая характеристика этапов с позиций общения, к которой относится дидактика:

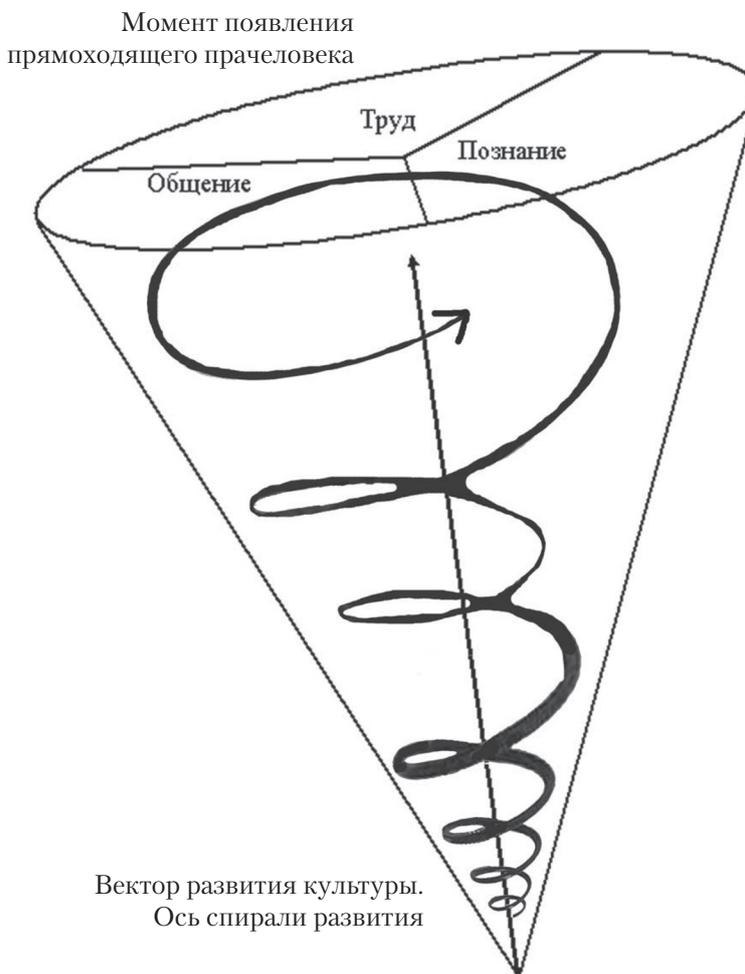
1. Этап культуры дикости. Начало этого этапа может быть связано с моментом возникновения прямоходящего прачеловека (около 1,5–2 млн. лет тому назад [2]). На этом этапе, вероятно, отсутствует речь и, тем более, письменность. Ведущим способом выживания человеческого индивида является физиологическая активность – **действие**, основным дидактическим приёмом – принуждение к подражанию. Начавшееся в то время развитие компонентов культуры действия, продолжается и сегодня. Можно считать, что вершиной культуры дикости являются ритуальные действия, в коих рождаются ритм и музыка, как формы отражения действия, движения.

2. Этап культуры варварства. На этом этапе ещё отсутствует письменная речь. Ведущий фактор общения человека (человека-варвара), фактор развития отношений – устная речь, слово. Появляется новый метод в культуре общения, в социальном институте образования, в «дидактике» – устный рассказ в виде сказок, мифов, былин. Формы, структура, содержание рассказов, сам устный язык, возникнув, продолжают жить, развиваться. Психологически оформляется субъект деятельности, проявляются элементы личности. Этот этап длится предположительно около 40000 лет [2], начинается с первого слова, выражающего эмоцию, включает язычество, начало формирования понятия творчество.

Этот этап венчает монотеизм, как отражение развивающейся духовности.

3. Этап культуры цивилизации. Ведущая категория развития – письменность, позволяющая фиксировать, накапливать и передавать культурные достижения в материальных письменных формах.

Рис. 1. Историческое пространство развития культуры



Происходит (психологически) окончательное формирование личности, более чётко проявляются элементы индивидуальности. Дается импульс дополнительному ускорению развития всей культуры в целом, в том числе и проявившиеся в предшествовавших этапах культурных составляющих, а именно – в труде, познании, общении.

Таким образом, можно построить матрицу (3x3) для формирования образа исторического пространства развития человеческой культуры. Этот образ представлен в виде конуса (рис.1), где в горизонтальной плоскости обозначены компоненты культуры – труд, познание, общение, а по вертикали, вдоль вектора развития: культура дикости, культура варварства,

культура цивилизации, каждая из которых, коротко говоря, представляет собой:

а) **культура дикости** – культура действия (Бог-отец – в православной ипостаси),

б) **культура варварства** – культура устной речи (Бог-сын – в православной ипостаси),

в) **культура цивилизации** – культура письма, планов, намерений, рациональной воли (Бог-дух – в православной ипостаси).

Вектор развития культуры направлен по оси времени – снизу вверх, временная шкала нелинейная – логарифмическая, отражающая нарастающий темп развития культуры. Диаметр сечения конуса пропорционален численности населения человечества на разных этапах развития.

Как нам представляется, спираль развития человеческого общества и соответственно спираль развития культуры разворачивается по часовой стрелке (если смотреть сверху) от труда к познанию, затем к общению и обратно к труду, но уже новом уровне.

Первые три этапа (дикость, варварство, цивилизация) отмечены рядом авторов: Фергюссоном, Морганом, Марксом, Энгельсом, Поршневым.

Сегодня мы должны констатировать, что появляется новый этап развития культуры – этап культуры **Интернета**, сочетающий в сложной коммуникационной технологии новое ведущее средство общения. Он начинается в конце XX века с рождением информационных технологий, с появлением мобильной связи, а главное, с появлением нового элемента коммуникации – Интернета. Эта категория сложная, комплексная, способная сочетать в себе категории предыдущих этапов культуры.

Необходимо заметить, что появление каждого нового этапа в развитии культуры не отменяет содержания предыдущих. Однако это содержание снято, предполагается по умолчанию, редуцировано даже в системах образования.

Как отмечено выше, каждый этап характеризуется новым элементом коммуникации. В этапе варварства – это устная речь, на этапе цивилизации – письменность. Каждый раз вслед за появлением нового элемента общения изменяются отношения в системе материальной культуры. Следствием этого становится ускорение исторического развития, повышение производительности, увеличение населения Земли.

С появлением 4-го этапа следует ожидать нового ускорения развития культуры. Это явление требует соответствующего обоснования дидактики. В современном образовании должны появиться элементы, сочетающие в себе все достижения светской науки, интегрированные в форме усложняю-

щегося процесса познания.

Основу интеграции наук в развитие Аристотелевой логики (от логики – «или одно, или другое, третьего не дано» к логике – «и то, и другое») по процессному основанию заложил Гегель – **механизм, химизм, организм**. Оказалось, что Аристотелева логика влечёт за собой **системный подход – системную дескриптивную методологию**. Гегелевская логика позволяет осмыслить системно-уровневый характер процессов жизни, перейти к более адекватной дескриптивной методологии – **системно-уровневой**. Именно по этому основанию – **жизни социального субъекта**, процесса его социального саморазвития нам удалось соединить системы наук о человеке, интегрируя естественные, гуманитарные и социальные науки. Под понятием «индивидуальной жизни человека» подразумевается реализация «способа существования белкового тела» в конкретной специфической форме – для человека как социального субъекта, т.е. в форме процесса самодвижения, саморазвития.

Развернём эти взаимовложенные (по образу матрёшки, но без дна) процессы уровней самодвижения, саморазвития по принципу усложнения – от простого к сложному:

1. *Механический* (низший в иерархии сложности).
2. Физический.
3. Химический.
4. Биологический.
5. Психологический.
6. Социальный.
7. *Идеологический* (состоит из двух частей: аксиологической – постановка цели и методологической – выбор методов достижения).

8. *Праксеологический* (по Т. Котарбиньскому) – высший по параметрам сложности.

Каждый предлагаемый уровень процесса развития объективно разворачивается в своём содержании и нам, как субъекту отражения, остаётся его максимально адекватно отразить.

Например, на **химическом** уровне системообразующим элементом являются процессы превращения веществ, без которых не может быть процессов **биологического** уровня, на **психологическом** уровне – психика (способность отражать реальную действительность), в качестве системообразующего элемента имеем (по Б.Г. Ананьеву) структуру индивидуальности (рис. 2).

На **социальном** уровне – системообразующий элемент – самостоятельное социальное поведение в управляемой, подконтрольной проблемной конфликтной ситуации; при этом имеем упорядочение в организации взаимодействия из трёх групп субъектов: активный тип – «приспосабливаю», «приспосабливаюсь», пассивный тип – «приспособился».

Без этого уровня нет **идеологического** содержания процессов жизни, рациональной воли, целеустремлённости, т.е. того, что отличает личность, индивидуальность от социального субъекта деятельности.

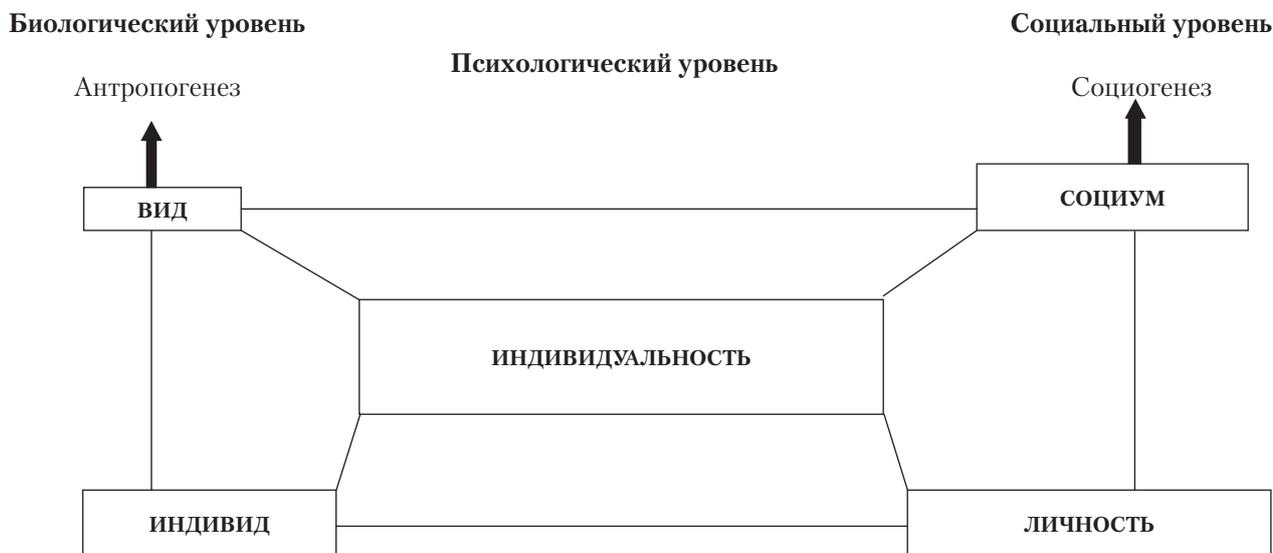
Структура индивидуальности находится в иерархии взаимовложенных процессов между **биологическим** и **социальным** уровнями.

В процессе развития человеческого общества – природа, человек, общество, взаимовложенные процессы развития повторяют те же (восемь) уровни развития. Для социальной жизни психологический уровень представляет плюрализм форм **общественного сознания**, сознания групповых субъектов, с соответствующими методами принятия группового решения.

Такое описание рассматриваемых феноменов носит название **системно-уровневого**. Эта методология следует за системной методологией с принципом системообразующего элемента.

Принцип системно-уровневой методологии может быть сформулирован следующим образом – *характер течения процессов нижнего уровня определяется верхним ведущим процессом, его направлен-*

Рис. 2. Структура индивидуальности по Б.Г. Ананьеву на психологическом уровне



ностью, но опирается на процессы нижеуложенные, содержит их в снятой форме и без них не существует.

Такой подход в описании социальных процессов жизни, жизни государств, обществ и ортогональных ему в зоне взаимодействия индивидуальных процессов жизни отдельных людей позволяет получить новые основания современной научно-светской дидактики.

Для социальной жизни в уровнях процессов жизни общества можно выявить следующую иерархию, со своей социальной спецификой, характеризуемой уменьшающимися временами переходных процессов:

1. Социальный механический.
2. Социальный физический.
3. Социальный химический.
4. Социальный биологический.
5. Уровень общественного сознания.
6. Социально-идеологический.
7. Социально-праксеологический.

Рассматривая временные интервалы с позиций принципа историзма, имеем:

- время смены поколений – 25–40 лет, в зависимости от конкретного исторического периода;
- время смены научных знаний (и соответственно ему образова-

ния) в конце 19 века – три поколения;

– время смены научных знаний на рубеже 20 и 21 веков – 6 лет.

С учётом изложенного необходимо осуществлять и выбор дисциплин для учебных программ в современных образовательных системах подготовки профессиональных специалистов (субъектов социальной деятельности в сфере труда, познания и общения). Последний должен соотноситься с предложенным нами культурологическим содержанием.

В применении к дидактике это позволит осуществить рациональное, культурологическое обоснование приёмов, методов, способов, педагогических технологий и состава образовательного процесса, что обеспечит следующие позитивные эффекты:

во-первых, резкое увеличение организационного ресурса в управлении процессами познания, науки, образования;

во-вторых, позволит упорядочить формирование мировоззрения учащихся, а также воспитание не только навыков искусства социального поведения, но и смысловую ориентацию в сложных социальных процессах. Последнее понижает энтропию социальных процессов, в первую очередь про-

цессов взаимодействия социальных субъектов деятельности;

в-третьих, благодаря пониманию закономерности снятия предшествующих этапов развития культуры становится ясной дидактическая важность обязательного включения в процессы образования предшествующих элементов культуры. Это позволяет начать бороться с **дидактопатией** в современном массовом образовании (классно-предметно-урочном). Так, например, обосновывается важность физкультуры, музыки, труда, как предметов дошкольного, начального школьного образования, что особенно важно на этапе Интернет-культуры, которая несёт в себе тенденцию к гиподинамии, к абстрагированию от реальности. Здесь потребуются свои новые правила «техники безопасности» с учётом возникающей опасности абстрагирования от реальности и ухода в виртуальный мир компьютерной жизни;

в-четвёртых, увидеть содержание образования не из трёх компонентов – **воспитания** (в узком смысле как формирование отношения к предметам обучения, к явлениям окружающего мира), **обучения**, **развития**, но и ещё из одной компоненты – **социализации** [6] – воспитания социальной зрелости,

готовности к жизни в современном сложном социуме, посредством социально-педагогического тренинга, возможно, в игровых и театральных формах;

в-пятых, только такой исторически процессный, социогенетический подход позволит отойти от агностицизма и индетерминизма в понимании социальных процессов (в первую очередь в социальном институте образования), в познании закономерностей развития и заложить основы дидактики современного уровня Интернет-культуры.

Современное осмысление этого нового этапа культуры позволит

избежать стихийности его развития, снизить издержки его возможно отрицательного воздействия. Необходимо подстраховаться от негативных особенностей Интернета, таких, как, например, бездумное копирование текстов и др.

Все эти проблемы роста требуют своего рационального осмысления и скорейшего решения.

Для контроля качества образования необходимо разработать специфические системы тестов, экзаменов. Часто новое оказывается хорошо известным старым. Например, компьютерное тестирование позволяет вернуться от экзаменационного стереотипа (три

вопроса в вытянутом экзаменационном билете) советского времени к комплексной проверке знаний по предмету. Применение предложенного культурологического подхода поможет использовать новые приёмы и методы в процессе усвоения знаний, умений, навыков, в процессе освоения системы ценностей, развития способностей к самообразованию, самосовершенствованию.

Поиск новых дидактических методов, приёмов, способов, с учётом перечисленных выше особенностей, осуществляется на базе учёного процесса преподавания естественных наук НОИР.

Литература:

1. Маслоу А. Мотивация и личность. – СПб.: Евразия, 1999. – 479 с.
2. Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). Под ред. Б.А. Диденко. – М.: «ФЭРИВ», 2006. – 640 с.
3. Попов Г.Х. Предисловие к [4].
4. Котарбинский Тадеуш. Трактат о хорошей работе или праксеология и теория управления / Пер. с польского изд. 1965 г. – М.: Экономика, 1975. – 271 с.
5. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. – Ленинград: Изд. ЛГУ, 1969. – 358 с.
6. Классики менеджмента / под ред. Малькольма Уорнера / Пер. с англ. под ред. Ю.Н. Каптуревского., – СПб.: Питер, 2001. – 1168 с.

И.А. ДОЛГОПОЛОВ, кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии и гуманитарных дисциплин НОИР
I. Dolgoplov, candidate of philosophical Sciences, head of the Department of philosophy and Humanities NOIR

Сознание как ориентация в знании Consciousness as orientation in knowledge

Аннотация: В статье исследуется проблема различия трансцендентального и социального знания и в связи с этим возможностей существования трансцендентального сообщества в феноменологии Гуссерля.

Abstract: The article examines the problem of the differences between transcendental and social knowledge, and in this regard, the possibilities of the existence of transcendental community in the phenomenology of Husserl.

Ключевые слова: трансцендентальное знание, социальное знание, поступок, действие, смысл сознания, экзистенциальный опыт, нравственное существо, совесть.

Keywords: transcendental knowledge, social knowledge, action, action, sense consciousness, existential experience, a moral being, the conscience.

Термин «сознание» в русском языке состоит из двух слов, недвусмысленно указывая на действие, поступок, состояние, находящимися в согласии со знанием. В немецком языке этот термин тоже состоит из двух слов «bewußt» и «sein». Bewußt происходит от wissen, знать. А глагол «sein» означает быть, существовать, находиться, происходить, являться. Таким образом, и в русском, и в немецком языках присутствует слово «знание». Das Bewußtsein означает то же, что и в русском: быть со знанием, находиться при (в) знании. В английском языке «сознание» может переводиться и как mind, и как consciousness, что имеет прямое отношение к латинскому conscientia и переводится как осведомлённость в смысле знания о чём-либо. Во французском conscience также сохраняется и другой смысл этого латинского слова – как совести, ответственности, понимания и убеждения.

Во всех этих случаях предполагается ориентация на знание, убеждённость в чём-либо. Человек, который обладает знанием, в равной мере выступает как знающий свои действия, поступки и несущий за них ответственность: он знает суть дела. Латинское conscius переводится также как соучаствующий, посвящённый в то,

что делается, знающий о себе что-либо. А отсюда и возникает понятие вины, нечистой и чистой совести. Соответственно и о человеке, который руководствуется знанием, не пренебрегает этим знанием, можно говорить как о существе нравственном. Христианство методично и последовательно на протяжении всей истории убеждает нас в том, что это знание и есть знание добра и зла. К этому добавляется требование не выходить за рамки этого знания, требование постоянного самоконтроля, самоотчёта, рефлексии, исповеди. Знание обязывает к тому, чтобы постоянно проверять помыслы, желания, аффекты на предмет постоянно присутствующих в них соблазнов. Желая того или нет, христианство, по сути, призывает человека к сознанию, состоянию постоянного присутствия в виду знания о себе самом.

Однако такое присутствие под силу не каждому человеку. Для святых, отшельников практика присутствия – это техника подавления греховных помыслов, средство очищения души, для большинства верующих – это недостижимый идеал, который только частично компенсируется исповедью и исполнением предписываемых норм поведения. Большинству верующих сам смысл постоянного при-

сутствия в виду знания о себе не совсем понятен. Тем более, если люди живут не созерцательной жизнью, а практической. В такой жизни практика присутствия становится просто помехой, мешающей целодостижению.

Между тем, язык вновь и вновь напоминает самим способом высказываться о людях и их действиях как сознательных, устремлённых к сознанию, поступающих в соответствии с сознанием долга или, напротив, не сознающих того, что они делают. Очевидно, что язык задаёт некие правила, в соответствии с которыми мы можем говорить о сознании, но вместе с тем он оставляет вопрос о сознании непрояснённым и непродуманным, предлагая лишь конструкции типа: он находился в сознании, сознание его не подвело, незамутнённое сознание, он чётко осознавал и т.п. Очень часто педагоги апеллируют к сознанию учеников, имея в виду, прежде всего, чувство ответственности, понимание необходимого и должного так, как будто они сами всегда руководствуются только необходимым и должным, всегда ответственно подходят к решению проблем и распутыванию сложнейших жизненных коллизий. Именно эти требования педагогов к ученикам ясно указывают на истинный смысл сознания, на ту тео-

ретическую конструкцию, которая лежит в основе понятия «сознания». В данной статье мы попытаемся лишь выхватить онтологические контуры этой конструкции и тем самым сделать более прозрачным контекст высказываний о сознании.

Итак, как христиане, так и педагоги призывают человека к сознанию, состоянию постоянного *присутствия* в виду знания о себе самом. Этот призыв означает требование, предъявляемое к «человеку». «Человеку» здесь закавычено не случайно. Нам ещё не совсем ясно, есть ли здесь «человек». Человека призывают постоянно присутствовать в виду того, что может быть его знанием о себе самом. Возможно, что он впервые конституируется как человек только в этом присутствии перед знанием. Если это так, то этот призыв очень сильно напоминает призыв к некоему Х подойти к зеркалу и увидеть там своё «человеческое» отражение. Призыв адресован некоему Х, некоему субъекту, чтобы он вышел навстречу знанию о себе самом и таким образом обрёл бы свой истинный образ. Лакан, безусловно, ухватывает в «Стадии зеркала» процесс обретения субъектом знания и этот процесс он описывает как «некую *идентификацию*..., а именно как трансформацию, происходящую с субъектом, когда он принимает на себя некий образ...» [2, 56–57]. Однако то, о чём говорим мы, предполагает наличие субъекта для себя не в телесной форме, а в форме знания о себе самом.

Здесь нельзя представлять дело таким образом, что субъект существует до того, как он обретает знание о себе самом. Напротив, он не наличен без знания. Иными словами, он появляется для себя самого тогда, когда оформляется, конституируется в форме знания. Его образ – это знание, гештальт, в котором ребёнок (субъект), по Лакану, «опережает в мираже созревание своих возможностей» [2, 58]. Иными словами, субъект

про-из-водится знанием, впервые выступает для себя на свет, проявляется.

Но что такое здесь «знание», в чём состоит его адекватный смысл? Для христианина это знание, безусловно, имеет нравственный характер, а для педагога, скорее всего, характер пути, ступив на который однажды, ученик сможет пройти им до конца жизни. В любом случае здесь слышен призыв к чему-то такому, что позволяет субъекту брать на себя право решать и продумывать последствия своего решения. Субъект призывается, по сути, к состоянию постоянного бодрствования и постоянного обдумывания, размышления, опережающего те или иные свои действия. Возможно ли подобное? Возможно ли, чтобы субъект контролировал, продумывал, наблюдал каждый свой шаг? Конечно, нет. Значит, субъект призывается вовсе не к постоянному бодрствованию, а просто к рефлексии. К самоанализу и самоописанию, то есть к дескрипции.

Но даже если и так, то, очевидно, он должен располагать временем для подобной дескрипции. Если он не располагает временем, тогда призыв его к сознанию ничего не значит. Именно поэтому христианская теология в лице Августина продумывает вопрос о времени и констатирует в итоге местопребывание времени в душе. Метафизика Нового времени, не подвергая сомнению этот факт, переносит время в сознание. Начиная с Лейбница, время толкуется как основание сознания, как протяжённость или длительность сознания. В феноменологии Гуссерля сознание обретает черты времени и, по сути, проявляется как время. У Хайдеггера время является фундаментальной структурой бытия *Dasein*. Иными словами, Хайдеггер констатирует, что время является основанием бытия вот-бытия. И хотя вот-бытие – не сознание, но сам факт признания времени основанием человеческого бытия симптоматичен. Человек – суще-

ство, располагающее временем, не в том смысле, что он полностью им распоряжается как своими башмаками, а в том, что понимание человеком своего бытия отталкивается из временности *Dasein*.

Несмотря на отказ от традиционной метафизической терминологии, Хайдеггер всё-таки говорит о том же самом. Отличие его феноменологии от феноменологии Гуссерля в данном случае в том, что временность *Dasein* он понимает не из внутреннего сознания-времени, а из открытости *Dasein* бытию. Этим обстоятельством определяется различие вот-бытия и сознания. На семинаре в Церингене он говорил, что сознание укоренено в вот-бытии, а не наоборот [5, 112]. И он спрашивает: какой смысл имеет «быть» в бытии-осознанном (*Bewußtsein*) и в вот-бытии?

Отвечая на этот вопрос, он указывает, что «быть» означает в вот-бытии «бытие-снаружи», выстаивание в просвете и стояние в трёх временных экстазах (прошлом, настоящем и будущем). Поэтому «вот-бытие сущностным образом есть эк-статически». Таким образом, говорит он, «"бытие" в выражении вот-бытие означает эк-статическую эк-зистенцию» [5, 114]. Но это коренным образом меняет понятие присутствия перед знанием. Присутствие обретает внутреннюю динамику. Оно становится движением, притом движением из возможности в действительность, как его понимает Аристотель. Для всей классической метафизики без преувеличения можно сказать, что внутренняя динамика присутствия является в буквальном смысле этого слова возможностью обрести истинное знание о себе самом. *Δύναμις* как возможность, или, лучше, способность есть именно способность человека иметь истинное знание о себе самом.

Для полной ясности следует отметить: то, что Хайдеггер называет вот-бытием, не равнозначно субъекту. Более всего для характеристики вот-бытия подходит присутствие, что и попытался отметить

русский переводчик Хайдеггера В.В. Бибихин. Безусловно, в этом есть определённый смысл, но в таком случае нивелируется различие между вот-бытием и сознанием. Это различие нельзя преувеличивать. Хайдеггер говорит, что сознание укоренено в вот-бытии. Укоренено как? – В качестве присутствия. Можно сказать так, что сознание относится к вот-бытию как вид к роду. Если мы говорим «сознание», то предположительно говорим о некоем отношении в вот-бытии, о присутствии вот-бытия к миру. Как очевидно, Хайдеггер разрывает классический термин *Dasein* (*Da-sein*) с тем, чтобы превратить *sein* в «быть снаружи», а «быть снаружи» в присутствие, экстатику экзистенции.

Эту эк-статику Хайдеггер передаёт как структуру вот-бытия в-мире – заботу. Полное имя заботы «вперёд-себя-уже-бытия-в-мире»: «Бытие присутствия означает: вперёд-себя-уже-бытия-в-(мире) как бытие-при (внутри-мирно встречном сущем)». И здесь же Хайдеггер поясняет: «Этим бытием заполняется значение титула забота, употребляемого чисто онтологически-экзистенциально» [4, 192]. Это структура, опережающая бытие присутствия в мире. В этом смысле она является экзистенциально-априорной: «Забота как исходная структурная целостность лежит экзистенциально-априорно “до” всякого присутствия, т.е. всегда уже *во* всяком фактичном “поведении” и “положении” такового» [4, 193]. Забота названа экзистенциально-априорной структурой, что означает: она набрасывает наличное бытие вот-бытия, то есть определяет его экзистенциальный аспект, ведь «“сущность” присутствия лежит в его экзистенции» [4, 42]. Таким образом, забота определяет сферу экзистенциального отношения присутствия к своему бытию, или сферу его экзистенциального участия в собственном бытии, что, собственно, и является основанием фактичного поведения.

Иными словами, знание человека о себе самом определяется прежде всего из экзистенции присутствия, а наличное бытие экзистенции формируется заботой. Если мы говорим о сознании как присутствию к знанию, то это знание имеет экзистенциальный смысл заботы и проявляется в фактичном поведении человека как его умение ориентироваться в мире повседневных вещей и смыслов. Такое умение ориентироваться предполагает также способность различения, а последняя является трансцендентальной способностью.

Латинская приставка “trans” указывает на преодоление препятствия, переход через, перешагивание, перепрыгивание и т.д. Опыт сознания включает в себя определённое умение – преодоление чего-то, что препятствует сознанию присутствовать по отношению к знанию. Что это за препятствие? Очевидно, что это препятствие имеет не экзистенциальный смысл, ибо экзистенциально-априорно знание определяется из заботы. Забота же, как показывает А.Г. Черняков, как трансцендентальная структура вот-бытия в мире, является трансцендентальным субъектом [6, 19].

Наверное, можно здесь обойтись и без термина «трансцендентальный», как, например, делает В.И. Молчанов. Он предпочитает говорить о сознании как «опыте различия» и указывает на то, что «различение составляет сущность восприятия и неотделимо от него (эта неотделимость опять-таки дана в опыте различия). Видеть, слышать, ощущать запах, ощупывать, испытывать вкусовые ощущения означает прежде всего различать. Осознавать нечто, не различая, невозможно» [3, 61]. Безусловно, это так, но осознание даёт результат различения, осознание здесь является рефлексией. То, что мы называем трансцендентальной структурой, Молчанов называет первичным опытом сознания, или первичным опытом различия. Это

слово «первичный» как раз и скрывает то, о чём Молчанов умалчивает: ведь «первичный» имеет смысл только как структура, укоренённая в вот-бытии. Такая структура явно носит трансцендентальный характер.

Другими словами, речь здесь вообще не должна идти о том, существует или нет такая особая инстанция или способность, называемая нами трансцендентальной. Речь должна идти о том, что опыт различия имеет смысл как опыт только в том случае, если он как-то соотносится с экзистенцией, а точнее, если он сам является экзистенцией. Но если он сам является экзистенцией, тогда тем более, он – это бытие, с которым прямо и первично соотносится присутствие. Очень примечательно следующее замечание: «...Различие абсолютно, а тождество всегда относительно. Лишь социальный опыт, где доминирует идентификация, принуждает нас зачастую «видеть» тождественное, однако опыт сознания сопротивляется этому» [3, 61]. Это замечание интересно прежде всего тем, что здесь противопоставляется социальный опыт экзистенциальному опыту. Социальный опыт основывается на идентификации и тождестве, а экзистенциальный, или опыт сознания, на абсолютном различии.

Значит ли это, что препятствие носит социальный характер? Такой вопрос напрашивается сам собой, если мы противопоставляем экзистенциальный опыт (опыт сознания) социальному опыту. Мы полагаем, что социальное во все не препятствие, но граница, предел экзистенциального опыта, совершенно необходимые для его самосохранения. Социальное устанавливает предел рефлексии, но в то же время обращает сознание к самому себе, а обращённость сознания к самому себе уже есть возможность рефлексии.

Мы знаем, что социальная жизнь часто требует вовсе не рефлексии, а автоматизма, навыка, привычки. Социальное в этом пла-

не напоминает скорее природное, но в культурной форме взаимодействия. С другой стороны, бегство от социального предполагает рефлексивную жизнь сознания, которая в свою очередь требует отшельничества, замкнутости, одиночества. С точки зрения тех, кто живёт социальной жизнью, отшельничество, конечно, асоциально, порою – опасно. Напряжение между социальным и экзистенциальным может понижаться и повышаться и достигать наивысшего накала там, где социальное начинает трактоваться как общественное, коллективное, а экзистенциальное – индивидуальное, эгоистичное, замкнутое в себе. На самом деле социальное полностью противоположно коллективному и общественному. Более того, оно создаётся экзистенциальным опытом, оно результат различения природного и, собственно, экзистенциального, сознательного, принадлежащего человеческому роду. Социальное, как сказано выше, граница, предел экзистенциального опыта. Сознание преодолевает эту границу, перешагивает как препятствие с тем, чтобы вернуться к самому себе. Оно трансцендирует к самому себе, но при этом оно никуда не выходит за пределы самого себя (если, конечно, не охвачено мистическим порывом). Само сознание есть трансцендентальный субъект, которому нет необходимости покидать пространство своей открытости.

Трансцендентальный субъект – это тождество, открытое позиции, где позиция – момент отношения его к самому себе. Это тот момент, который является присутствием сознания по отношению к себе. Сознание различает первичным способом отношения к себе. Сознание – это всегда и самосознание. Поэтому противопоставление тождества различию бьёт мимо цели. Коль скоро есть тождество, то это тождество, которое соотносится со своей позицией, а если есть позиция, то это позиция тождества. Иными словами, сознание разли-

чает и не так, что различает, испытывая вкусовые ощущения, запахи и пр., а радикально, начиная с того, что оно есть присутствие по отношению к себе. Но это присутствие нерелективно. Для того чтобы оно стало релективным, сознание должно действительно воспринимать. При этом всякое восприятие уже должно быть моим, а не просто безымянным восприятием. А для этого необходимо, чтобы априори существовало сознание себя, а сознание себя предполагает позицию по отношению к себе, то есть позицию по отношению к тождеству. Именно в этом и состоит основной смысл трансцендентального сознания. А отсюда мы вполне можем заключать о том, что сознание, как присутствие по отношению к знанию о себе самом, изначально трансцендентально.

То, что сознание изначально трансцендентально и априори есть сознание себя, не означает, что позиция сознания до всякой рефлексии известна ему как Я. Таковой позиция становится только по мере развёртывания поля рефлексии, по мере того, как жизнь сознания наполняется конкретным содержанием. Я как таковое входит в жизнь сознания постепенно, пока не захватывает его целиком. Но Я – это только эмпирический образ трансцендентального сознания. Оно знает себя как Я из эмпирического Я, которое и является позицией тождества.

Когда мы говорим, что трансцендентальный субъект – это тождество, открытое позиции, то позиция в конечном итоге является эмпирическим Я, а тождество является единством сознания и самосознания. Они различаются трансцендентально, а не эмпирически. Трансцендентальное различие более фундаментально, чем эмпирическое различие. Это тождество, различающееся в себе самом, а поэтому мы и называем его тождеством. Но сказать о нём, что оно первично или вторично – невозможно. Сам смысл здесь таков, что он различается в себе самом, а,

различаясь, совпадает с самим собой, тождествен самому себе.

Таким образом, становится яснее и смысл социального, как находящегося за пределами тождества. Если тождество различается в себе самом и потому имеет смысл тождества, то социальное различается со стороны тождества как то, для чего тождество закрыто. Однако всякая закрытость предполагает открытость. То, для чего тождество закрыто, есть одновременно то, чему тождество открыто. Если “чему” является позицией, эмпирическим Я, то это эмпирическое Я не существует в изоляции от других эмпирических Я. Значит, в итоге тождество, трансцендентальный субъект оказывается открытым бытию с другими. Но бытию с другими как трансцендентальными субъектами или эмпирическими Я?

Ответ здесь должен быть простым. Трансцендентальный субъект открыт бытию с другими в качестве эмпирического Я, но не трансцендентального Я. Отождествление трансцендентального субъекта с его позицией в мире эмпирических субъектов приводит к недоразумениям. В результате, например, в феноменологии Гуссерля, возникает даже какой-то страх перед солипсизмом и он спрашивает: «Если я, как размышляющее Я, редуцирую себя посредством феноменологического *epoché* к своему абсолютному трансцендентальному *ego*, то не становлюсь ли я после этого неким *solus ipse* и не остаюсь ли таковым до тех пор, пока под знаком феноменологии занимаюсь последовательным самоистолкованием?» [1, 182]. Безусловно, трансцендентальный опыт (феноменологическая редукция), посредством которого я прихожу к выводу о том, что являюсь трансцендентальным субъектом, ставит передо мною вопрос: существуют ли другие трансцендентальные субъекты? Поэтому Гуссерль вновь спрашивает: «...Как я из моего абсолютного *ego* могу выйти к другим *ego*, которые не существуют во мне

как действительные «другие», но как таковые лишь интенционально осознаются во мне?» [1, 183].

Представляется, что эти вопросы возникли только потому, что было осуществлено феноменологическое *έποχή*. После его осуществления я, возвратившись в поле эмпирической субъективности, спрашиваю: а другой Я тоже трансцендентальное его? Пожалуй, за этим вопросом не стоит ничего, кроме любопытства. Конечно, я могу потребовать от других совершения феноменологического *έποχή*, чтобы они убедились в существовании своего трансцендентального его, но это требование может быть рассчитано только на тех, кто согласен совершить такой трансцендентальный опыт. Очевидно, что таких найдётся не очень много. Поэтому остаётся только «аппрезентация» (аналогизирующая апперцепция), вчувствование, когда я убеждаюсь в существовании других трансцендентальных его. При этом трансцендентальное его другого не дано мне непосредственно, о его существовании я заключаю на основании того, что воспринимаю его психофизическую структуру. Но мне дана непосредственно только её телесная сторона, психическая же сторона открывается мною по аналогии с самим собой. Совершая такое открытие, я, по мнению Гуссерля, преодолеваю солипсизм.

Возникает вопрос: следует ли сводить всё к проблеме преодоления солипсизма? Не заслоняет ли эта проблема другой, более важной? Для того чтобы уловить суть этой проблемы, необходимо констатировать, что «преодоление солипсизма» автоматически не конституирует мир другого трансцендентального субъекта и мир трансцендентальной intersубъективности. Во-вторых, очевидно, что трансцендентальность – не качество сознания, а оно *само* в данности своей психической структуры. В существовании этой структуры действительно можно убедиться посредством феномено-

логического эпохе, а затем помыслить по аналогии другое трансцендентальное Я. Однако всё это нисколько не ведёт к утверждению трансцендентальной intersубъективности. Гуссерль, скорее, создаёт некий идеальный субстрат для возможного intersубъективного мира. В этой связи А. Шютц иронично замечает: «Я более эмпатизирую с отдалённым пространственно и временно философом, нежели с моим соседом в метро, который дан мне непосредственно телесно (*leibhaftig*), но в качестве чужого (*Fremder*)» [7, 81].

Отсюда Шютц делает вывод, что солипсизм Гуссерлем не преодолевается, а, наоборот, акцент на нём ещё больше заостряется. Чтобы не акцентировать на нём внимание, необходимо, чтобы intersубъективный мир (как мир трансцендентальной коммуникации) конституировался объективно в трансцендентальном сознании каждого. Для этого, в свою очередь, не надо искусственно сдерживать обыденную intersубъективность при помощи редукции. Иными словами, если Гуссерль стремится достичь трансцендентальной intersубъективности в сообществе монад, то не надо искусственно мешать её объективации.

Другой момент, на который обращает внимание Шютц в своей полемике с Е. Финком по поводу публикации «Проблемы трансцендентальной intersубъективности у Гуссерля», связан со смертью Другого как трансцендентального субъекта. Гуссерль допускал, говорит Шютц, в частной беседе с ним (Шютцем), что трансцендентальный субъект не может умереть. В связи с этим он ставит вопросы: «Но как насчёт трансцендентальной субъективности Другого и как насчёт трансцендентальной intersубъективности, которая связывает мой трансцендентальный субъект с его трансцендентальным субъектом, когда он – Другой – умирает? Разве одно только это соображение не опровергает возможность многообразия трансцен-

дентальных субъектов?» [7, 92]. Эти вопросы, как нельзя кстати, обращают внимание на то, о чём говорилось выше: *трансцендентальный субъект открыт бытию с другими в качестве эмпирического Я, но не трансцендентального Я*.

Если следовать этому тезису, то становится ясно, что трансцендентальная intersубъективность не может конституироваться иначе, как только в качестве идеала обыденной intersубъективности. С другой стороны, едва речь заходит о множестве трансцендентальных субъектов, имплицитно высказывается требование феноменологической редукции для других эмпирических субъектов. В противном случае возникает необходимость констатировать факт бытия трансцендентального субъекта в качестве единого основания для множества эмпирических субъектов. И это основание почему-то маскируется под трансцендентальную intersубъективность. Потом оказывается, что её-то как раз и невозможно достичь из-за «эгоистичных» устремлений членов общества.

Эта многослойность, конечно, возникает не случайно. Сознание – это всегда трансцендентальное сознание. Мы никогда, правда, в обыденном словоупотреблении не говорим о нём как о трансцендентальном. Феноменолог, описывая сознание, достигает понимания того, что, если сознание различает, то эта способность свидетельствует о том, что оно по своей сути трансцендентально. И здесь возникает вопрос: возможно ли достичь аподиктической данности этого сознания? Феноменология Гуссерля даёт положительный ответ на этот вопрос. А возможно ли достичь аподиктической данности других трансцендентальных сознаний? И здесь Гуссерль склонен дать положительный ответ при условии, что эти Другие будут включены в трансцендентальное сообщество. Эта включённость в трансцендентальное сообщество требует, с одной стороны, феноменологи-

ческой редукции для других, а, с другой, достаточным оказывается и одной редукции, чтобы на основании аппрезентации прийти к выводу о существовании трансцендентального сообщества. Получается в итоге, что достаточно одного трансцендентального субъекта для вывода о существовании множества трансцендентальных субъектов (сознаний). Отсюда становится возможным говорить о трансцендентальном сообществе или трансцендентальной интерсубъективности как об одном трансцендентальном субъекте. Во всяком случае, именно так выглядит внутренняя логика рассуждения Гуссерля.

Иначе просто невозможно объяснить его слова о невозможности смерти трансцендентального субъекта. Они прямо говорят о единственном числе трансцендентального субъекта, которым, по сути,

является трансцендентальное сообщество.

Определяя трансцендентальный субъект как тождество, открытое позиции, мы указали, что позиция – это момент отношения тождества к самому себе. Позиция – это эмпирическое Я, которое открыто социальному, то есть связям и взаимодействиям с другими эмпирическими Я. Что касается тождества, то оно закрыто для социального. Эта закрытость означает, что трансцендентальный субъект недоступен социальному опыту. Сознание знает себя как трансцендентальное не на основе социального опыта, а на основе собственного опыта, который оно может получить, исследуя свою психическую природу.

Именно здесь таится источник того «недоразумения», с которым мы сталкиваемся у Гуссерля, когда оказывается, что трансцендентальный субъект один, а множество

монад составляют трансцендентальное сообщество, то есть трансцендентального субъекта. Истина состоит в том, что трансцендентальный субъект действительно один. О нём нельзя говорить во множественном числе, не нарушая самого *говорения* о сознании, то есть, не навязывая языковому опыту сознания чуждые ему интенции. Присутствие в виду знания о себе самом исключает других, но если присутствие означает эк-статическую экзистенцию, а эк-статика по своему смыслу есть открытость миру и бытию с другими, то знание присутствия о себе самом обусловлено социальным не в меньшей мере, чем трансцендентальным. Однако нельзя смешивать одно с другим. Такой соблазн существует. Мы это видим на примере Гуссерля, пытавшегося превратить феноменологическое исследование сознания в парадигму социального опыта.

Литература:

1. Гуссерль Э. Картезианские размышления. – СПб., 2001.
2. Лакан Ж. Стадия зеркала как образующая функцию Я, какой она открылась нам в психоаналитическом опыте // Мазин В. Стадия зеркала Жака Лакана. – СПб., 2005.
3. Молчанов В.И. Радичение и опыт: феноменология неагрессивного сознания. – М., 2004.
4. Хайдеггер М. Бытие и время. – М., 1997.
5. Хайдеггер М. Семинар в Церингене // Исследования по феноменологии и философской герменевтике. – Минск, 2001.
6. Черняков А.Г. Онтология времени. Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля и Хайдеггера. – СПб., 2001.
7. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира. – М., 2003.

Е.П. ТАРЕЛКИН, д-р техн. наук декан факультета геодезии и кадастра НОИР, председатель комиссии по образованию, повышению квалификации и оценке специалистов Национального объединения изыскателей, директор СРО НП «Изыскатели Санкт-Петербурга и Северо-Запада», e-mail: ept24855@yandex.ru

E. Tarelkin, Dr technical. Sciences Dean of the faculty of geodesy and cadastre NOIR, Chairman of the Committee on education, training and assessment specialists National Association of surveyors, Director of SRO NP «Surveyors of St. Petersburg and North-West»

М.И. ПОТЕЕВ, кандидат технических наук, профессор НОИР г. Санкт-Петербург, e-mail: mipoteev@gmail.com

M. Poteev, candidate of technical. Sciences. Professor NOIR, St. Petersburg

А.В. БЕРЕЖКОВ, магистрант Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики, г. Санкт-Петербург, e-mail: dead0343@gmail.com

A. Berezhkov, graduate of the St. Petersburg national research University of information technologies, mechanics and optics, St. Petersburg

Информационно-образовательная среда системы дополнительного образования и аттестации специалистов в сфере инженерных изысканий The information-educational environment of the system of additional education and certification of professionals in the field of engineering surveys

Аннотация: Авторы рассматривают возможности использования дистанционных технологий обучения при повышении квалификации и переподготовке специалистов в области геодезии и кадастров.

Abstract: The authors consider the possibility of using distance learning technologies in the training and certification of specialists in the field of geodesy and inventories.

Ключевые слова: инженерные изыскания, геодезия, кадастры, дополнительное образование, дистанционные технологии обучения.

Keywords: engineering surveying, geodesy, cadastre, additional education, distance learning technologies.

Современное состояние и перспективы развития инженерных изысканий [2] требуют формирования системы дополнительного образования и аттестации специалистов отрасли. Речь идет о решении следующих задач:

1) создание системы дополнительного профессионального образования, обеспечивающей повышение квалификации, переподготовку и аттестацию специалистов;

2) формирование экспертного совета по оценке и аттестации специалистов, оценке и сертификации профессиональных квалификаций, профессионально-общественной

аккредитации образовательных программ;

3) создание системы выдачи саморегулируемыми организациями свидетельств о допуске к работам по инженерным изысканиям, оказывающим влияние на безопасность особо опасных и технически сложных объектов капитального строительства (кроме объектов использования атомной энергии);

4) формирование научно-методического совета, координирующего деятельность образовательных учреждений высшего и среднего профессионального образования;

5) разработка, утверждение и

применение профессиональных стандартов;

6) формирование обратных связей между управлением образовательным процессом в системах высшего, среднего и дополнительного образования и работой по оптимизации профессиональных качеств персонала изыскательских организаций (то есть связей между образовательными учреждениями высшего, среднего и дополнительного профессионального образования с одной стороны и профессиональным сообществом изыскателей с другой).

Решение этих задач невозможно без создания единого информационного образовательного про-

странства. Одним из его основных элементов должна стать автоматизированная система управления информационно-образовательной средой (АСУ ИОС) системы дополнительного образования и аттестации специалистов в сфере инженерных изысканий. Сформулируем методические, организационные и технологические основы формирования такой АСУ ИОС.

Методическое обеспечение системы дополнительного образования и аттестации специалистов, составляющее основу её информационно-образовательной среды, предполагает наличие так называемых учебно-методических комплексов (УМК) по каждой преподаваемой учебной дисциплине. Так как речь идёт о дополнительном профессиональном образовании и аттестации уже работающих специалистов, то в современных условиях это должны быть электронные УМК (ЭУМК). Каждый такой комплекс представляет собой, в самом общем случае, совокупность следующих элементов:

- учебная программа дисциплины;
- учебник и его электронная версия;
- учебные пособия и их электронные версии;
- учебно-методические пособия и их электронные версии;
- раздаточные материалы;
- демонстрационные материалы;
- конспект теоретического материала;
- компьютерные презентации к лекциям;
- листы опорных сигналов;
- хрестоматия;
- практикум и виртуальные приложения к нему;
- перечни рекомендованных источников информации;
- диагностические материалы для промежуточной аттестации;
- диагностические материалы для итоговой аттестации;
- руководство по самостоятельной работе;
- рекомендации по методике преподавания.

Что касается информационно-образовательной среды в целом, то в её состав должны, в частности, входить:

- учебные планы по повышению квалификации и переподготовке специалистов;
- программы научно-методических семинаров;
- каталоги (электронные) учебной, научной и справочной литературы в области инженерных изысканий;
- электронные каталоги и электронные библиотеки нормативных документов;
- руководства по практикам, деловым играм и выпускным квалификационным работам.

В основу разработки учебных программ должны быть положены принципы модульности, индивидуализации, вариативности, уникальности и адаптивности [1]. В частности, принцип *модульности* означает, что каждая программа обучения должна содержать взаимосвязанные модули (части) для различных уровней погружения – начального, базового и углублённого. Принципы *индивидуализации* и *вариативности* выражаются в том, что для различных категорий слушателей могут существовать разные аспекты изучения тем в рамках их должностных обязанностей. Принцип *уникальности* означает, что содержание программ учебных модулей не должно перекрываться по уровням как внутри одной темы, так и между темами. Наконец, принцип *адаптивности* состоит в том, что в архитектуре АСУ ИОС должен существовать механизм отбора необходимой последовательности учебных модулей, позволяющий решить проблему достижения необходимого набора знаний и умений для выбранной категории обучающихся.

АСУ ИОС должна обеспечивать возможность подготовки всех учебно-методических материалов, их корректировки, обновления, поиска и копирования.

Когда информационно-образовательная среда будет до-

статочно развита, её автоматизированная система управления должна будет обеспечивать взаимодействие пользователей среды в дистанционном режиме. Причём это касается не только получения информации пользователями, но и диагностики их образовательных достижений. Но это больше относится не к методическому обеспечению, а к организационной составляющей.

Информационно-образовательная среда должна (в перспективе) позволить создать отраслевое учреждение, реализующее учебные программы основного и дополнительного профессионального образования по типу Института развития карьеры, функционирующего уже несколько десятилетий в одной из американских транснациональных корпораций [5].

Задачи, решаемые в рамках АСУ ИОС:

- 1) регистрация и статистический анализ показателей усвоения учебного материала (определение времени решения задач, общего числа ошибок и т.д.);
- 2) проверка уровня знаний, умений и навыков учащихся до и после обучения, их индивидуальных способностей и мотиваций;
- 3) подготовка и предъявление учебного материала, адаптация материала по уровням сложности, подготовка динамических иллюстраций, контрольных заданий, лабораторных и самостоятельных работ;
- 4) администрирование системы, доставка учебного материала на рабочие станции и обратная связь с обучающимися.

Для выполнения таких задач ресурс должен отвечать следующим требованиям:

- 1) в системе АСУ ИОС может обучаться любой зарегистрированный пользователь;
- 2) создавать учебные курсы может любой пользователь системы;
- 3) публикация курсов возможна только после их модерации администрацией ресурса;
- 4) система должна быть доступна в Интернете;

5) АСУ ИОС должна иметь интерфейс программирования приложений, или API (application programming interface – набор готовых классов, функций, структур и констант, предоставляемых приложением, библиотекой или сервисом для использования во внешних программных продуктах), доступ к данным из библиотеки, курсам и др.;

6) система должна иметь возможность быть реализованной в машиночитаемом формате;

7) АСУ ИОС должна иметь стандартизированные инструментальные средства разработки учебных материалов, тестов и пр.

Подобные системы разрабатываются в соответствии со стандартами, распространенными в сфере электронного обучения. В настоящее время наиболее широкое распространение получила эталонная модель для обмена учебными материалами SCORM (*Sharable Content Object Reference Model*) – сборник спецификаций и стандартов, разработанный для систем дистанционного обучения [3, 4]. SCORM содержит требования к организации учебного материала и ко всей системе дистанционного обучения, позволяет обеспечить совместимость компонентов и возможность их многократного использования (когда учебный материал представлен отдельными небольшими блоками, которые могут включаться в разные учебные курсы и использоваться системой дистанционного обучения независимо от того, кем, где и с помощью каких средств они были созданы). Данная модель основана на стандарте XML (*eXtensible Markup Language* – расширяемый язык разметки).

Эталонная модель SCORM состоит из трех основных частей:

1) введения, или обзорной части;

2) описания структуры учебных блоков и пакетов учебного материала (CAM – Content Aggregation Model);

3) описания среды выполнения программ.

В первой части описываются стандарты организации ADL (Advanced Distributed Learning, США), разработавшей SCORM, и дается логическое обоснование создания данной модели. Вторая содержит практические советы по выявлению ресурсов и их преобразованию в структурированный учебный материал. В последней части даются практические советы по осуществлению связи с веб-средой и отслеживанию её содержания.

В идеальной ситуации любую соответствующую стандарту обучающую компьютерную программу можно ввести в имеющуюся систему организации обучения (виртуальную среду) – и между ними будет возможен обмен данными.

Благодаря тому, что SCORM определяет структуру учебных материалов и интерфейс среды выполнения программ, эти материалы могут быть использованы в различных системах электронного дистанционного образования. Разработчиками этой модели были сформулированы требования ко всем системам, которые будут разрабатываться в соответствии с ней. Перечислим основные из них:

1) *доступность* – обеспечение удалённого доступа к учебным компонентам и возможности обмена ими;

2) *адаптируемость* – обеспечение возможности адаптации учебной программы согласно потребностям индивидуальных пользователей и организаций;

3) *эффективность* – увеличе-

ние эффективности и производительности образовательного процесса при сокращении времени и затрат на доставку материалов;

4) *долговечность* – способность соответствовать новым технологиям без дополнительной и дорогостоящей доработки;

5) *интероперабельность* – обеспечение возможности использования учебных материалов вне зависимости от платформы, на которой они созданы;

6) *возможность многократного использования* материалов в разных приложениях и контекстах.

Образовательный контент в SCORM понимается как небольшие образовательные объекты, собранные в курсы, главы, модули, задания и т.п. Эти единицы содержания, собранные из более мелких образовательных объектов, могут быть использованы многократно в разных контекстах. Другими словами, однажды разработанный курс (например, «Спутниковые системы и технологии позиционирования») может быть использован в любом другом курсе (например, в образовательной программе «Геодезия и дистанционное зондирование»).

Создание автоматизированной системы управления информационно-образовательной средой в сфере дополнительного образования и аттестации специалистов по инженерным изысканиям будет способствовать развитию профессионального обучения в отрасли. АСУ ИОС позволит решить ряд задач по переподготовке, повышению квалификации и аттестации, содействуя созданию единого открытого образовательного пространства и непрерывности образования изыскателя на протяжении всей его карьеры.

Литература:

1. Васильев В.Н., Лисицина Л.С., Лямин А.В. Методический интернет-центр. СПб.: Питер, 2005. 96 с.
2. Захаров М.С., Тарелкин Е.П. Камо грядеши? // Вестник строительного комплекса. 2012. № 2. С. 26–28.
3. Стандарт SCORM и его применение: электронный ресурс. Компьютерный центр НИУ ИТМО, 2013. <http://cccp.ifmo.ru/scorm/>.
4. Sharable content object reference model (SCORM®). 2-d edition overview. Advanced distributed learning (ADL), 2004. http://www.eife-l.org/publications/standards/elearning-standard/scormoverview/english_release.
5. Yeager D.M. Educational recordkeeping at a large corporation: the NCR System // Educational Technology. 1983. V. 23. № 10. P. 23–35.

Г.В.ГИОЕВ, кан. воен. наук, доцент НОИР

А.В.КАЗАКОВ, кан. ист. наук, доцент

G.Gioev, candidate of the military science, associate Professor NOIR

A.Kazakov, candidate of East science, associate Professor

Истоки научного управления в трудах Ф. и Л. Джилбрет The origins of scientific management in the works F. and L. Gilbert

Аннотация: Авторы представляют обзор наиболее известных трудов супругов Фрэнка и Лиллиан Джилбрет, по праву считающихся одними из основателей производственного менеджмента и внедрению научной организации труда на производстве.

Abstract: The authors present an overview of the most famous works of spouses Frank Bunker and Lillian Moller Gilbreth, considered one of the founders of production management and implementation of the scientific organization of labor in production.

Ключевые слова: менеджмент, хронометраж, производительность труда, усталость, эффективность, стимул, трудовые движения, стандартизация, оптимизация.

Key words: management, timing, performance, fatigue, efficiency, incentive, labor movement, standardization, optimization.

Один из основоположников научного менеджмента Фрэнк Джилбрет считал, что «в мире нет больших потерь, чем потери от бесполезных, плохо скоординированных и непродуманных движений».

Фрэнк Банкер Джилбрет родился в Фэйрфилде, штат Мэн, в 1868 г. От отца, торговца скобяными изделиями, он унаследовал высокую работоспособность и бережливость, характерные для пуритан Новой Англии. Отец умер, когда Джилбрету было всего три года. Рано овдовевшая мать перевезла семью в Эндوفر, штат Массачусетс. А в 1878 г. они переехали в Бостон, где Джилбрет стал посещать сначала Rice Grammar School, затем English High School, где подготовился к поступлению в Массачусетский технологический институт (Massachusetts Institute of Technology). Несмотря на то, что юноша успешно сдал вступительные экзамены в институт, он принял неожиданное решение оставить учебу и поступил на работу учени-

ком каменщика. В течение десяти лет с 1885 по 1895 г. Джилбрет работал в Whidden Construction Company, проделав путь от ученика до мастера и, наконец, до главного инженера-смотрителя (chief superintendent), которым он стал в возрасте 27 лет. В этот период он впервые приступил к изучению трудовых движений и к разработке усовершенствованного строительного оборудования, например специального помоста, облегчающего процесс кладки кирпича.

В апреле 1895 г. Джилбрет, ставший к этому времени членом Американского общества инженеров-механиков, ушёл из Whidden и основал собственную компанию, которая специализировалась на создании тогда ещё непривычных железобетонных конструкций. Подобно Тейлору Джилбрет обладал явным талантом изобретателя и уже в 90-е годы стал патентовать свои многочисленные изобретения, среди которых были бетономешалки, конвейеры и арматурные стержни.

Его компания процветала, и вскоре она расширила территорию своей деятельности на всю Америку от Монреаля до Луизианы и от штата Мэн до Калифорнии. Он стал заключать контракты и с европейцами и через какое-то время открыл представительство своей компании в Лондоне. Изменился и характер работ: если прежде компания занималась главным образом строительством водонепроницаемых подвалов, то теперь она возводила не только дома, заводы и фабрики, но и такие инженерные сооружения, как дамбы и каналы.

В Вудленде, штат Мэн, Джилбрет занимался строительством целого городка. Столь широкий размах деятельности и насущная необходимость передачи управления рядом проектов в другие руки подтолкнули его к стандартизации отчётных и рабочих процедур, чему и были посвящены первые две его книги «Field System» («Система наблюдения») и «Concrete System» («Практическая система»), увидевшие свет в 1908 г. За ними

последовала книга «Bricklaying System» («Система кладки кирпича») (1909), с которой Джилбрет приступил к системному изучению трудовых движений. Он определил предмет своей книги следующим образом:

«Изучение трудовых движений, предпринятое в настоящей работе, ... позволит снизить производственные издержки и повысить эффективность работы и соответственно заработную плату работника... Для того, чтобы гарантировать успех работы: (а) ремесленник должен владеть своей специальностью; (б) он должен быть достаточно проворным и (в) для достижения требуемого результата он должен использовать минимальное число трудовых движений» [1].

После длительного изучения работы каменщиков Джилбрет решил, что на кирпичной кладке в среднем осуществляется тринадцать лишних движений. Ему удалось сократить количество движений с 18 до 5 и увеличить часовую производительность каменщика до 350 кирпичей вместо 120 при прежней работе. Такой рост производительности был достигнут не только за счёт упрощения движений, но также благодаря продуманной организации рабочего места, специальной усовершенствованной конструкции лесов, применению облегчающих работу инструментов и приспособлений [2].

Он представил свой метод кладки кирпича при помощи диаграмм, иллюстрирующих «худший» и «лучший» методы работы. Он хотел, чтобы будущие каменщики осваивали свою специальность не только практическим образом, а путём изучения «лучших» методов работы, что позволило бы сократить период их обучения и сделало бы их труд более квалифицированным.

Хотя Джилбрет работал совершенно независимо от Тейлора, который считается основоположник научной организации труда и менеджмента, многие аспекты их изысканий практически совпа-

дали. Джилбрет работал в строительстве, а не в машиностроении, и потому его больше интересовало изучение трудовых движений, а не хронометраж, однако он, так же как и Тейлор, стремился к стандартизации, системному анализу рабочего процесса и ко всемерному повышению эффективности труда. Джилбрет не мог не знать о работах Тейлора; во всяком случае, к моменту их встречи, которая состоялась в 1907 г., он уже был знаком с работой Тейлора Shop Management и являлся активным сторонником его системы.

Явное влияние Тейлора чувствуется и в первой значительной книге Джилбрета «Motion Study» («Изучение движений») (1911), где он рассматривает уже не кладку стен и строительство, а работу вообще. Джилбрет начинает со ссылки на утрату естественных ресурсов, и, прежде всего, земли, в результате процесса эрозии и затем говорит о том, что эта ужасная убыль – ничто по сравнению с потерями человеческой производительности, обусловленными избыточными трудовыми движениями. Он описывает эту ситуацию так:

«Возможна чрезвычайная экономия любого труда – не только для одного какого-то класса работ, не только в торговле и промышленности, но и в конторах, школах, колледжах, магазинах, домашних хозяйствах и фермах. Возможные выгоды изучения трудовых движений в промышленности особенно впечатляют, поскольку ошибки в работе свойственны всем её отраслям... Ниже представлены её этапы:

1. Письменное обобщение существующей и наилучших достижений практики.

2. Исчисление количества применяемых трудовых движений.

3. Определение параметров, имеющих отношение к каждому из этих движений» [1].

Джилбрет определил пятнадцать «параметров работника», к которым относились его анатомические особенности, убеждения,

опыт, образ жизни, квалификация, темперамент и подготовка. Им были определены также 14 «параметров окружающей среды, оборудования и инструментов», среди которых были освещение, отопление, вентиляция, цвет стен и т.д. И, наконец, он ввёл 13 «параметров движения», к которым относились ускорение, автоматизм, инерция и момент её преодоления, направление и эффективность.

В своих исследованиях Джилбрет обращал особое внимание на фактор усталости. Исследованием этого направления он занимался совместно с женой – Лилиан Моллер Джилбрет, известным специалистом в области теории управления.

В начале 1900-х годов супруги Джилбрет начали изучать рабочие операции, используя кинокамеру в сочетании с микрохронометром (микрохронометр – это часы, которые изобрёл Фрэнк и которые могли фиксировать интервалы, продолжительностью до 1/2000 секунды). С помощью стоп-кадров Джилбреты смогли выявить и описать 17 базовых движений кисти руки, таких как «выбрать», «взять», «найти» и так далее, каждое из которых они назвали словом «therblig» (терблидж) (производное от Gilbreth, получаемое от прочтения их фамилии наоборот) [3]. При помощи «терблидж-диаграммы», т.е. поэлементной диаграммы, Джилбреты могли анализировать любую конкретную рабочую операцию.

Написанные Джилбретом широко известные книги «Изучение движений» и «Азбука научной организации труда» были изданы в Советском Союзе в 1924-1931 гг.

Лилиан Моллер, будущая жена Фрэнка Джилбрета, родилась в Окленде, штат Калифорния, в 1878 г. Её отец был преуспевающим промышленником, занимавшимся производством рафинированного сахара. Обладая замечательными академическими талантами, она смогла преодолеть господствовавшие в обществе предрассудки и

получить степени бакалавра и магистра в Калифорнийском университете. Получив степень магистра, Лилиан тут же приступила к написанию докторской диссертации.

Однако во время своей поездки по восточным штатам она познакомилась с Ф. Джилбретом и в 1904 г. вышла за него замуж. После замужества она решила изменить сферу своих исследований и заняться психологией (до этого она занималась английским языком и литературой), справедливо полагая, что эта дисциплина будет больше соответствовать профессиональным интересам её супруга.

С начала 90-х и по 1924 г., ставшим последним годом жизни Ф. Джилбрета, они составляли не только замечательную семейную пару (у них было 12 детей), но и успешный профессиональный союз. В 1912 г. Лилиан Моллер Джилбрет закончила написание докторской диссертации и передала её для рассмотрения в Калифорнийский университет. К сожалению, хотя диссертация была принята, одним из условий её защиты было годовое проживание Лилиан в университетском городке до момента утверждения степени. Она наотрез отказалась от этого и включила тезисы своей диссертации в книгу «*The Psychology of Management*» («Психология менеджмента») (1914).

Администрация Калифорнийского университета пересмотрела выдвинутые прежде условия и решила, что Л. Джилбрет может провести этот год в любом университете, поддерживающем изыскания в сфере теории управления или промышленной психологии. Именно в это время в Brown University, находящемся в Провиденсе, штат Род-Айленд, открылась докторантура по прикладному менеджменту, и Л. Джилбрет, проучившись там нужное время, получила в 1915 г. степень доктора.

Л. Джилбрет положила начало области управления, которая теперь называется управление персоналом. Она исследовала такие

вопросы, как подбор, расстановка и подготовка кадров [4].

В 1912 г. Ф. Джилбрет становится консультантом по менеджменту и поступает на работу в компанию New England Butt Company, тесно связанную с Brown University. Вся семья перебирается в Провиденс. Лилиан получает возможность посещать лекции и попутно помогать Фрэнку совершенствовать методы изучения трудовых движений. В том же 1912 г. они публикуют книгу «*Primer of Scientific Management*» («Начальный учебник научного менеджмента»), в которой, к известному неудовольствию Тейлора и его ближайших соратников, представляют широкой публике философию научных методов управления.

Следует заметить, что названные научные методы понимаются ими по-своему: они придают не слишком-то большое значение хронометрированию операций и, что не удивительно, всячески подчёркивают важность изучения трудовых движений. Именно в компании New England Butt, занимавшейся производством кабельных обмоток, они впервые использовали технику, названную ими «изучением микродвижений».

Тейлора не слишком впечатлило «исследование микродвижений», и он критически отнесся к Ф. Джилбрету и его трудам. В действительности идеи Ф. Джилбрета и сопутствовавшие им положения промышленной психологии, представленные Лилиан, выходили за пределы традиционного «научного менеджмента».

В 1920 г. Джилбреты в своей работе «*An Indictment of Stop-Watch Time Study*» («Обвинительный акт исследованию рабочего времени с помощью секундомера»), представленной Тейлоровскому обществу, предприняли завуалированную атаку на Тейлора. Они охарактеризовали хронометрирование операций, как «неэтичную, расточительную и неточную процедуру, использующую сомнительную статистическую методологию

при определении стандартных времён, которая приводит к неточным и бессмысленным результатам». Джилбреты старательно избегали всяческого упоминания имени Тейлора, хотя, разумеется, он был основным адептом хронометрирования операций.

Мало того, они предоставляли его пророком и провидцем и раз за разом пытались уверить читателя в том, что они сами являются не более чем продолжателями его дела, использующими новые техники и методы. Среди этих новых методик была и «*chronocyclograph*» («хроноокулография»), или использование прикрепляемой к кисти, пальцу или руке работника маленькой помигивающей лампочки, последовательные положения которой на киноплёнке представлялись точечными траекториями. Эта техника облегчала задачу установления наиболее эффективных образцов, моделей движений и соответственно способствовала дальнейшему совершенствованию методов их исследования.

Джилбреты также изучали проблему производственной утомляемости, поскольку она имела определённое отношение к предмету занятий Ф. Джилбрета, т.е. к исследованию трудовых движений. В 1916 г. ими была опубликована работа «*Fatigue Study*» («Исследование утомления»), являвшая собою синтез классического научного менеджмента и идей, почерпнутых из производственной психологии. Они определяли её тему следующим образом:

«Любого рода улучшения рабочей аппаратуры или инструмента имеют особое значение для человека, который будет ими пользоваться. При рассмотрении работника, являющегося в данном случае источником активности, мы ясно различаем два элемента, каждый из которых нуждается в оценке. Первый элемент – это сама трудовая активность работника. К этой категории относятся его наблюдаемые и ненаблюдаемые трудовые движения, их смысл и способ

их исполнения. Второй элемент – утомление, или усталость. Под ним понимается продолжительность и характер интервала, или периода, отдыха, потребного для восстановления работником его исходных производственных возможностей. Любой специалист, занимающийся серьезным изучением трудовых движений или анализом соответствующих данных, не может не видеть связи двух этих проблем: проблемы трудовых движений и проблемы утомляемости» [1].

Джилбреты рассматривали отдельно так называемую «избыточную» (являющуюся следствием совершения действий, не являющихся необходимыми) и «необходимую» (т.е. возникающую при выполнении действий, необходимых для достижения поставленной цели) усталость. По их мнению, ключом к минимизации усталости является изучение трудовых движений и внедрение оптимальных методов работы.

Так, «избыточная» усталость (вызванная подъёмом и переноской тяжестей) может быть практически сведена на нет путём рациональной организации рабочего места, «необходимая» же усталость может быть минимизирована благодаря внедрению передовых методов производства и обеспечению потребных для отдыха перерывов в работе. Другими предлагавши-

мися Джилбретами средствами снижения усталости были сокращение продолжительности рабочего дня и введение оплачиваемых отпусков.

Тейлор также осознавал наличие подобных проблем, обусловленных фактором усталости, и был сторонником введения необходимых для отдыха перерывов. Тем не менее, он считал, что при надлежащем материальном стимулировании рабочий может преодолевать усталость и работать с большим напряжением сил. Джилбреты избрали противоположный подход, отказавшись от рассмотрения идеи «человека первого класса» и сделав особый упор на производственной среде, условиях труда, призванных обеспечить поддержание высокого уровня производительности труда.

О различии подходов Тейлора и Джилбретов позволяют судить следующие слова Ф. Джилбрета:

«Оценить успешность решения проблемы усталости может оценка того, насколько больше стало у человека «счастливых минут». Каждый человек стремится к счастью, пусть при этом каждый понимает его по-своему. Избавление от усталости, связанное с желанием беречь жизнь человека и не доводить его до изнурения, должно способствовать увеличению продолжительности этих «счастливых минут», в противном случае мы

не достигнем своей главной цели. Есть ли у вас основания считать, что ваши работники стали счастливее от того, что вы занялись исследованием проблемы усталости? Стали ли они выглядеть счастливее и говорить, что они стали счастливее? Если это так, значит, ваши труды не пропали даром, какими бы ни были при этом финансовые издержки» [1].

Этот подход уже основывался на учете человеческой мотивации, что и было позднее подтверждено результатами Хоторнских экспериментов.

Таким образом, исследования супругов Ф. и Л. Джилбрет шли параллельно с работами Ф. Тейлора и были также связаны с «изучением темпов работы и трудовых движений». Однако, если Тейлор полагал, что «ускорение» производства обеспечивается повышением квалификации работника и его адекватным материальным стимулированием, то Джилбреты считали, что эффективность труда должна обеспечиваться снижением числа излишних движений и снижением усталости за счёт улучшения всех факторов производственной среды: целесообразным устройством рабочего места, способами подачи материалов, созданием необходимых приспособлений, инструментов, инструкций [4] и, тем самым заложили основы современной эргономики.

Литература:

1. Шелдрейк Дж. Теория менеджмента: от тейлоризма до японизации / Пер. с англ. под ред. В.А.Спивака. – СПб: Питер, 2001, – 224 с.
2. Персональный менеджмент: Учебник / С.Д. Резник и др. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2004, 622с.
3. Мескон М.Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента: пер. с англ. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Econom/mesk/01.php (дата обращения: 08.08.2014).
4. Менеджмент: Учебное пособие для вузов/ Под ред. Ю.В. Кузнецова, В.И. Подлесных. –СПб.: «Бизнес-пресса», 2009. – 432 с.

Е.С. НИКИФОРОВ, М.В. ЛУКИН (г. Вологда)
E. Nikiforov, M. Lukin (Vologda)

Проблемы разработки межтерриториальной логистической системы сбора и переработки бытовых отходов

Problems of development of interterritorial logistic system of collecting and processing of a household waste

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы и перспективы формирования межтерриториальной логистической системы сбора и переработки бытовых отходов на базе развития сети технопарков. Дается обоснование эффектов применения данной концепции, ориентированной на максимальное увеличение объемов переработки отходов и улучшение экологической и экономической ситуации в регионах Северо-Запада.

Abstract: In article problems and prospects of formation of interterritorial logistic system of collecting and processing of a household waste on the basis of development of a network of science and technology parks are considered. Justification of effects of application of this concept focused on the maximum increase in volumes of processing of a waste and improvement of an ecological and economic situation in regions of the Northwest is given.

Ключевые слова: межтерриториальная логистическая система; переработка бытовых отходов; территориальная инфраструктура; технопарк.

Keywords: interterritorial logistic system; processing of a household waste; territorial infrastructure; science and technology park.

Эффективное функционирование территориальной инфраструктуры в развитых странах мира рассматривается как важнейшее условие стабильности экономики. Не случайно, в период пика финансово-экономического кризиса в ряде стран государственная поддержка коснулась именно отраслей инфраструктуры (например, в Финляндии).

Развитие территориальной инфраструктуры является для современной России важнейшей задачей, без решения которой затрудняется выполнение масштабных задач перспективного социально-экономического развития страны.

К числу проблемных для Российской Федерации комбинированных отраслей относится сбор и переработка бытовых отходов. Расчёты специалистов показывают, что в городских условиях каждый

житель в среднем за сутки создает немного меньше 1 кг отходов (при этом в городах, характеризующихся более высоким уровнем потребления объем отходов увеличивается). Соответственно, по данным отраслевого портала "Solidwaste", в России с учётом её населения, общий объём ежегодно образующихся ТБО составляет 30 млн тонн, или 150 млн куб. м. [1].

По приблизительным оценкам специалистов, в общем объёме мусора 26% составляет целлюлоза вторичных продуктов, 7% – чёрные и цветные металлы, 4% – стекло и 17% – пластик, что, в свою очередь, в структуре твёрдых бытовых отходов (ТБО) составляет соответственно около 48% – целлюлоза, 8,9% – пластик, 14,3% – металлы и 16,1% – стекло.

Основное препятствие в развитии переработки мусора, по мнению экспертов, заключается в

отсутствии предварительного этапа сортировки – основная масса потенциального сырья напрямую направляется на полигоны захоронения отходов, минуя переработчиков.

Одним из препятствий решению данной задачи является отсутствие мотивации населения к предварительной сортировке мусора как необходимого элемента экологического самосознания. В частности, опыт Франции показывает, что в рамках специализированной правительственной программы потребовалось около 5 лет, чтобы за счёт рекламных роликов, наглядной агитации и т.п. объяснить гражданам необходимость сортировки мусора. В России этот период, ввиду распространённой установки на пренебрежение рядом бытовых норм, может занять несколько больше времени.

Важнейшим инструментом временной инвестиционной политики в регионах является создание и обеспечение логистической территориальной системы.

Соответственно объектом территориальной логистики выступают ресурсные, товарные, сервисные, финансовые и информационные потоки, ориентированные на получение конечных продуктов, потребляемых как на самой территории или за ее пределами. При этом логистические потоки связывают все элементы логистической системы (ЛС): предприятия и организации всех форм собственности и видов деятельности, население.

Интегрирующим элементом управления логистической системой должен быть территориальный орган исполнительной власти, обеспечивающий, прежде всего, исполнение функций данной системы на подведомственной территории. Только в этом случае можно достичь мультипликативных эффектов от надлежащего функционирования ЛС, а также минимизировать финансовые потери (как два основных индикативных показателя эффективности функционирования логистических систем).

По своим функциональным задачам обычно выделяют несколько типов территориальной логистики и соответствующих ТЛС:

1. Хозяйственная (собственно инфраструктурная) логистика, обеспечивающая эффективное жизнеобеспечение города или городского поселения на основе:

– анализа и контроля товарных (в том числе сервисных) потоков, операций и общего товарооборота;

– системной оптимизации использования инфраструктуры (дорог, терминалов, складов, пустующих и высвобождающихся помещений, незавершенного строительства и т.п.);

– целевого точечного привлечения инвестиционных ресурсов для развития отдельных элементов инфраструктуры.

В подобном варианте логистическая система выступает в

качестве важнейшего фактора, влияющего на формирование комфортных условий жизнедеятельности населения, поступление собственных доходов в местный бюджет, обеспечение роста конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности поселений.

2. Логистическая система государственных и муниципальных закупок, связанная с осуществлением региональных и муниципальных закупок, прежде всего, товаров и услуг жизненной необходимости (продовольствия, медикаментов и пр.) для нужд населения подведомственной территории.

При решении этих задач важно обеспечить доступ населения к этим товарам и услугам, с учётом их стоимости, качества, разнообразия. В этом случае она пересекается с хозяйственной логистикой. В то же время, необходимо предусмотреть определённые запасы товаров на случай наступления форс-мажорных обстоятельств.

Содержание закупок должно включать направленность на поддержку местных форм самообеспечения. В частности, если рассматривать территориальную логистику в регионах Крайнего Севера, то речь идёт о сохранении традиционных промыслов, обеспечении традиционных навыков по выращиванию, сбору и переработке продуктов питания, приготовлению пищи и консервации продуктов в домохозяйства. В этой связи в ряде северных регионов, где невозможно в силу климатических условий содержать сады и огороды, целесообразно обеспечить население всем необходимым для создания собственных теплиц, оранжерей, озеленения дворов и придомовых территорий и других форм организации домохозяйств и структурирования свободного времени.

3. Промышленная логистика ориентирована на организацию инфраструктурных проектов, путем управления логистическими потоками на основе операций по

транспортировке грузов ресурсов (материальных или финансовых) до места назначения – производственного предприятия или организации сферы услуг (управление сервисными потоками – *сервисная логистика*), внутри производственной переработки ресурсов (*производственная логистика*), доведения готовой продукции до потребителя (*распределительная логистика*) в соответствии с интересами и требованиями последнего, а также передачи, хранения и обработки соответствующей информации (*информационная логистика*) [2].

К рассматриваемой проблеме имеет отношение и реверсивная логистика, заключающаяся в обратном движении материального потока и сопутствующей ему информации, во время которого организации и предприятия собирают свои использованные, поврежденные и просроченные товары, упаковки, тару и пр. от конечных потребителей для их последующей утилизации [3, 4]. При этом здесь могут пересекаться два потока отходов: бытовых и промышленных. Вместе с тем, отличительной тенденцией данных товаропотоков является их увеличение, как в количественном аспекте, так и в разнообразии материалов.

В составе реверсивной логистики выделяется отдельный вид деятельности, связанный с уничтожением выявленных фальсифицированных товаров, например, фармацевтических средств. Для России этот аспект имеет значение, так как, фальсифицированные товары для уничтожения возвращаются в компании и при недобросовестном менеджменте нередко возвращаются в легальный оборот продукции [5].

Территориальная логистическая система, лежащая в основе формирования концепции сбора с обширной территории и переработки мусора, включающей несколько регионов и/или муниципальных образований, соответственно, по своей конфигурации представляет

собой комбинированный вариант ТЛС, включающей элементы всех перечисленных выше территориальных логистических систем.

Следует отметить, что логистической системе, связанной со сбором и переработкой отходов, присущи следующие отличительные особенности:

- циклический характер;
- «реинкарнация» товаров (возвращение товаров в оборот в качестве новых товаров после переработки отходов);
- необходимость широкого пространственного (сетевое по своей сути) распределения ключевых точек (терминалов) данной системы, расположенных на территориях нескольких муниципальных образований и даже разных субъектов РФ.

Ниже рассмотрена в укрупненном виде «Концепция создания сети Технопарков обращения с отходами производства и потребления на территории Северо-Западного федерального округа на период до 2020 года» [6].

Реализация данной Концепции позволит заложить основы для создания современной прогрессивной системы управления отходами производства и потребления на территории Российской Федерации, направленной на максимальное увеличение объёмов переработки отходов производства и потребления и минимизацию количества отходов производства и потребления, направляемых на захоронение.

Концепция является базовой основой организации и координации деятельности исполнительных органов государственной власти Российской Федерации, органов местного самоуправления муниципальных образований и предприятий, осуществляющих свою деятельность на территории Российской Федерации в сфере обращения с отходами производства и потребления.

Концепция определяет цели, задачи, направления и принципы реализации государственной по-

литики Российской Федерации в сфере обращения с отходами производства и потребления в соответствии с действующим законодательством.

Стратегической целью в области обращения с отходами производства и потребления является снижение негативного воздействия на окружающую среду и здоровье населения, и обеспечение экономически эффективного обращения с отходами производства и потребления в интересах устойчивого развития экономики Российской Федерации.

Основными целями Концепции являются:

- совершенствование системы управления отходами производства и потребления на основе комплексного подхода;
- минимизация воздействия отходов производства и потребления на окружающую среду и максимальное их вовлечение в хозяйственный оборот;
- привлечение инвестиций в развитие отрасли обращения с отходами производства и потребления на территории субъектов Российской Федерации.

Для достижения этих целей необходимо комплексное, системное и целенаправленное решение следующих основных задач:

- совершенствование нормативно-правовой базы Российской Федерации в области обращения с отходами производства и потребления;
- внедрение эффективной схемы обращения с отходами производства и потребления с использованием наилучших технологий, адаптированных к условиям России;
- строительство Технопарков по обращению отходов производства и потребления, а так же реконструкция и модернизация существующих полигонов твердых бытовых и промышленных отходов с учётом существующей низкой обеспеченности санкционированными местами захоронения отходов производства и потребления;

– ликвидация и предотвращение образования несанкционированных свалок в Российской Федерации, в том числе рекультивация площадей, занятых свалками и возвращение их в хозяйственный оборот;

- совершенствование механизмов взаимодействия органов государственной власти, органов местного самоуправления муниципальных образований и предприятий в области обращения с отходами производства и потребления;
- повышение экологической культуры населения и обучению безопасному обращению с отходами производства и потребления.

Реализация Концепции позволит увеличить к 2020 году:

- уровень обеспеченности образуемых отходов полигонами твердых бытовых и промышленных отходов до 100%;
- долю рекультивированных полигонов в общем объёме до 70%;
- долю переработанных и обезвреженных отходов производства и потребления в общем объёме образования до 90%;
- долю ликвидированных санкционированных и несанкционированных свалок бытовых и промышленных отходов в их общем количестве до 100%.

На основе Концепции, основанной на имеющейся нормативно-правовой базе [7, 8] определены необходимые и достаточные условия для создания организованного и четко управляемого государственного механизма, ориентированного на обеспечение систематического повышения экологически безопасного уровня обращения с отходами производства и потребления и качества жизни населения, а также сформированы современные экономические механизмы, стимулирующие снижение объёмов образования отходов производства и потребления и их вторичное использование, разработаны формы участия в этой работе органов местного самоуправления, предприятий, осуществляющих хозяйственную и иную деятель-

ность, общественных организаций и населения России.

Обеспечение экологически безопасного и экономически эффективного обращения с отходами производства и потребления является неотъемлемым условием устойчивого развития Российской Федерации и должно стать одним из приоритетных направлений деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления муниципальных образований и предприятий, осуществляющих хозяйственную и иную деятельность на территории России.

Соблюдение требований по обеспечению экологически безопасного обращения с отходами производства и потребления должно стать одной из основ при планировании и осуществлении хозяйственной и иной деятельности, неразрывно связанной с долгосрочными экономическими интересами предприятий.

Реализация положений Концепции предполагает:

- разработку нормативных правовых актов в области федерального регионального регулирования обращения с отходами производства и потребления;

- разработку порядка ведения регионального кадастра отходов производства и потребления, провести оценку затрат на его создание и ведение, в том числе на разработку и поддержку соответствующего программного обеспечения;

- разработку и утверждение порядка ведения автоматизированного учета и контроля образования, хранения, транспортировки, утилизации и переработки ТБО и отходов производства;

- создание эффективной системы комплексного управления в области обращения с отходами производства и потребления на территории Российской Федерации;

- разработку обоснования привлечения инвестиций в строительство Технопарков по переработке отходов производства и

потребления на приоритетных территориях;

- создание единой логистической цепи от сбора отходов производства и потребления до выпуска товаров потребления через систему Технопарков по обращению отходов производства и потребления на основе взаимовыгодных партнерских отношений между всеми участниками логистического процесса;

- разработку, реализацию и координацию совместных планов и программ действий органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий и населения на основе системного и научно обоснованного подхода к обеспечению экологически безопасного и экономически эффективного обращения с отходами производства и потребления.

Ожидаемые результаты от реализации Концепции представлены в таблице 1.

Реализация Концепции позволит достичь улучшения целевых показателей в области обращения с отходами, указанных в следующей таблице:

Реализация региональной политики в области обращения с отходами производства и потребления в интересах устойчивого развития Северо-Западного федерального округа на период до 2020 года будет осуществляться в 2 этапа.

На I этапе: 2011-2015 годы предполагается реализация мер, направленных на совершенствование нормативно-правового, организационного и программного обеспечения в области обращения с отходами производства и потребления, в том числе:

- реализация пилотных проектов;

- создание генеральных схем очистки территорий Северо-Западного федерального округа;

- начало проектирования и строительства первоочередных объектов обращения с отходами производства и потребления;

- создание производств по переработке вторичных ресурсов;

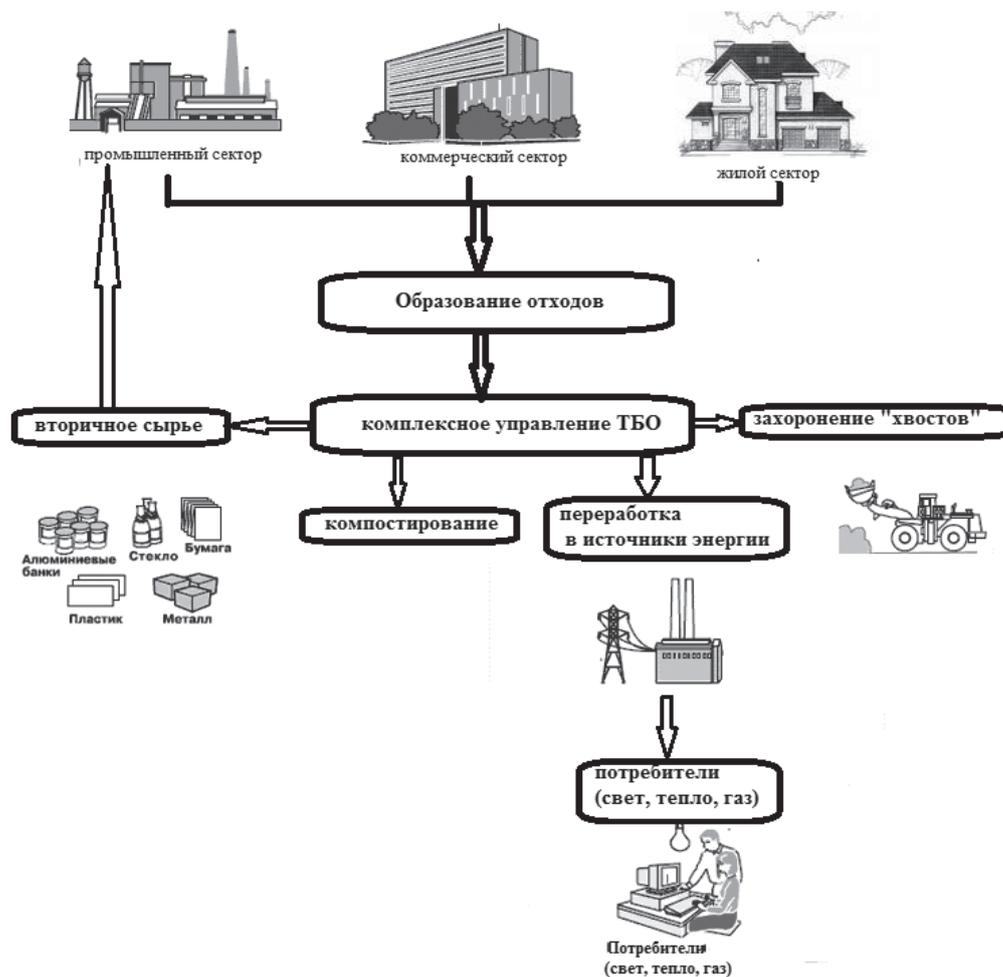
- ликвидация мест несанкционированного размещения отходов;

- строительство и запуск Технопарков по обращению с отходами производства и потребления;

Таблица 1. Эффекты реализации концепции

Эффекты	Характеристика эффектов
Социальный эффект:	улучшение экологического, санитарно-гигиенического состояния территории и здоровья населения Северо-Западного федерального округа; создание новых предприятий, производств по переработке отходов производства и потребления; дополнительных рабочих мест.
Экономический эффект:	создание экономически обоснованной и эффективно действующей системы комплексного управления отходами производства и потребления; увеличение к 2020г ликвидированных мест размещения отходов производства и потребления с 1 до 95% по отношению к 2010г.
Финансовый эффект:	увеличение поступления финансовых средств в бюджет в виде налогов и платы за загрязнение окружающей среды и размещение отходов производства и потребления.
Экологический эффект:	улучшение санитарного состояния окружающей среды в МО Северо-Западного федерального округа; создание регионального кадастра отходов производства и потребления, позволяющего вести достоверный учет образования и движения отходов производства и потребления на территории Северо-Западного федерального округа.

Рис. 1. Модель комплексного управления ТБО



– разработка схемы обращения с отходами производства и потребления на территории Северо-Западного федерального округа и плана мероприятий по реализации Концепции;

– создание рабочей группы в области охраны окружающей среды в Северо-Западном федеральном округе с участием представителей муниципальных образований для рассмотрения и принятия решений по актуальным вопросам в области обращения с отходами при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе;

– совершенствование регионального кадастра отходов производства и потребления;

– разработка и внедрение системы мониторинга обращения с

отходами производства и потребления;

– разработка региональных и муниципальных программ в области обращения с отходами производства и потребления, обеспечивающих внедрение современной системы обращения с отходами производства и потребления;

– организация информационного обеспечения населения о планируемых мерах.

На II этапе 2014-2020 годы:

– реализовать меры по созданию производств по переработке вторичных ресурсов,

– сформировать структуру управления отходами производства и потребления, отвечающую мировому уровню по техническим и экономическим характеристикам, обеспечивающих 100% переработку отходов производства и

потребления через Технопарки по обращению с отходами производства и потребления и усовершенствование методов комплексного управления отходами на основе практического опыта.

Комплексное управление ТБО включает в себя организацию сбора, транспортировки, переработки и захоронения, а также создание предприятий по производству товаров народного потребления (см. Рис. 1.).

Реализация Концепции позволит достичь улучшения целевых показателей в области обращения с отходами, указанных в таблице 2.

Основными источниками финансирования реализации Концепции являются: федеральный бюджет; бюджеты муниципальных образований Северо-Западного

федерального округа; собственные средства предприятий, осуществляющих хозяйственную и иную деятельность; средства инвесторов.

Таким образом, реализация данной концепции позволит решить основную проблему утилизации отходов: организовать вывоз мусора с территории для полной утилизации, сократить занимаемые полигонами площади или полностью исключить земельные участки под захоронение отходов, улучшить санитарное состояние городов и регионов и обеспечить условия комфортного проживания населения; обеспечить 100% рециклинга твердых отходов на основе экономически

Таблица 2.

Целевые показатели в области обращения с отходами.

Показатели	Ед. измерения	2011 год	2013 год	2020 год
Уровень обеспеченности образуемых отходов полигонами твердых бытовых и промышленных отходов	%	21	56	100
Доля переработанных и обезвреженных отходов в общем объеме образования отходов	%	65	85	100
Доля ликвидированных санкционированных и несанкционированных свалок бытовых и промышленных отходов в их общем количестве	%	-	20	100

обоснованных и экологически чистых технологиях и возврат этих отходов в хозяйственный оборот в виде товарной продукции и энергии, уменьшить нагрузку на эко-

логическое состояние регионов, значительно сократить расходы бюджетных средств, выделяемых на устранение экологических последствий.

Литература:

1. Российский рынок megaresearch.ru/files/demo_file/4656.PDF
2. Сферы логистики в муниципальном менеджменте // <http://www.gosup.ru/topic289.html>
3. Зуева О.Н. Реверсивная логистика в управлении запасами. // Известия ИГЭА, 2009, №1(63), с. 107-111. // <http://izvestia.isea.ru/pdf.asp?id=4859>
4. Джонсон Д., Вуд Д.Ф., Вордлоу Д.А., Мерфи П.Р. (мл.) Современная логистика. 7-е изд. – М.: 2004, с. 92.
5. Бола С.В., Иванов С.В., Йованович Д., Лукин М.В. Фармацевтический кластер в России: особенности формирования и перспективы развития (монография). – М.: Инновационный фонд «Росиспытания», 2011.
6. Концепция развития сети технопарков по обращению с отходами производства и потребления в Северо-Западном федеральном округе. Концепция разработана творческим коллективом ФГБОУ ВПО СПбГУСЭ (руководитель темы – Е.С. Никифоров). – СПб.: СПбГУСЭ, 2012.
7. Федеральный закон от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» (с изменениями на 30 декабря 2008 года) и иных нормативных правовых актов Российской Федерации в области обращения с отходами».
8. Экологическая доктрина Российской Федерации, одобренная распоряжением Правительства Российской Федерации от 31 августа 2002 г. №1225-р.

Е.А. КУКЛИНА, доктор экономических наук, Санкт-Петербургский
государственный инженерно-экономический университет
E. Kuklina, doctor of economic Sciences, St. Petersburg
state engineering-economic University

Устойчивость экономической системы: методологические подходы к определению понятия, виды устойчивости, типы устойчивого развития The stability of the economic system: methodological approaches to the definition of, types of sustainability, the types of sustainable development

Аннотация: Устойчивость экономической системы значительно отличается от любой другой устойчивости (технической, физической и т.д.), так как «...главной характеристикой (чертой) в ней выступает ... способность эффективно использовать, автономно видоизменять ресурсы своего развития, непрерывно наращивать показатели своего положительного изменения, не увеличивая или минимизируя затраты базовых, невозобновляемых ресурсов».

Abstract: The stability of the economic system is significantly different from any other sustainability (technical, physical, etc), as «...the main characteristic (trait) it is ... the ability to effectively use offline to modify resources in its development, to continuously increase the performance of your positive changes, without increasing or minimizing cost base, non-renewable resources».

Ключевые слова: экономическая система, теория устойчивости, социально-экономическая устойчивость, воздействие внешних факторов, развитие, объемы производства, критический природный капитал.

Keywords: economic system, stability theory, socio-economic sustainability, the impact of external factors, development, production, critical natural capital.

Понятие устойчивости, изначально порождённое представлениями о закономерном поведении механических систем, давно переросло рамки физико-механистических воззрений и стало общенаучной категорией. Исследование устойчивости систем имеет впечатляющую историю, но до сих пор в этой предметной области существуют некоторые теоретико-методологические проблемы, в решении которых принимают участие философы, физики, математики, механики, кибернетики, биологи, экономисты.

Необходимо отметить, что вопросы устойчивости системы волновали умы учёных давно. Связано это было с функционированием системы Мира, вопрос об устойчи-

вости (незыблемости) которой до открытия закона всемирного тяготения решался a priori.

И.Ньютон первым построил динамическую модель Солнечной системы и сразу же столкнулся с вопросом её устойчивости. Это затруднение было решено им с помощью Великого Часовщика, который время от времени возвращает планеты на их орбиты.

В дальнейшем понятие устойчивости – устойчивости движения – развивалось параллельно с исследованиями движения планет. В связи с этим необходимо привести имена Ж.Л. Лагранжа, который в 1784 году дал понятие устойчивого движения, и П.С. Лапласа, который в 1773 году сформулировал теорему об устойчивости Солнечной системы [7].

Созданию математически строгой и последовательной теории устойчивости движения наука обязана А. Пуанкаре [16] и А.М. Ляпунову, которому принадлежит наиболее удачное определение понятия «устойчивость движения» [13]. При этом если для А. Пуанкаре устойчивость – это стремление выведенной из состояния равновесия системы вернуться в первоначальное состояние, всё более приближаясь к нему, то у А.М. Ляпунова это уже более ёмкая концепция, в соответствии с которой состояние системы считается устойчивым, если при некоторых начальных возмущениях система всё последующее время остаётся в окрестности этого состояния.

Идея устойчивости форм является центральной у многих фило-

софов (Г. Гегеля, А. Богданова, Ф. Шеллинга, Э. Янча и др.). Так, например, Г. Гегель заложил основы теории переходных процессов, когда система теряет устойчивость и переходит в неустойчивое состояние, а затем формируется новая устойчивость [6].

Очень важное значение для развития теории устойчивости имела работа А.А. Богданова «Тектология. Всеобщая организационная наука» [2]. А.А. Богданов рассматривал структурную устойчивость комплексов (систем) и считал, что комплекс, охватывающий более значительную сумму элементов, является более устойчивым по отношению к среде. Он вывел закономерность, согласно которой устойчивость целого зависит от наименьших относительных сопротивлений всех его частей, и предложил рекомендации по преодолению негативных последствий внешней среды.

Философский аспект исследования проблемы устойчивости интегрировал различные подходы к исследованию систем, начиная с конца XIX века и начала XX века, и заложил основу для изучения развития систем как единства процессов изменчивости и устойчивости, закономерностей изменения объектов, источников их самоорганизации и самодвижения. Философский подход к проблеме устойчивости базируется на том, что устойчивость является одним из интегральных качеств системы.

Значительное влияние на развитие представлений об устойчивости систем оказали представители общей теории систем (Р. Акофф, Л. фон Берталанфи, Ю. Урманцев, Э. Ласло и др.), которые делали акцент на исследовании статичного состояния систем, а источник формирования устойчивости видели внутри самой системы.

На предположении, что устойчивыми являются системы с оптимальным разнообразием, основан кибернетический подход к исследованию устойчивости. Так, Н. Винер отмечал: «В мире, где эн-

тропия в целом стремится к возрастанию, существуют местные временные островки уменьшающейся энтропии, это области прогресса. Механизм их возникновения состоит в естественном или целенаправленном отборе устойчивых форм» [5].

Новый толчок к развитию теории устойчивости получила в связи с разработкой организмических представлений об обществе. При этом необходимо отметить, что аналогии между хозяйственной сферой и живой природой ещё в XVIII веке проводили Д. Юм, Т. Мальтус, Г. Спенсер и др. В настоящее время в биологической (общей) экологии для обозначения способности экологических систем сохранять свою структуру и функциональные свойства при воздействии внешних факторов обычно используется термин «*sustainable*» (англ. «поддерживающий», «длительный», «устойчивый», «непрерывный»).

Данный подход заложил основу исследования устойчивости социально-экономических (общественных) систем посредством изучения факторов, влияющих на устойчивость живых систем. Поддержание устойчивости системы составляет внутреннюю цель системы, следовательно, она должна быть организована таким образом, чтобы обеспечить собственное выживание, стабильность и одновременно развитие, эволюцию, приближение к цели. Эта двойственность составляет одно из основных противоречий в системе, которое разрешается через её развитие [15].

Из биологического подхода к устойчивости следует, что основные её параметры достигаются в процессе адаптации системы к изменяющимся условиям (по аналогии с живыми организмами) и поэтому в общественной жизни могут возникать только такие структуры и направления эволюции, которые в ней потенциально заложены.

Теория устойчивости экономических (социально-экономи-

ческих) систем первоначально возникла как ветвь других отраслей знаний и научных дисциплин (математики, кибернетики, теории систем и др.). В экономической теории проблемы устойчивости экономической системы рассматривались, во-первых, с позиций математики, и, во-вторых, с точки зрения достижения конечного результата её функционирования.

Так, М. Блауг устойчивость определяет как «необходимое условие, при котором система должна возвращаться в состояние равновесия после любого малого «потрясения». В экономической науке мы обычно рассуждаем об устойчивости с точки зрения того, что математики называют «асимптотической устойчивостью»: любая траектория, начинающаяся достаточно близко от положения равновесия, сходится к равновесию на протяжении времени» [1, с. 379]. Также он считает, что перспективным направлением в этой предметной области является исследование так называемой «квазиустойчивости, которой обладает любая траектория, которая начинается вблизи положения равновесия и остаётся в границах, близких к равновесию, без обязательного его достижения» [1, с. 533].

В то же время устойчивость экономической системы значительно отличается от любой другой устойчивости (технической, физической и т.д.), так как «...главной характеристикой (чертой) в ней выступает не некоторое равновесное состояние и способность возвращаться к нему в случае возмущающих воздействий, или сохранение заданной траектории движения в случае противодействующих сил, а способность эффективно использовать ресурсы своего развития, непрерывно наращивать показатели своего положительного изменения, не увеличивая или минимизируя затраты базовых, невозобновляемых ресурсов» [11, С. 109].

Первая математическая модель общего экономического равнове-

сия была предложена в конце XIX века.

Л. Вальрас и А. Маршалл рассматривали неустойчивость в контексте множества точек равновесия: неустойчивое положение неизменно находится между двумя устойчивыми. Начиная с 30-х годов XX века проблему устойчивости равновесия исследовали Дж. Хикс, П. Самуэльсон, К. Эрроу, Ф. Хан и др.

Характеристика методологических подходов к определению понятия «устойчивость» приведена в таблице 1.

Центральное место в исследованиях двух последних десятилетий занимает уже не сами по себе устойчивость или неустойчивость, а вопрос соотношения этих категорий, который эволюционно трансформировался в проблему взаимосвязи стабильности и нестабильности, определённости и неопределённости.

Что же такое «устойчивость»? Как видим, это достаточно сложное, неоднозначное и весьма дискуссионное понятие. Так, А.Н. Филатов, дифференцируя устойчивость по нескольким видам (устойчивость по Ляпунову – относительно возмущения начальных данных; устойчивость по Лагранжу; устойчивость по Пуанкаре; устойчивость по Жуковскому; устойчивость по Пуассону; устойчивость относительно постоянно действующих возмущений; устойчивость структурная, практическая, орбитальная, асимптотическая и т.д.), считает, что «... теоретической устойчивости в природе в принципе нет, и на самом деле следует изучать только неустойчивость и её реальное воплощение – практическую устойчивость» [20, с. 25].

В справочнике по теории автоматического управления приводится мнение А.А. Красовского о том, что «число понятий устойчивости настолько велико, что этот термин справедливо считается перегруженным» [18, с. 89].

Согласно математической энциклопедии «устойчивость – термин,

Таблица 1. Характеристика методологических подходов к определению понятия «устойчивость»

Методологический подход к определению понятия «устойчивость»	Виды устойчивости	Учёные – представители соответствующего методологического подхода
Механистический	Устойчивость движения	П.-С. Лаплас, Ж.-Л. Лагранж, А. Пуанкаре, А.М. Ляпунов
Философский	Устойчивость формы	Г. Гегель, А.А. Богданов, Ф. Шеллинг, Э. Янч
Системный	Устойчивость системы	Р. Акофф, Л. фон Бергаланфи, Ю. Урманцев, Э. Ласло
Биологический	Устойчивость системы	Д. Юм, Т. Мальтус, Г. Спенсер
Кибернетический	Устойчивость системы	Н. Винер, У. Эшби, В.М. Глушков
Экономический / социально-экономический	Устойчивость равновесия	Л. Вальрас, А. Маршалл, Дж. Хикс, П. Самуэльсен, К. Эрроу, Ф. Хан, В.В. Леонтьев, К. Ланкастер, Л. И. Лопатников

не имеющий чётко определённого содержания» [14, с. 560].

Применительно к движению (т.е. *устойчивость движения* – см. табл. 1) устойчивость есть атрибут поведения системы на бесконечном промежутке времени и он выражается как свойство движущейся системы [14, сс.560-561]: мало отклоняться от некоторого движения при малых возмущениях начального положения системы, причём малость отклонения равномерна (устойчивость по Ляпунову); мало отклоняться от некоторого движения при малых возмущениях, как начального положения системы, так и самого закона движения (устойчивость при постоянно действующих возмущениях).

Приведём несколько трактовок данного термина применительно к разным объектам. В БСЭ приводится следующая трактовка понятия *устойчивости равновесия* – «равновесие механической системы устойчиво, если при малом возмущении (смещении, толчке) точки системы во всё последующее время мало отклоняются от их равновесных положений; в противном случае равновесие неустойчиво» [3, с. 380].

Здесь же даётся определение устойчивости системы автомати-

ческого управления (САУ) – «способность САУ нормально функционировать и противостоять различным неизбежным возмущениям (воздействиям). Состояние САУ называется устойчивым, если отклонение от него остаётся сколь угодно малым при любых достаточно малых изменениях входных сигналов [3, с.377].

Универсальный бизнес-словарь приводит следующее определение *устойчивости фирмы* – «характеристика стабильности фирмы, определяющая финансовое состояние предприятия, хозяйственная деятельность которого обеспечивает в нормальных условиях выполнение всех его обязательств благодаря достаточным доходам и соответствию доходов и расходов» [12].

В отношении инвестиционного проекта/решения (*устойчивость инвестиционного проекта/решения*) можно сказать, что они устойчивы, если коэффициенты вариации показателей эффективности проекта (решения) минимальны, т.е. эффективность инвестиционного проекта (решения) снижается минимально при ухудшении основных влияющих факторов.

Как следует из приведённых выше трактовок, все они в той или

иной форме включают такие понятия, как «малый» («минимальный») и «нормальный», чётко не идентифицируя этого определения. Анализ широкого спектра определений понятия устойчивости, приведённый в [22], подтверждает приведённый выше тезис.

По мнению С.В. Чупрова, с которым нельзя не согласиться, в настоящее время существует тенденция к упрощённому толкованию понятия устойчивости, отождествлению его с абсолютной стабильностью; смешиваются сущность, признаки, факторы устойчивости и т.д. [21].

Классификация мнений авторитетных учёных в отношении трактовки понятия «устойчивость», составленная по данным работы [22], приведена в таблице 2.

В настоящее время особое внимание уделяется проблемам не только и не столько собственно устойчивости экономических систем, но их устойчивому развитию.

Словосочетание «*sustainable development*», переведённое с английского языка как «устойчивое развитие», привлекло внимание мирового сообщества после публикации доклада «Наше общее будущее» (1987 год), подготовленного Комиссией ООН по окружающей среде и развитию («Комиссия Брундтланд»). Именно её выводы и составили концептуальную основу для решений, принятых в рамках ЮНСЕД о жизненной необходимости для цивилизации выхода на уровень устойчивого развития.

Так как термин «развитие» понимается по-разному, представляется целесообразным в контексте настоящей статьи определить суть этого понятия. В этом мы прибегнем к помощи Толкового словаря русского языка, который трактует этот термин как «процесс закономерного изменения, перехода из одного состояния в другое, более совершенное; переход от старого качественного состояния к новому, от простого к сложному, от низшего к высшему» [19].

Таблица 2

Классификация определений понятия «устойчивость»

№№ п/п	Классификационный признак	Примечание
<i>Устойчивость движения</i>		
1.	Математический признак (характер изменения описывающей систему функции или решения уравнения)	Формализованные представления об устойчивости движения системы
2.	Характер траектории (линии) движения системы	Динамическая картина движения системы
3.	Свойство системы восстанавливать прежнее или заданное (расчётное) состояние (движение)	В устойчивом режиме влияние возмущений минимизируется
<i>Устойчивость равновесия</i>		
4.	Поведение системы около точки равновесия	Сопротивление нарушению равновесного положения – проявление устойчивости
Устойчивость		нормы
5.	Способность системы сохранять форму существования или свои свойства	Общая концепция поведения устойчивой системы
<i>Устойчивость системы</i>		
6.	Свойство системы поддерживать своё поведение	Не сбиваться со своей траектории для системы равнозначно свойству восстанавливать прежнее или заданное движение
7.	Характер преобразования входного сигнала в выходной	Ограниченность изменения выходного сигнала системы служит признаком её устойчивости

Принципиальное разведение понятий «рост» и «развитие» отмечается практически всеми исследователями этой проблемы [4 и др.]. «Рост» при этом понимается не столько как количественная величина товаров, услуг и т.д., сколько как качественное разнообразие бытия. И если «рост» в предложенной трактовке имеет реальный физический и экологический предел, то «развитие» по существу безгранично, ибо ориентировано на качественные и духовные показатели жизни, стремящиеся к экспоненте.

Таким образом, термином «развитие» можно охарактеризовать качественное изменение систем и объектов, для которого свойственны направленность, необратимость и выход на новый количественный и качественный уровень.

Развитие в экономической сфере, то есть экономическое раз-

витие, носит традиционно экспоненциальный характер и имеет ориентацию на расширение хозяйственной деятельности. Это объясняется тем фактом, что экстенсивный путь развития, то есть развитие за счёт количественного увеличения экономических ресурсов, вовлекаемых в процесс производства, является исторически присущим любой экономической системе (и в большей степени – рыночной экономической системе).

Увеличение объёмов производства требует увеличения использования всех факторов производства (капитала, природных и трудовых ресурсов). Такой тип развития можно охарактеризовать как техногенное развитие, которое объективно обуславливает тенденцию деградации естественных экосистем.

Пределом увеличения нагрузки на природную окружающую среду является критический уровень техногенного воздействия, превышение которого приведёт к разрушению критического природного капитала (озонового слоя, глобального климата, способностей естественного воспроизводства биосистем и пр.). Графически такой уровень может быть изображён в виде асимптоты, к которой асимптотически стремится экспоненциальная техногенная нагрузка на природную среду в модели техногенного развития.

В настоящее время в качестве альтернативы такому развитию рассматривают устойчивое развитие, предполагающее рациональное сочетание экономических и природных критериев производственно-хозяйственной деятельности человека (общества).

Переход к устойчивому развитию означает создание сбалансированной системы, сочетающей в себе социальную справедливость, экологическую безопасность и экономическую эффективность. При этом устойчивое развитие, в отличие от экономического роста, предполагает формирование экономической структуры, способной к генерированию экономического роста и дальнейшему развитию, которые позволяют экономической системе замещать истощённые источники роста [10].

С позиций системного подхода устойчивое развитие можно охарактеризовать как определённый тип прогрессивно направленных, внутренне детерминированных изменений объекта, связанных с повышением уровня его организации. Развитие становится неустойчивым при возникновении кризисного состояния системы, которое связано с её разрушением или переходом в новое качественное состояние [17].

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

– во-первых, устойчивое развитие есть категория динамическая;

– во-вторых, устойчивое развитие экономической системы имеет стратегический характер, так как сначала определяется цель, а затем определяются пути и способы её достижения.

Устойчивое развитие экономической системы можно подразделить на два типа: слабое и сильное [10].

При *слабом типе* устойчивого развития не ставится цель сохранить все виды капитала (материальный, человеческий, природный). Следовательно, возможен экономический рост при низких социальных показателях или развитие за счёт деградации природной среды.

Сохранение и приумножение всех видов капитала является обязательным при *сильном типе* устойчивого развития. Следовательно, отличительными чертами сильного типа устойчивого развития экономической системы является:

– чистая продуктивность при взаимодействии общества и природной среды;

– интерактивный (взаимно обогащающий и взаимодействующий) характер в отношениях экономики и природной среды.

В соответствии с концепцией устойчивого развития удовлетворение потребностей нынешнего поколения не должно угрожать возможностям будущих поколений удовлетворять их потребности. То есть, реализация этой концепции связана с тем, что живущее сейчас поколение должно передать будущим поколениям достаточно капитала (активов) для того, чтобы качество жизни этих поколений было, по крайней мере, не хуже современного.

Необходимо отметить, что в настоящее время не существует однозначности в отношении критериев устойчивости экономических (социально-экономических) систем. На основании исследования [8] можно сделать вывод о том, что формирование системы критериев устойчивости идёт по двум основным направлениям:

– разработка показателей, применение которых возможно только для социально-экономических систем (например, модель Альтмана);

– адаптация показателей устойчивости, применяемых в математике и физике.

При этом наиболее часто встречаются попытки адаптации к экономическим процессам устойчивости (по Ляпунову и Лагранжу). Однако отмечается, что оценка устойчивости экономических систем по Ляпунову (относительно возмущения начальных данных) на современном этапе практически невозможна из-за сложности описания ограничений на возможные возмущения и учёта всех возможных возмущений [15].

Как нам представляется, критерий устойчивости экономической (социально-экономической) системы должен определяться характером системы (объекта) так же, как условия и показатели его устойчивости.

Областью научных интересов автора являются проблемы реализации концепции устойчивого развития в сфере природопользования и, в соответствии с этим, можно следующим образом сформулировать условия устойчивости в природопользовании (недропользовании), главные критерии и показатели устойчивого функционирования горнопромышленных систем [9, 10].

1. Проекты освоения природных ресурсов должны удовлетворять следующим условиям устойчивости:

– предотвращение ущерба критическому природному капиталу;

– ограничение использования возобновляемых природных ресурсов уровнем, при котором обеспечивается их устойчивость;

· предотвращение необратимых процессов в природной среде.

2. Главными критериями устойчивого функционирования горнопромышленных систем в современных экономических условиях являются:

– повышение экономической эффективности функционирования горнопромышленных комплексов;

– улучшение качества жизни населения территории;

– обеспечение равновесия в природной среде.

3. Характеристики устойчивого

функционирования горнопромышленных систем должны охватывать все три сферы (экономическую, социальную и экологическую) и включать такие показатели, как оценка природно-ресурсного потенциала территории; величина поступлений в доходную часть бюджета в результате освоения по-

тенциала минерально-сырьевых ресурсов; количество создаваемых рабочих мест; уровень социально-экономической стабильности; уровень рационального использования природных ресурсов; уровень техногенной нагрузки на окружающую среду; величина экологического ущерба и т.д.

Литература:

1. Блаут М. Экономическая мысль в ретроспективе. – М.: «Дело Лтд», 1994.
2. Богданов А.А. Тектология: (Всеобщая организационная наука). В 2-х кн. – М.: Экономика, 1989.
3. Большая Советская Энциклопедия. 3 издание. Том 27. – М.: Советская энциклопедия, 1977.
4. Ващекин Н.П., Лось В.А., Урсул А.Д. Цивилизация и Россия на пути к устойчивому развитию: проблемы и перспективы. Монография. – М.: Изд-во МГУК, 1999.
5. Винер Н. Кибернетика и общество. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1958.
6. Гегель Г. Наука логики: В 3-х т. Том 1. – М.: Наука, 1970.
7. Дёмин В.Г. Судьба Солнечной системы. – М.: Наука, 1969.
8. Казанцева Е.Г. Теоретические аспекты исследования устойчивости социально-экономических систем // Управление устойчивым развитием экономических систем / Под ред. А.В. Бабкина: Межвуз. сб. науч. тр. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2006. – С. 31–43.
9. Куклина Е.А. Устойчивое развитие горнопромышленных систем: принципы, условия, критерии, показатели // Горный информационно-аналитический бюллетень. — МГГУ, 2005, № 2. – С. 120–125.
10. Куклина Е.А. Формирование экономического механизма устойчивого развития горнопромышленных комплексов. – СПб.: СЗТУ, 2005.
11. Кучин Б.Л., Якушева Е.В. Управление развитием экономических систем: технический прогресс, устойчивость. – М.: Экономика, 1990.
12. Лозовский Л.Ш., Райзберг Б.А., Ратновский А.А. Универсальный бизнес-словарь. – М.: ИНФРАМ, 1997.
13. Ляпунов А.М. Общая задача об устойчивости движения. – М.: Гостехиздат, 1950.
14. Математическая энциклопедия / Гл. ред. И.М. Виноградов. В 5 т. Т.5. – М.: «Советская энциклопедия», 1984.
15. Могилевский В.Д. Методология систем: вербальный подход. – М.: ОАО «Издательство «Экономика», 1999.
16. Пуанкаре А. Избранные труды в 3-х томах, т.1. Небесная механика. Пер. с франц. – М.: Наука, 1971.
17. Санжапов Б.Х., Стародубцева Я.В. Автоматизированная система принятия решений при стратегическом планировании устойчивого развития региона в условиях нечёткой информации // Программные продукты и системы. – 2001, № 3. – С. 28–30.
18. Справочник по теории автоматического управления / Под ред. А.А. Красовского. – М.: Наука, 1987.
19. Толковый словарь русского языка Ожегова – Шведовой / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1960.
20. Филатов А.Н. Теория устойчивости. Курс лекций. – Москва-Ижевск, Институт компьютерных исследований, 2003.
21. Чупров С.В. Мониторинг устойчивости производственных систем. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2005.
22. Чупров С.В. Спектр определений понятия устойчивости: классификация и экономические приложения // Управление устойчивым развитием экономических систем / Под ред. А.В.Бабкина: Межвуз. сб. науч. тр. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2006. – С. 78–84.

Т.С. Останина, старший преподаватель НОИР г. Санкт-Петербург
T. Ostanina, senior lecturer NOIR, St. Petersburg

Методы управления рисками на мебельных предприятиях

Risk management methods on the furniture enterprises

Аннотация: Проблема управления адаптацией к среде и рисками для достижения результатов становится жизненной потребностью любого предприятия или компании. Решение данной задачи невозможно без разработки научно-обоснованной методики для различных теоретических и практических случаев, позволяющей адаптироваться к изменяющимся условиям среды и измерять уровень риска. На основании полученных данных можно говорить о приемлемости для хозяйствующего субъекта принимать управляющее решение в конкретной ситуации, а также управлять на основе механизма этим риском.

Abstract: The problem of managing adaptation to the environment and risks to achieve results becomes a vital requirement of any enterprise or company. The solution to this problem is impossible without the development of science-based methodologies for the various theoretical and practical situations, allowing you to adapt to changing environmental conditions and to measure the level of risk. On the basis of obtained data we can talk about eligibility for a business entity to take control solution in a particular situation, and manage on the basis of the mechanism of this risk.

Ключевые слова: мебельные предприятия, управление рисками, хозяйственная деятельность, менеджмент, управленческие решения, эффективность, риск-менеджмент.

Keywords: furniture company, risk management, management, management, management decisions, efficiency, risk-management.

Интенсивность технологической интеграции деревообрабатывающей промышленности с предприятиями, ориентированными на рынок жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ), способствует снижению стоимости изделий деревообработки, повышению их конкурентоспособности по сравнению с пластмассовой и другой химической продукцией, позволяет добиться значительного экономического роста. Последнее связано с задачей увеличения валового национального дохода. Однако деревообрабатывающая промышленность испытывает кризисные явления постреформенного периода. С одной стороны, в стадии формирования находятся структуры, основывающиеся на частной собственности и на свободной предпринимательской деятельности. С другой – складывается ситуация, при которой неопределённость экономических связей, несовершенство институтов, регулирую-

щих хозяйственную деятельность, и недостаточная управляемость экономическими процессами приводят предприятия к кризисным явлениям и банкротству. Предпринимательские сети, спонтанно возникающие в деревообрабатывающей промышленности, испытывают затруднения в реализации своих возможностей.

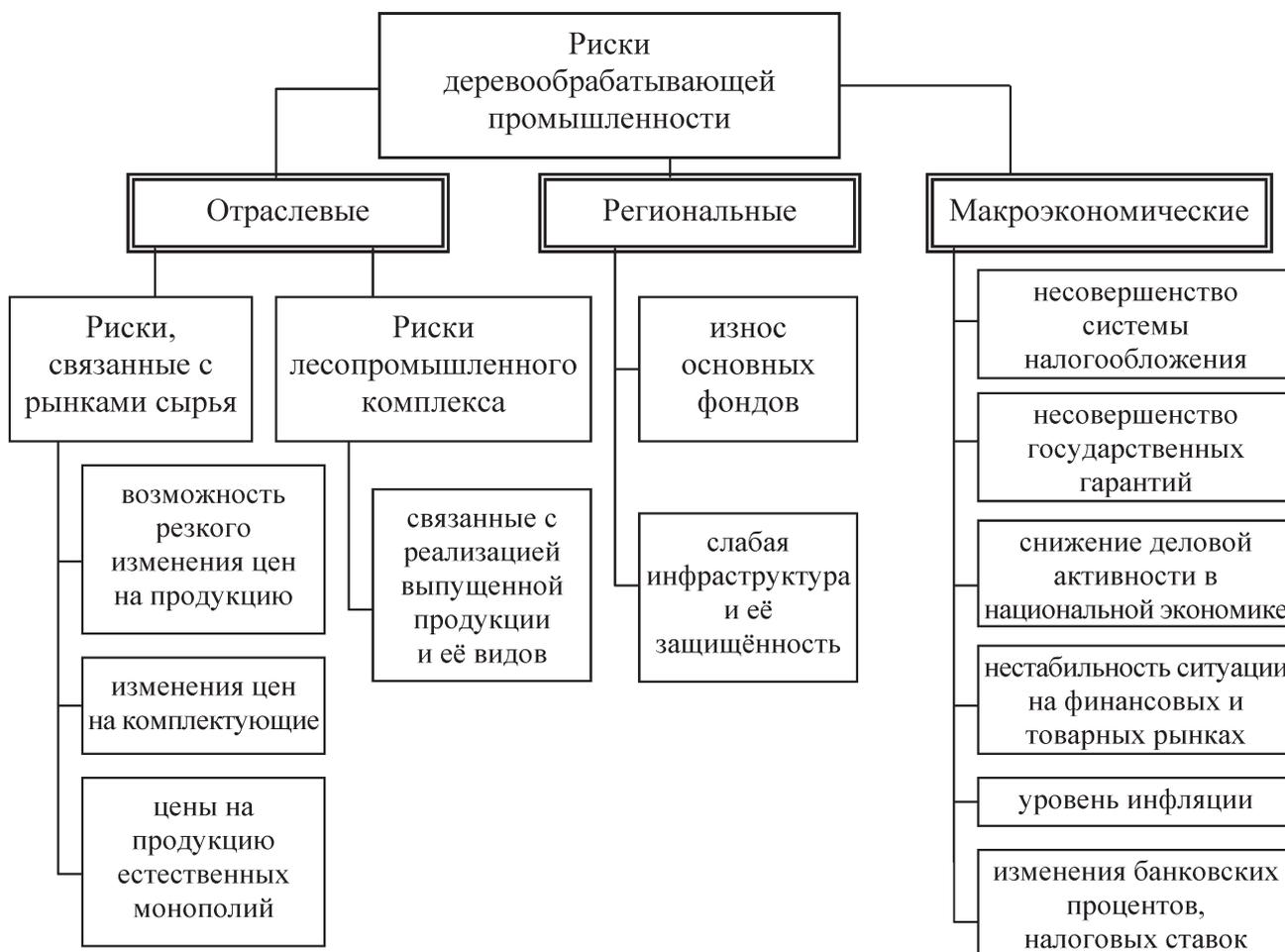
Возникновение затруднений в использовании производственного потенциала деревообрабатывающих предприятий вызывает необходимость в анализе складывающейся институциональной среды и выяснении возможностей оптимального развития производственной способности предприятия в рыночных условиях. При этом возникает необходимость и в совершенствовании методического подхода к анализу хозяйственной ситуации и планированию деятельности предприятия, где большое значение приобретают не только данные параметров, характеризующих это состояние, но в

большей степени те условия, при которых они получены.

Управленческое решение по определению связано с риском, поскольку оно предполагает необходимость выбора одной из двух или нескольких возможностей достижения цели. Степень и виды рисков особенно возрастают в рыночной среде, когда организациям приходится действовать в условиях конкуренции при неопределённости внешних и внутренних факторов, оказывающих влияние на её деятельность.

Особую остроту этой проблеме в России придаёт то, что деструктивное начало качественных характеристик современной отечественной промышленности связано с разрушением воспроизводственной структуры ресурсоограниченной модели национального хозяйства, центральным элементом которой являются предприятия в детерминированной государством внешней среде. Новые условия связаны с формированием спросо-

Рис. 1. Классификация рисков предприятий деревообрабатывающей промышленности



ограничительной структуры воспроизводства рыночного типа, в которой хозяйствующие субъекты должны уметь быстро адаптироваться к неопределённой внешней среде и высоким рискам экономической деятельности.

Следовательно, проблема управления адаптацией к среде и рисками для достижения результатов становится жизненной потребностью любого предприятия или компании.

Решение данной задачи невозможно без разработки научно-обоснованной методики для различных теоретических и практических случаев, позволяющей адаптироваться к изменяющимся условиям среды и измерять уровень риска. На основании полученных данных можно говорить о приемлемости для хозяйствующе-

го субъекта принимать управляющее решение в конкретной ситуации, а также управлять на основе механизма этим риском.

Большая практическая и теоретическая значимость выявленной проблемы и нерешённость многих методических и практических вопросов определяют необходимость использования инновационных методов управления. Разнообразие мнений о сущности риска объясняется многоаспектностью данного явления и недостаточным использованием методов оценки и управления рисками в практике промышленных предприятий.

Кроме того, недостатком методов управления рисками, предлагаемых в экономической литературе, является то, что в большинстве из них не предусматривается учёт реально существующих причин

возникновения предпринимательских рисков, размеров ресурсов предпринимательских структур и отраслевых особенностей.

Для принятия управленческих решений рисками для предприятий деревообрабатывающей промышленности необходимо разработать:

- модель комплексной оценки рисков, включающую метод оценки качества информации, с целью снижения вероятности их возникновения, а также метод анализа риска предприятий;

- предложить модель и схему функционирования системы обеспечения устойчивости предприятия;

- проанализировать современные методы управления рисками и предложить инновационный механизм управления на предприятиях.

На промышленном предприятии ООО «Алрус» (г. Санкт-Петербург) осуществлён анализ влияния неопределённости и риска на предпринимательскую деятельность для изучения его экономической категории. Для этого были рассмотрены содержания классической и неоклассической теорий предпринимательского риска, проанализированы современные концепции отечественных и зарубежных учёных в области управления предпринимательством. На основе изучения нормативных документов были выделены основные элементы категории «риск», составляющие его содержание и оказывающие влияние на предпринимательскую деятельность: 1) возможность отклонения от предполагаемой цели, ради которой осуществлялась выбранная альтернатива; 2) вероятность достижения желаемого результата; 3) возможность материальных и моральных потерь, связанных с осуществлением выбранной в условиях неопределённости альтернативы.

Анализ наиболее часто встречающихся видов рисков, возникающих в процессе производственно-хозяйственной деятельности предприятий, показал, что наиболее характерными для предприятий деревообрабатывающей промышленности являются отраслевые региональные и макроэкономические риски (рис. 1).

Отраслевые риски: 1. *Риски, связанные с рынками сырья*, – возможность резкого изменения цен на сырьё, изменение цен на комплектующие детали, цены на продукцию естественных монополий (электроэнергия, тепло, водоснабжение). 2. *Риски лесопромышленного комплекса*, возникающие при реализации выпущенной продукции.

Региональные риски связаны с высоким износом основных фондов, низким процентом использования производственных мощностей, слабой инфраструктурой и её защищённостью.

Макроэкономические риски возникают в связи с несовершенством системы налогообложения и государственных гарантий, снижением деловой активности в национальной экономике, нестабильной ситуацией на финансовых и товарных рынках, инфляцией, изменениями банковских процентов, налоговых ставок.

С целью повышения эффективности деятельности и конкурентоспособности предприятий деревообрабатывающей промышленности необходимо рассмотреть методы и механизмы управления рисками. В этой связи целесообразным является: во-первых, полный учёт внешних и внутренних факторов, влияющих на характер организации риск-менеджмента на предприятии; во-вторых, выделение приоритета отдельных направлений развития риск-менеджмента для конкретного предприятия.

Разные риски требуют различных методов управления, для чего исследуются и идентифицируются методы управления риском в связи с особенностями предприятий деревообрабатывающей отрасли.

Для обоснованного выбора адекватного метода управления рисками проанализирована классификация методов управления рисками, предложенных профессором Р.М. Качаловым (рис. 2).

Метод «создание системы резервов» близок к страхованию, но сосредоточенному в пределах самого предприятия. В этом случае на предприятии создаются страховые запасы сырья, материалов и комплектующих, резервные фонды денежных средств, формируются планы их развёртывания в кризисных ситуациях, не задействуются свободные мощности, устанавливаются как бы впрок новые контакты и связи, обнаруживается явное предпочтение финансовым резервам, которые могут выступать в форме накопления собственных денежных страховых фондов, подготовки «горячих» кредитных линий на случай непредвиденных затрат, использования залогов и т.п.

Для предприятия актуальными становятся выработка финансовой стратегии, политики управления своими активами и пассивами, организация их оптимальной структуры и обеспечение достаточной ликвидности вложенных средств.

Предприятие, решившее реализовать *метод активного целенаправленного маркетинга*, должно «агрессивно» формировать спрос на свою продукцию, используя различные маркетинговые методы и приёмы: сегментацию рынка, оценку его ёмкости; организацию рекламной кампании, включая всестороннее информирование потенциальных потребителей и инвесторов о наиболее благоприятных свойствах продукции и состоянии предприятия в целом; анализ поведения конкурентов, выработку стратегии конкурентной борьбы, разработку политики и мер управления издержками.

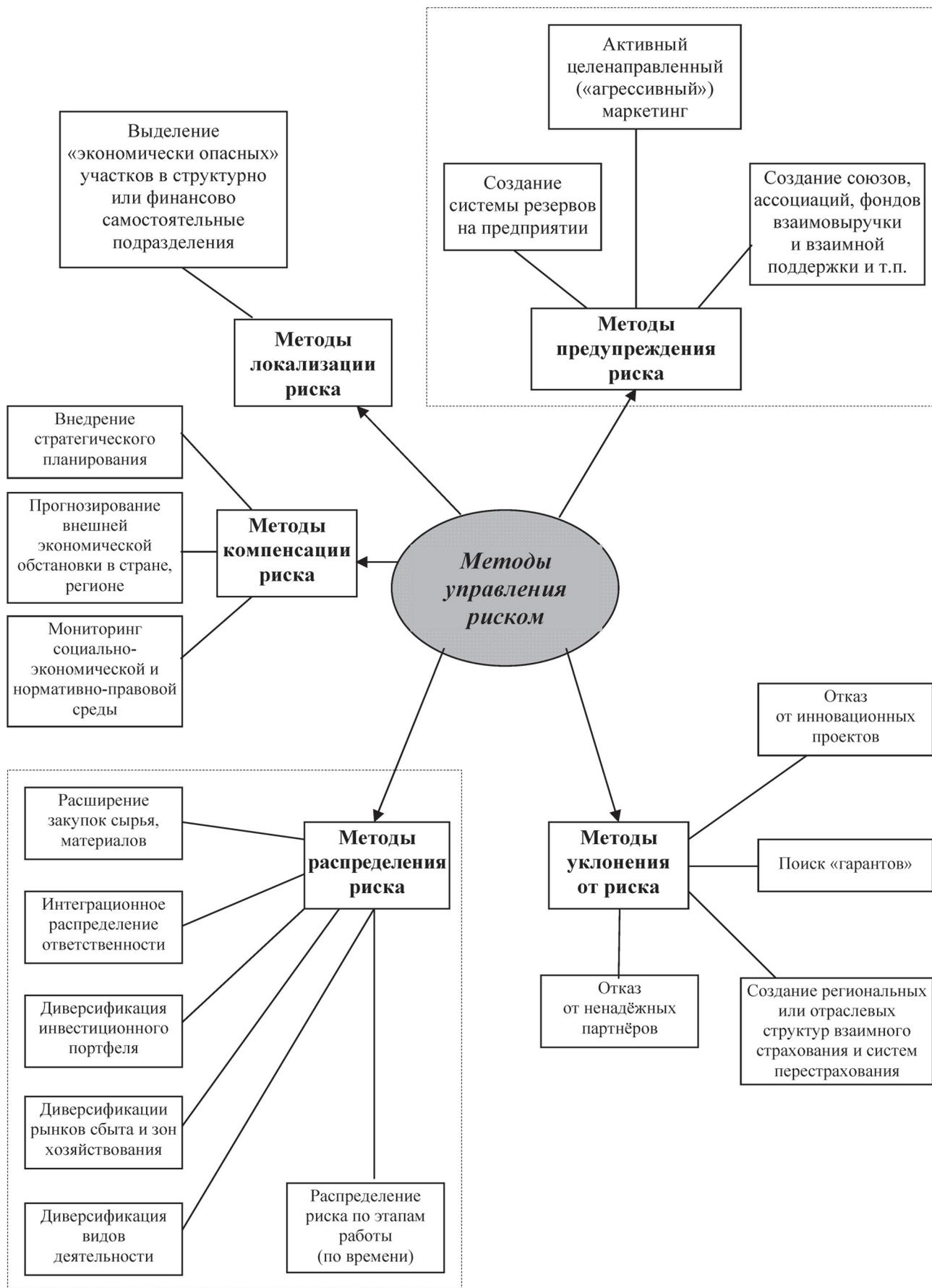
К группе методов предупреждения риска, по мнению автора, можно отнести также *создание союзов, ассоциаций, фондов взаимовыручки и взаимной поддержки предприятий*.

К методам распределения риска относятся *распределение общего риска путём объединения* (с разной степенью интеграции) с другими участниками, заинтересованными в успехе общего дела; *распределение общего риска по времени или по этапам реализации* некоторого долгосрочного проекта или стратегического решения. К этой же группе управления риском относятся *различные варианты диверсификации*.

Каждый из методов управления риском отличается степенью воздействия на снижение риска в конкретной ситуации, видом риска и сферой предпринимательской деятельности.

На практике, как для малых, так и для крупных предприятий, наиболее эффективный результат можно получить лишь при комплексном использовании различных методов управления риском, комбинируя их друг с другом в

Рис. 2. Методы управления риском



самых различных сочетаниях, не забывая при этом о достижении оптимального соотношения между уровнем достигнутого снижения риска и необходимыми для того дополнительными затратами.

Автором предлагается технология комплексной оценки риска для управления им, состоящая из отдельных процедур в предлагаемой последовательности:

1. Получение и анализ информации, характеризующей уровень риска.
2. Фиксация выявленных рисков.
3. Качественная оценка рисков.
4. Количественная оценка рисков.
5. Предварительное принятие решения.
6. Анализ критических значений.
7. Разработка мер по предупреждению или снижению риска.
8. Принятие мер к максимально возможному возмещению причинённого ущерба.
9. Окончательное принятие решения.

При этом оценка риска будет включать совокупность процедур анализа риска, идентификации источников возникновения риска, определения возможных масштабов последствий проявления факторов риска и определения роли каждого источника в общем профиле риска данного предприятия. Оценка риска, которому может быть подвержено предприятие, строится на изучении финансовых показателей предприятия и среды его функционирования как источников риска, анализе внешних и внутренних факторов риска, определении показателей оценки уровня риска.

В основе предложенной методики оценки рисков предприятий деревообрабатывающей промышленности – их систематизация и разработка комплексного подхода к определению степени, влияющего на производственно-хозяйственную деятельность предприятия.

С целью снижения вероятности возникновения риска разработана таблица для оценки качества информации, где оценку предлагается проводить по десятибалльной шкале по следующим параметрам: объём, достоверность, насыщенность, актуальность. Данная таблица позволяет проанализировать любую информацию и наглядно убедиться в её качестве.

После проведённого анализа информации предлагается произвести фиксацию рисков.

Качественная оценка рисков подразумевает: выявление рисков, присущих реализации предполагаемого решения; определение количественной структуры рисков; определение наиболее рискованных областей в разработанном алгоритме принимаемого решения.

Преимущество такого подхода заключается в том, что уже на начальном этапе анализа руководитель предприятия может наглядно оценить степень рискованности по количественному составу рисков и уже на этом этапе отказаться от претворения в жизнь определённого решения.

Для количественной оценки рисков предлагается методика оценки рисков по контрольным точкам хозяйственной деятельности предприятий. Количественная оценка рисков проводится на основе данных, полученных при качественной их оценке, то есть оцениваться будут только те риски, которые присутствуют при осуществлении конкретной операции алгоритма принятия решения. На основании обобщения результатов по проблеме количественной оценки рисков производственно-хозяйственной деятельности предприятий для количественной оценки риска автором разработана эмпирическая шкала. При использовании этой шкалы достигается высокая оперативность качественной оценки финансово-хозяйственной деятельности предприятия.

Принятие решения является ключевой и самой ответственной процедурой в оценке рисков

производственно-хозяйственной деятельности.

Автором предложено четыре этапа принятия решения:

- 1) предварительное принятие решения;
- 2) анализ критических значений;
- 3) разработка мер по предупреждению или снижению риска;
- 4) принятие окончательного решения.

Принятие окончательного решения производится на основе результатов предварительного решения и анализа критических значений, при этом автором предлагается использовать риск-информационную таблицу принятия решения.

Нестабильность экономической среды инициирует снижение эффективности функционирования предприятия, ухудшение его финансово-экономических показателей, которые, по сути, являются отклонениями от запланированных значений. Управление по отклонениям – это решения и ресурсы, которые влияют на шансы и величину нежелательного отклонения от цели хозяйственной деятельности и от планируемого результата и зависят от интенсивного влияния фактора риска на степень нежелательного отклонения от цели.

На рис. 3 приведена структурно-логическая схема управления по отклонениям в нестабильной экономической среде.

Управление по отклонениям должно осуществляться практически непрерывно, носить оперативный характер и опираться на все существующие ресурсы предприятия. При возникновении новых целей управление должно обеспечить перевод предприятия в состояние, соответствующее этим целям.

На основе анализа и обобщения положений ряда научных источников автором предложена последовательность создания системы обеспечения устойчивости предприятий (рис. 4).

Рис. 3. Структурно-логическая схема управления по отклонениям в нестабильной экономической среде

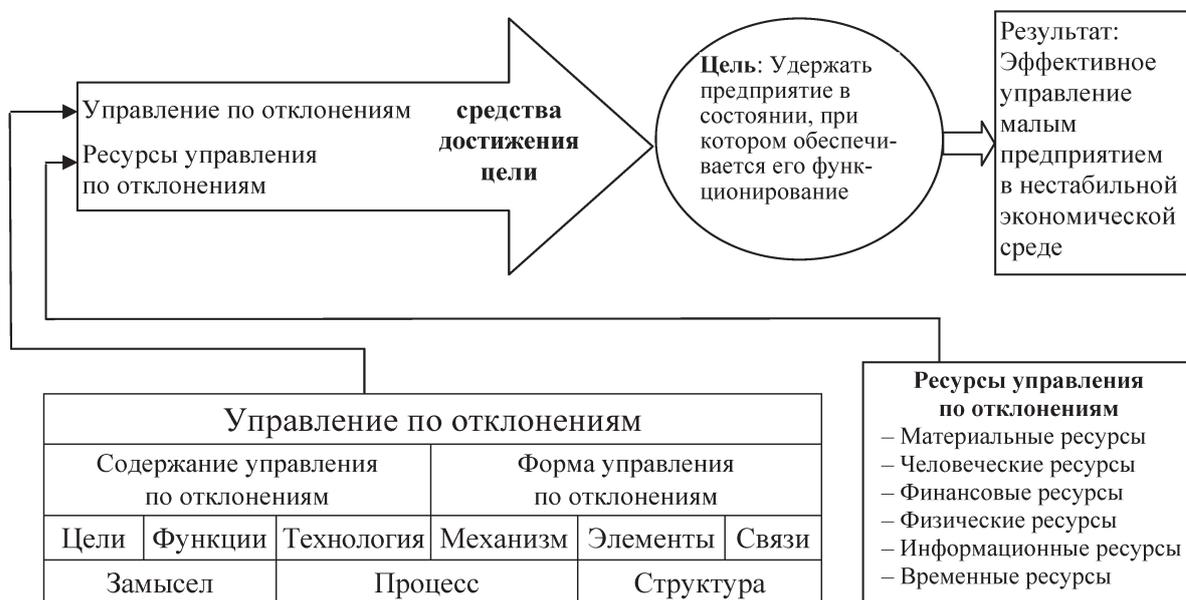


Рис. 4. Этапы создания системы устойчивости предприятий



Предлагаемая система может быть применена как для оценки уже достигнутых результатов работы по управлению риском, так и в ходе самого процесса управления рисками на этапе выбора альтернативных методов воздействия или противодействия риску.

В процессе принятия решения

по осуществлению тех или иных мероприятий по управлению рисками предложена возможная модель оценки рисков, где необходимо учитывать выполнение условий следующего неравенства:

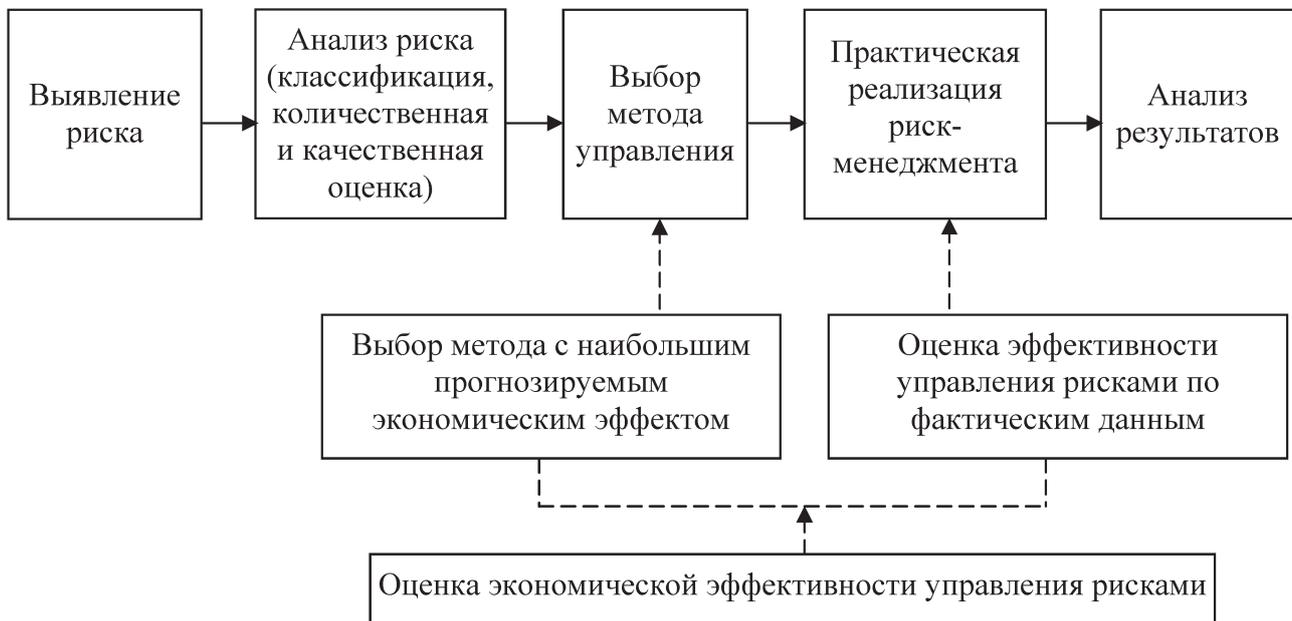
$$L \geq C, \tag{1}$$

где L – величина ожидаемого убытка в случае наступления риска;

C – совокупная стоимость мероприятий по управлению рисками.

Осуществление тех или иных мероприятий риск-менеджмента оправдано лишь в том случае, если величина ожидаемого убытка превышает стоимость управления данными рисками.

Рис. 5. Процедура принятия решения об оценке эффективности управления рисками в процессе риск-менеджмента



Практическое использование предложенной системы оценки эффективности наиболее целесообразно на следующих этапах управления рисками (рис. 5).

В работе проведена оценка

эффективности управления рисками на предприятии деревообрабатывающей промышленности.

Проведённый качественный анализ рисков показал, что основ-

ным рискообразующим фактором для деревообрабатывающей промышленности является выход из строя большей части производственного оборудования на предприятиях отрасли.

Литература:

1. Экономико-математические методы и прикладные модели / Под ред. В.В. Федосеева. – М.: ЮНИТИ, 2001. – 286 с.

Т.А. ПЕРЕВЕРЗЕВА, доктор экономических наук, НОИР
T. Pereverzeva, doctor of economic Sciences, NOIR

Теоретические аспекты институционального регулирования экономических процессов в торговле

Theoretical aspects of institutional regulation of economic processes in the trade

Аннотация: Государственные институциональные структуры могут уменьшить степень несостоятельности рынка, вызванной недостатком информации, с помощью своих регулирующих служб и улучшить распределение ресурсов, поставляя рынку больший объём информации и соответствующего качества. То есть речь должна идти о создании государственного информационного рынка, работающего в условиях действия закона о коммерческой тайне.

Abstract: The state institutional structure can reduce the degree of market failure caused by lack of information, through its regulatory services, and to improve the allocation of resources, supplying the market, more information and appropriate quality. That is, we have to talk about the creation of the state information of the market, operating under the law on commercial secrets.

Ключевые слова: регулирование экономических процессов, административно-хозяйственные решения, торговля, распределительная функция, координация разработки отечественных и международных стандартов, теоретические институционально-экономические разработки

Key words: regulation of economic processes, administrative decisions, trade, distribution function, coordinating the development of national and international standards, theoretical institutional Economics of development

Вопросы регулирования актуальны при любой базовой конструкции социально-экономической системы, в качестве которой могут быть: традиционная рыночная экономика; государственно-монополистическая экономика; централизованная государственная экономика; глобализированная экономика, связанная с транснациональными корпорациями; смешанная экономика.

Теоретически доказано, что вмешательство государства в экономику просто необходимо, даже при традиционной рыночной экономике, так как рынки несовершенны и не справляются со своей распределительной функцией [2, с. 47].

Причинами несостоятельности рынка выступают разные факторы. Наиболее часто встречающимися в литературных источниках являются следующие: необходимость поставлять общественные блага; наличие внешних эффектов; отсутствие полной информации; на-

личие монопольной власти. Все отмеченные основные проявления несостоятельности рынка можно наблюдать в той или иной степени в каждой отрасли, в том числе и в торговле.

Необходимость поставлять общественные блага в торговле проявляется в организации реализации социально значимых товаров, товаров первой необходимости по приемлемым ценам с позиции малообеспеченного населения. Государство принимает решения в отношении, вида, цены конкретного товара первой необходимости для малообеспеченного контингента потребителей. Безусловно, интересы предпринимателей ущемлены и компенсацию своих потерь они видят в увеличении цен на другие товары. Но возможен и другой путь – путь развития государственно-частного партнёрства (ГЧП). Государственно-частное партнёрство имеет широкий спектр различных форм. Например, орга-

низация специализированной сети социальных магазинов для ветеранов войны и труда, а также для малообеспеченных граждан и многодетных семей с выделением им субвенций на организацию торгового процесса.

Другой формой ГЧП являются арендные (лизинговые) отношения, возникающие в связи с передачей государством в аренду частному сектору своей собственности: зданий, сооружений, оборудования. В качестве платы за пользование государственным имуществом частные компании вносят в бюджет арендную плату.

Ещё одна форма ГЧП может представлять интерес для торговли. Мы имеем в виду организацию торговых государственно-частных предприятий. Участие частного сектора в капитале государственного, муниципального предприятия может предполагать акционирование (корпоратизацию) и создание совместных предприятий.

Степень свободы частного сектора в принятии административно-хозяйственных решений определяется при этом его долей в акционерном капитале. Чем ниже доля частных инвесторов в сравнении с государством, тем меньший спектр самостоятельных решений они могут принимать без вмешательства государства или учёта его мнения.

Возможен и другой вариант формирования капитала социальной торговой сети, когда государство может входить в капитал частного сектора.

Таким образом, государство не полагается только на частное предпринимательство и пытается регулировать производство общественных благ в нормальной конкурентной среде. Возможно, в такой ситуации может быть изменено утверждение, что государство является неэффективным хозяйственником, так как конкуренция заставит структуры государственно-частного партнёрства работать более эффективно.

Такой подход к оценке общественных благ связан со спецификой развития национальной экономики – высокий уровень бедности проживающего населения по сравнению с развитыми странами. Это позволяет говорить западным экономистам, что услуги кафе, ресторанов, магазинов не являются общественными благами [7, с. 62].

Внешние эффекты существуют в рыночной экономике, в результате чего рынки работают неудовлетворительно из-за несовпадения цен на товары, услуги с их общественными издержками производства и когда их ценность для покупателя не совпадает с выгодностью товаров и услуг для общества. В итоге присутствие внешних эффектов искажает рыночные цены, которые не отражают всех общественных издержек и выгод.

Внешние эффекты могут быть положительными (побочные выгоды) и отрицательными (побочные издержки). Когда в жилом квартале открывается новый супермар-

кет, владельцы расположенных по соседству торговых предприятий обнаруживают отрицательное воздействие на результаты их хозяйственной деятельности этого соседства (отрицательный внешний эффект). Часть нормальных издержек обращения превращаются в побочные издержки. В результате нужные услуги потребителям становятся ненужными обществу. Значит, присутствие внешнего эффекта от появления нового супермаркета нарушает процесс распределения ресурсов, и розничные цены не до конца отражают все выгоды и издержки реализации товаров.

В целом этот процесс зарождения, действия и реализации внешних эффектов носит институциональный характер, то есть мы имеем результат от действия по факту свершения различных институций (появление новых игроков, новых товаров, несоблюдение правил игры и т.д.).

Очевидно, следует говорить о существовании рынка внешних эффектов, который определяется границами, в которых для предприятий, занимающихся реализацией товаров и услуг, представляет интерес реакция других подобных предприятий на любые изменения цен, объёмов реализации и качества предоставляемых услуг.

Вмешательство государства в деятельность рынка может уменьшить влияние внешних эффектов и улучшить распределение общественных ресурсов. Регулирование внешних эффектов может осуществляться как с помощью рыночных, так и вне рыночных методов. Как отмечают авторы учебника «Экономика» С. Фишер, Р. Дорибуш и Р. Шмалензи, «пока накоплено мало опыта в использовании такого рода рыночных решений» [7, с. 66].

Одним из источников несостоятельности рынка эффективно распределять ресурсы является отсутствие получения исчерпывающей информации как потребителями, так и производителями, на основании которой можно принимать обоснованные экономические ре-

шения и исключать случаи мошенничества.

Перестраивая экономику с социалистических рельсов ведения хозяйства на капиталистические, реформаторы акцент делали на реализацию требований закона о коммерческой тайне, считая, что предприниматели могут самостоятельно добывать и анализировать необходимые данные. Был ликвидирован Госстандарт СССР, обеспечивающий институциональное регулирование гостов качества продукции. Была прервана связь по координатам разработки отечественных и международных стандартов, в результате чего наша продукция среди стран ВТО не котируется. Такие непродуманные институциональные действия объяснялись сложной структурой современных экономических и информационных систем и тем, что сбор экономической информации требует больших расходов.

В условиях недостатка качественной информации предприятия и потребители могут принимать решения, которые не отвечают их собственным интересам. А если решения основаны на недоброкачественной информации, то рынки эффективно функционировать не могут.

Положение усугубляется ещё и тем, что предприниматели не заинтересованы предоставлять информацию нужного качества и в нужных объёмах, так как это может приводить к сокращению объёмов их деятельности. Фирмы, например, слабо заинтересованы в изучении долгосрочных последствий риска для здоровья от потребления некачественной продукции.

Только государственные институциональные структуры могут уменьшить степень несостоятельности рынка, вызванной недостатком информации, с помощью своих регулирующих служб и улучшить распределение ресурсов, поставив на рынок больший объём информации и соответствующего качества. То есть речь должна идти о создании государственного информационно-

го рынка, работающего в условиях действия закона о коммерческой тайне.

Развитие рынка происходит в условиях конкурентной борьбы. Но всегда находятся хозяйствующие субъекты, стремящиеся оказывать существенное влияние на рынок, на рыночные цены, используя монопольную власть. Когда это происходит, рынок не способен эффективно распределять ресурсы. С другой стороны, существование естественных монополий неизбежно. Как в первом, так и во втором случае только государство может регулировать этот монопольный процесс путём внедрения институтов-стабилизаторов, осуществляющих контроль за ценами, за поставками продукции при непосредственном участии государства и т.д. Но наибольший эффект в борьбе с этими рыночными проявлениями, на наш взгляд, может дать введение прогрессивных штрафов, которые бы вели фирму к разорению.

Мы рассмотрели простой набор инструментов регулирования экономических процессов применительно к торговле, который ни о каких фундаментальных тенденциях не свидетельствует, если не считать наличия объединительной основы их существования в виде постоянства их развития на институциональной основе. Это обеспечивает в эволюционном плане на адаптационной основе устойчивость развития экономических систем (торговых сетей, предприятий).

Проявлению сущности, веса и значимости регулирования должна способствовать теория, концепция, выдвигаемая исследователем в целях систематизации и обобщения происходящих процессов.

Рассмотрение различных теорий регулирования позволит устранить ограниченный характер возможностей его использования в развитии экономики страны, развитии отраслей производства и сферы обращения. Знакомство с ними представляется весьма актуальным, так как объяснение поведения институциональных регуляторов в их

взаимодействии с экономическими субъектами иногда может происходить по несовпадающим по составу, формам, механизмам действия регуляций рекомендациям.

Это несовпадение вызвано отсутствием единства ответов на вопросы происхождения и роли регулирования экономики, его влияния на экономическое развитие и экономический рост, о взаимодействии государства и бизнеса при выработке мер регулирования, их осуществления, отсутствии общепринятого объяснения преобладания одних видов и форм регулирования над другими. Более того, нет даже единства по поводу определения самого термина «регулирование» [6, с. 7].

Широко используя понятия «регулирование», «управление», «менеджмент», экономисты вкладывают в них разный смысл, поэтому целесообразно предварительно разобраться в вопросе о соотношении этих категорий.

Анализируя проблему регулирования рыночных отношений, многие экономисты подчёркивают, что не может быть рыночной экономики, базирующейся на современных научно-технических достижениях, без активной регулирующей роли государства [3, с. 11].

Существует и другая позиция, согласно которой категория «управление» имеет более общий характер по отношению к регулированию и включает её в себя как часть. Следовательно, регулирование рассматривается как частный случай управления, дополняющее важнейшие управленческие функции (стратегическое планирование, прогнозирование, программирование), производя корректировку, настройку деятельности экономических систем, направляемых управлением в целом. В соответствии с толковым словарём русского языка понятие «регулирование» трактуется как упорядочивание, налаживание, направление развития чего-нибудь [4, с. 662].

В нашем случае данные соображения относятся к торговым системам и предприятиям. Управление

определяет траекторию развития системы в целом, в то время как регулирование направляет движение в соответствии с изменяющейся конъюнктурой развития и дополнительными государственными требованиями. Придерживающиеся такой позиции экономисты понимают под государственным регулированием функции внешнего управления объектом, дополняющие внутреннее управление (самоуправление), а также форму управления объектами экономической природы, связанную с осуществлением государственными органами корректирующих их управляющих воздействий, затрагивающих экономические процессы и отношения с целью придания им направленности, устойчивости, поддержания на определённом уровне посредством использования разнообразных механизмов влияния [1, с. 9].

Дополнение данной трактовки регулирования должно быть связано с уточнением методов воздействия на систему. На наш взгляд, одним из корректирующих управляющих методов воздействия должен быть институциональный метод, определяющий институциональные рамки, которые тем или иным образом регламентируют и регулируют поведение хозяйствующих субъектов.

В экономической литературе чрезвычайно широко распространены понятия регулирования, в том числе государственного регулирования, управления, менеджмента. При этом экономисты, как мы отмечали, вкладывают в эти понятия разный смысл, далеко не одинаково понимают их сущность, содержание и роль в системе социально-экономических отношений. Между тем для целей нашего исследования проблема достаточно глубокого и обстоятельного понимания всех названных выше терминов имеет принципиальное значение. Так, если рассматривать регулирование, включая и государственное, в качестве составной части управления, то из этого вытекает, что все целенаправленные воздействия на

экономические объекты относятся к управлению, а регулированию остаётся роль конкретизации, уточнения управленческих решений. Следовательно, при исследовании того или иного вида деятельности, в нашем случае торговой деятельности, государственному регулированию остаётся заниматься лишь уточнением, коррекцией всех тех воздействий, которые относятся к управлению, а не к регулированию. Это распространённая точка зрения в экономической теории. Но некоторые экономисты её критикуют [10], исходя из позиций экономической теории регулирования.

В основном авторы сходятся в одном, что регулирование, особенно на государственном уровне, хотя и выступает в качестве дополнения к управлению функционированием и развитием экономических систем, кроме того, оно – регулирование носит самостоятельный целевой характер, играет решающую роль в социально-экономических преобразованиях экономических систем, и управление при этом выступает как дополнительный фактор.

Первичность или вторичность проявления этих категорий (регулирование, управление) хорошо видна, когда рассматриваются экономические теории регулирования, например теория захвата регулятора [6, с. 54–60]. Ни о каком стратегическом управлении конкретной предметной деятельностью, где функционирует регулятор, речь не идёт. Определяется конкретная целевая текущая задача – захват института – регулятора, решения которого определяются не интересами отрасли, а целями входящих в него членов, которые делятся на денежные и неденежные составляющие. Достаточно аргументировано этот процесс был изложен в статье У. Берри [9] на примере определения цен на электроэнергию регулирующими комиссиями американских штатов.

В соответствии с теорией захвата регулятора региональные регулирующие комиссии представляют собой типичный объект захвата,

поскольку им противостоит группа фирм – производителей электроэнергии, способная легко решить проблему коллективного действия, а с другой стороны – широкое множество неорганизованных потребителей, для которого решение этой проблемы практически невозможно. Создававшаяся ситуация в решении этой проблемы совместного коллективного действия (производители, потребители), по мнению У. Берри, даёт возможность регулирующим комиссиям определять свои решения на основе целей членов комиссии, в которых выделяется денежная и неденежная составляющие.

Денежные цели членов комиссии – регулятора определяются пребыванием их в должности в течение определённого срока с соответствующим вознаграждением, наличием поддержки со стороны администрации штата, общественности и отсутствием жалоб со стороны регулируемых фирм и со стороны потребителей.

Неденежные цели членов регулятора заключаются в проведении политики регулирования, которая сформулирована на политическом и законодательном уровнях. Достижение этих целей является одним из средств реализации денежных целей. В анализируемом периоде сформулированной целью политики в области регулирования цен на электроэнергию было следование принципу покрытия издержек её производства. Цена для потребителей устанавливалась на уровне величины издержек производства плюс справедливой прибыли (*fair profit*).

На основе проведённого анализа деятельности институтов – регуляторов потребительских цен на электроэнергию в Америке У. Берри сформулировал следующие три гипотезы:

– если члены регулирующей комиссии действительно следуют денежным и неденежным целям, а не захвачены регулирующими фирмами, то чем выше издержки производства электроэнергии в рамках

штата, тем выше должны быть цены для потребителей;

– наличие в составе институтов регуляторов непосредственных представителей потребителей снижает уровень цен;

– чем больше транспарентности в работе регулятора, тем больше направлений к понижению цен, в то время как принятие решений в закрытых от общества формах должно коррелировать с тенденцией к их росту.

Таким образом, регулирование в теории захвата регулятора носит самостоятельный целевой характер, а управление производством электроэнергии в данном случае выступает как дополнительный фактор в виде общего фона развития.

Можно констатировать следующие три вида захвата регулятора (рис. 1):

– захват регулятора регулируемой отраслью (производителями);

– захват регулятора потребителями;

– захват регулятора чиновниками с их денежными и неденежными целями.

Какой бы не был жёсткий захват регулятора, мы должны признать, что эта жёсткость не должна переходить на формирующуюся структуру регулятора. Должны быть найдены оптимальные пропорции этой структуры. Например, захват осуществили производители, но в структуре института-регулятора обязательно должны быть и потребители. Однако способность противостоять захвату регулятора потребителем остаётся за производителем. Таких сочетаний консолидаций сил на захват регулятора, очевидно, практика будет преподносить предостаточно. Одним из источников этого многообразия могут быть процессы захвата в зависимости от этапа жизнедеятельности института-регулятора, которых М. Бернштейн насчитывал четыре – беременность, молодость, зрелость, старость [8].

Не отрицая наличия этих этапов, мы считаем необходимым отметить следующее. Все эти этапы жизнеде-

Рис. 1. Виды захватов в теории захвата регулятора

Производители	Регулятор	Потребители
↑	↑	↑
Захваты		

тельности института-регулятора находятся в эволюционном процессе развития. Захват может осуществляться на любом этапе, если это сулит максимизацию получения прибыли. Поэтому не убедительно звучит утверждение, что собственно захват происходит на этапе зрелости регулирующего ведомства, когда ведомство становится менее агрессивным в преследовании общественных целей, когда между ним и регулируемыми фирмами устанавливаются отношения кооперации [6, с. 55].

Самый главный недостаток такого подхода к захвату регулятора заключается в отсутствии конкретных количественных оценок, характеризующих этот процесс. Всё происходит на вербальном уровне и ближе к использованию политических рычагов, чем экономических.

Вот как в вышеприведённой работе М. Бернстайн описывает этапы процесса захвата регулятора, в большей или меньшей степени связанные с проводимой политикой партии власти. Этап беременности рассматривается как период, в течение которого конкретный институт создаётся обществом по политическим соображениям в качестве реакции на накопившиеся проблемы в той или иной отрасли. Этап зрелости рассматривается как период, в течение которого политическое и общественное внимание к ведомству ослабевает.

И последнее, заинтересованные группы, которые пытаются захватить институты-регуляторы, используют различные стратегии, которые будут увеличиваться на фоне борьбы частных и общественных интересов. К таким стратегиям относятся: прямые денежные взятки; заинтересовывание будущей занятостью чиновника непосредственно в руководстве фирмы или в дочерней организации; возникновение доброжелательного

отношения к фирме на основе сложившихся неформальных отношений; использование возможностей фирмы для ограждения ведомства от публичной критики, включая поддержку через средства массовой информации; отрасль может также использовать не прямое воздействие на ведомство через выборных политиков, получивших в своё время поддержку со стороны этой отрасли [11].

Успешность реализации хотя бы одной из этих стратегий применительно к институту-регулятору приводит к тому, что он начинает представлять уже не общественные интересы, а частные или в лучшем случае интересы отрасли в структуре государственной власти.

Характеризуя теорию захвата регулятора в целом, В.Л. Тамбовцев отмечает, что она обладает несомненными публицистическими достоинствами, поскольку даёт возможность использовать данную метафору как эффективное средство массовой информации. Так, например, в ходе развёртывания переходных процессов в середине 1990-х годов в печати при характеристике хода реформы в России широко использовалось выражение «Захват государства (олигархами)» [6, с. 58].

Аналогичная картина сложилась и в отечественном ритейле, которую мы наблюдали при разработке и принятии Федерального закона «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации».

С конца девяностых годов российский ритейл претерпел радикальные изменения, связанные с ростом сетевых компаний, современных торговых форматов, входом на рынок России международных торговых сетей и началом освоения регионов. Новая ситуация и новые правила игры породили напряжённость в отношениях между

промышленностью, сельским хозяйством (производители), с одной стороны, и торговлей – с другой стороны. (В понятие «торговля» мы включаем розничную торговлю, оптовую торговлю, общественное питание.) Торговля обвиняется в формировании политики высоких розничных цен, в дискриминации отечественных производителей; розничные сети обвиняются в доминировании на рынке.

С 2006 года сфера розничной торговли стала объектом активного интереса со стороны регуляторов федерального уровня. Этому способствовало переподчинение торговли Министерству промышленности (до этого – подчинение Министерству экономического развития), где был создан федеральный регулятор в виде Департамента государственного регулирования внутренней торговли.

Несмотря на такое внимание к торговле, оказалось, что в новом министерстве продолжает сохраняться непонимание экономического смысла сложных процессов и технологий, реализуемых в современной торговле. На это непонимание наслаиваются популистские лозунги о защите патерналистской политики по отношению к отечественному производителю, о борьбе со спекулятивным капиталом и т.д. Подобные призывы находят сочувственный отклик и поддержку в обществе. Как отмечает В.В. Радаев в своих исследованиях отечественного ритейла, что всё это означает необходимость более глубокого изучения сложившейся ситуации и длительные настойчивые разъяснения происходящих процессов на политическом, экспертном и публичном уровнях. В противном случае российский ритейл будут постоянно поджидать разного рода неприятные сюрпризы, порождённые желанием провести некачественное, поверхностное регулирование [5, с. 29].

Это организационное переподчинение торговли привело к захвату вновь созданного регулятора производителями. Причём захват

произошёл не на стадии зрелости, а на стадии его беременности, что подтверждает наше выдвинутое предположение – захват может происходить на любой жизненной стадии развития регулятора.

Известно, что законопроект разрабатывался по инициативе и под интересы Министерства сельского хозяйства, чтобы оказать поддержку поставщикам продукции, производителям. В результате был нарушен баланс интересов участников процесса регулирования по цепочке «производитель, переработчик, дистрибьютер, ритейлер, потребитель». Были нарушены фундаментальные положения экономической и институциональной теорий развития экономических процессов, к которым можно отнести следующие:

- не обоснована экономическая теория развития, в соответствии с которой будет развиваться общество;

- не учтены требования эффективного экономического закона общественного разделения труда в условиях конкурентной борьбы;

- с учётом первых двух положений не разработана концепция стратегии развития отрасли, после чего следует принимать данный закон;

- констатируется отсутствие системного подхода в решении межотраслевых экономических проблем.

Не обеспечив возможности найти ответы на требования, вытекающие из этих базовых положений, авторы предлагаемых мер регулирования торговли сконцентри-

ровали все усилия на конкретных рекомендациях, которые лежат на поверхности и которых ждут все участники этого процесса, не просчитав последствия от такого административного вмешательства.

К таким рекомендациям следует отнести:

- внедрение стандартного договора, регулирующего взаимодействие между ритейлером и поставщиком, что позволяет снять обвинения в адрес розничных сетей по поводу высоких «входных билетов»;

- определение доминирования и предельной доли рынка, которое находится в противоречии с определением порога, превышение которого, по мнению Федеральной антимонопольной службы, нарушает условия конкуренции;

- предложение несимметричных норм – ограничителей, которые распространяются на торговлю и не распространяются на производителей продукции;

- предложение по определению действительных границ рынка на основе границ административных образований при отсутствии методик их определения. Границы рынка могут быть существенно шире, чем границы муниципального образования;

- возникновение у государства возможностей регулировать цены.

Такое повышение роли административного вмешательства в гражданско-правовые отношения, как правило, ведёт к возникновению институциональных ловушек типа:

1) недостаточная конкуренция – дефицит современных торговых форматов;

2) запрещение дополнительных платежей – стихийный механизм ухудшающегося отбора поставщиков;

3) единые договорные требования для поставщиков – снижение качества поставляемой продукции;

4) отказ от официальных бонусов и других платежей – возрождение коррупционных схем;

5) сдерживание роста цен путём введения предельной торговой наценки – ухудшение финансовых расчётов с поставщиками и потребителями;

6) сдерживание роста отечественных сетей – рост западных сетей.

В то же время следует признать, что принятие закона о торговле – это один из очень важных шагов государства и бизнеса к установлению выгодных для всего общества правил игры на агропродовольственных рынках. Причём по мере изменения ситуации на них потребуются всё новые и новые шаги. Эволюционность развития и адаптация к изменяющимся условиям хозяйствования будет постоянно присутствовать. Методы регулирования будут изменяться. От грубого давления и обработки законодателей лоббисты законов будут переходить к более тонким, цивилизованным методам решения возникающих проблем, опираясь на теоретические институционально-экономические разработки.

Литература:

1. Василенко И.А. Государственное и муниципальное управление. – М.: Гардарики, 2005.
2. Морган Дж. Майкл. Руководство по изучению учебника С. Фишера, Р. Дорнбуша, Р. Шмалензи «Экономика». – М.: Дело, 1997.
3. Локтев А.А. Организационно-экономический механизм государственного управления развитием инфраструктуры транспортного комплекса региона. – Нижний Новгород: ФГОУ ВПО «Вгавт», 2006.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: АЗБ, 1996.
5. Радаев В.В. Развитие российского ритейла: меры государственного регулирования и их последствия // Современная торговля. – 2010. № 1.
6. Тамбовцев В.Л. Теория государственного регулирования экономики. – М.: Инфра-М, 2008.
7. Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р. Экономика. – М.: Дело, 1997.
8. Bernstein M. Regulatory Business by independent commissions. – Princeton: Princeton University Press, 1995.
9. Berry W.D. An alternative to the Capture Theory of Regulation: The case of State Public Utility Commissions // American journal of Political Science. – 1984. Vol. 28, № 3. – P. 524–558.
10. Downs A. An economic Theory of Democracy. – New York: Harper and row, 1957.
11. Laffont J., Tizole J. The Politics of Government Decision – Making: A Theory of Regulatory Capture // Quarterly journal of Economics. – 1991. Vol. 106. № 4. – P. 1089–1127.

С.В. ПИМЕНОВ, кандидат экономических наук,

Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет

S. Pimenov, candidate of economic Sciences, St. Petersburg state engineering-economic University

С.В. ПОПОВА, консультационная группа «Эккона», г. Санкт-Петербург

S. Popova, consulting group «Ekkona», Saint-Petersburg

О необходимости формирования технологии мониторинга инвестиционных проектов

Need for establishing a monitoring technology investment projects

Аннотация: Практическая деятельность авторов по мониторингу инвестиционных проектов позволила сделать вывод о невозможности создания единой технологии мониторинга, пригодной для всех видов инвестиционных проектов. По их мнению, только разработанная классификация проектов позволит перейти к формированию технологий мониторинга для их отдельных типов.

Abstract: The practical work of the authors on monitoring of investment projects has allowed to draw a conclusion about the impossibility of creating a unified monitoring technologies, suitable for all types of investment projects. According to them, only the classification of projects will allow us to proceed to the formation of monitoring technologies for their individual types.

Ключевые слова: инвестиционный проект, экономическая выгода, экономические интересы инвестора, целевой сценарий реализации проекта, плановый режим реализации проекта, экономическая жизнь проекта, технологии мониторинга

Keywords: investment project, economic benefits, economic interests of the investor, the target scenario project implementation schedule the project implementation, the economic life of the project, monitoring technologies

В общем случае под инвестиционным проектом понимается совокупность мероприятий, направленных на создание (приобретение) производственных возможностей, функционирование которых обеспечит получение экономической выгоды.

Авторы широко рассматривают понятие инвестиционного проекта и включают в это понятие как инвестиции в создание новых производственных возможностей (создание бизнеса «с нуля»), так и инвестиции в приобретение уже функционирующих компаний (приобретение производственных возможностей).

Главной целью мониторинга – независимо от типа инвестиционного проекта – является обеспечение инвестора информацией, которая позволит принять решение о степени соответствия фактического сценария реализации проекта

его экономическим интересам. На основе полученной информации инвестор принимает решение о целесообразности мероприятий, корректирующих содержание и сценарий реализации проекта.

Содержательным ядром технологии экономического мониторинга является формирование целевого сценария реализации проекта.

Под **целевым сценарием** понимается совокупность ключевых параметров проекта (его инвестиционная и операционная фазы), соответствующая экономическим интересам инвесторов. Таким образом, целевой сценарий представляет собой конкретизацию экономических интересов инвесторов применительно к проекту, являющегося объектом мониторинга.

В каноническом варианте целевой сценарий функционирования бизнеса представляет собой сценарий, при котором полученный

экономический результат обеспечивает возврат инвестиционных ресурсов и получение нормативной величины дохода, дополнительного к возврату инвестиций.

Нормативный уровень финансовой результативности инвестиций является формализацией степени жёсткости требований, предъявляемых инвестором, к финансовой результативности инвестиций. Степень жёсткости требований инвестора в свою очередь обуславливается содержанием экономических интересов инвестора применительно к конкретному проекту (или типу проектов).

Для формализации целевого сценария развития бизнеса необходима формализация ключевых параметров бизнеса, целостное описание всех структурных элементов проекта.

Наличие формализованного целевого сценария позволяет:

– во-первых, провести формализацию фактического сценария осуществления проекта. Способ формализации целевого сценария является языком описания для формализации фактического сценария.

– во-вторых, осуществлять сопоставление фактического и целевого сценариев.

Следует учитывать, что реализация инвестиционного проекта, а соответственно его экономический мониторинг, осуществляется поквантово. В рамках отдельного планового кванта (планового периода) плановые параметры могут отличаться от целевых параметров, установленных для данного кванта в момент принятия инвестиционного решения.

В связи с этим целесообразно введение понятия **планового режима** осуществления проекта, под которым понимается совокупность параметров проекта, которые должны быть обеспечены в отдельном плановом периоде (кванте).

Таким образом, схематично технология экономического мониторинга инвестиционных проектов выглядит следующим образом:

- формирование целевого сценария реализации проекта;
- формирование планового режима реализации проекта в рамках отдельного кванта времени, являющегося составной частью периода экономической жизни проекта;
- формализация фактического режима реализации проекта для планового (отчётного) периода;
- сопоставление фактического сценария реализации проекта с плановым режимом и целевым сценарием реализации проекта;
- разработка корректирующих мероприятий, например, пересмотр целевого сценария проекта.

В каждый данный момент времени инвестиционный проект как объект мониторинга представляет собой совокупность информации:

- о целевом сценарии проекта за период экономической жизни;
- о фактическом сценарии осуществления проекта от момента

начала проекта до данного момента времени;

– о плановом (отчётном) режиме осуществления в текущем плановом (отчётном) периоде.

Попытки использовать на практике вышеизложенный принципиальный подход сталкиваются с серьёзными трудностями. Инвестиционные проекты как объекты мониторинга крайне разнообразны, что делает невозможным использование типового инструментария. Более того, авторам неизвестно изложение в научно-методической литературе целостной технологии мониторинга инвестиционного проекта, относящегося к одному из типов проектов как объектов мониторинга.

Сформулированный тезис рассматривается ниже на примере трёх инвестиционных проектов. Авторы не претендуют на изложение исчерпывающей многомерной классификации инвестиционных проектов в данной статье. Цель рассмотрения трёх проектов состоит в демонстрации существенных различий в технологии мониторинга, обуславливаемых особенностями проектов.

Проекты с чётко очерченным, явно или неявно, жизненным циклом

Жёсткая формализация периода экономической жизни проекта (начало и завершение) может быть задана или явно (размещение бетонного завода, ориентированного на обслуживание конкретного строительного проекта на арендованном земельном участке), или неявно (запасы месторождения нерудных материалов, например, песка). Реализация проекта завершается или в момент окончания договора аренды, или в момент исчерпания месторождения.

В данном случае под целевым сценарием понимается **совокупность** состояний бизнеса, которая обеспечит инвестору нормативный уровень дохода за период экономической жизни проекта.

Чёткая ограниченность периода экономической жизни обуславливает необходимость следования заданной **траектории** развития проекта для обеспечения запланированного уровня доходности в течение всего жизненного цикла проекта.

Отрицательное отклонение от целевого сценария в определённом кванте времени (проект сгенерировал финансовый результат ниже целевого) приводит к необходимости «отыграть» недополученный финансовый доход текущего кванта и получить запланированный уровень дохода в последующих квантах. Как следствие, необходим пересмотр целевого сценария проекта от текущего момента до окончания периода экономической жизни.

Положительное отклонение (проект сгенерировал финансовый результат выше целевого) от целевого сценария в определённом кванте времени создаёт дополнительный запас прочности, который позволяет спрогнозировать новую траекторию развития проекта и создать новый вариант целевого сценария. Но при этом первый вариант сценария фиксируется и с учётом работы в последующих квантах осуществляется сопоставление плана с этими двумя целевыми сценариями. Далее следует создание либо нового варианта целевого сценария, либо возврат к базовому сценарию развития.

Таким образом, особенностью данного типа проектов является постоянное рассмотрение на протяжении периода экономической жизни совокупности состояний бизнеса. Разбиение жизненного цикла на отдельные кванты – условно и не имеет самостоятельного значения. Основой технологии мониторинга служит постоянное обсуждение необходимости корректировки целевого сценария: накопившиеся отклонения вынуждают пересмотреть целевой сценарий, если только в этом есть необходимость.

Проекты, степень успешности которых определяется выходом (или не выходом) на целевой режим

Основной задачей мониторинга является достижение целевого состояния бизнеса (целевой финансовый результат в совокупности с системой факторов, определяющих его в текущем кванте времени). Конкретная траектория выхода на целевой режим носит вспомогательный характер.

Мониторинг проекта состоит в оценке степени успешности достижения целевых показателей. Отдельный плановый период – это этап процесса выхода на целевой режим. Как следствие, ядром технологии мониторинга является декомпозиция целевого состояния бизнеса на отдельные структурные элементы, образующие многомерное пространство.

В отличие от первого типа проектов:

- период экономической жизни не является жёстко очерченным. В общем случае он равен бесконечности;

- отдельные отклонения (как отрицательные, так и положительные) не имеют принципиального значения. Если упрощённо, то выход на целевой режим компенсирует любые возникающие негативные отклонения (в разумных пределах).

Примером проекта такого рода может служить проект развития сети чайных в целях последующей

продажи. Проект предусматривал развитие имеющейся сети до целевого масштаба. Целевой сценарий реализации проекта предусматривал динамику ключевых параметров для достижения запланированного уровня доходности сети, при котором возможна продажа бизнеса по цене, устраивающей инвесторов. Планировалось открытие новых чайных, увеличение производственных возможностей фабрик, создание дополнительных офисов и т.п. Реализация проекта завершается в момент продажи бизнеса.

Проекты, предусматривающие создание (приобретение) компании со сложной бизнес-структурой

Сложность бизнес-структуры обуславливает:

- нечёткость границ бизнес-контура проекта;

- неопределённость длительности периода экономической жизни.

Крайне сложная система факторов, определяющих содержание сценария реализации проекта, не позволяет чётко формализовать целевой сценарий на бесконечный период жизни проекта. Любой вариант целевого сценария носит условный характер.

Содержание целевого сценария проекта состоит в обеспечении долгосрочной конкурентоспособности бизнеса. В частности, бизнес должен генерировать доход, доста-

точный для компенсации физического и морального износа производственных возможностей.

Ядром технологии мониторинга является:

- постоянное (по мере движения по оси жизненного цикла) генерирование версий целевого сценария;

- обеспечение явного логического перехода между смежными версиями целевого сценария;

- сопоставление фактического сценария реализации проекта с семейством версий целевого сценария.

Можно дискутировать относительно правомерности предложенного подхода к построению технологии мониторинга проектов такого рода, но очевидно, что содержание технологии мониторинга в любом случае принципиально отличается от технологий мониторинга проектов первого и второго типов.

Выводы:

1. Практическая деятельность авторов по мониторингу инвестиционных проектов позволила сделать вывод о невозможности создания единой технологии мониторинга, пригодной для всех видов инвестиционных проектов.

2. Целесообразна разработка классификации инвестиционных проектов как объектов мониторинга.

3. Классификация проектов позволит перейти к формированию технологий мониторинга для отдельных типов проектов.

М.М. РЕШЕТНИКОВ, доктор психологических наук, кандидат медицинских наук, профессор, ректор Восточноевропейского института психоанализа

M. Reshetnikov, doctor of psychological Sciences, candidate of medical Sciences, Professor, rector of East European Institute of psychoanalysis

Неочевидный образ будущего: модель и реальность Non-obvious way of the future: a model and reality

От автора: Обсуждая вопросы «модели» и «реальности», мы не можем не признать, что между ними всегда имеется то или иное несоответствие, которое обычно представлено лишь на ментальном уровне и редко становится предметом самостоятельного изучения. Профессионально мне наиболее близки подходы Вильгельма Дильтея и Зигмунда Фрейда к исследованию личности и больших масс людей с точки зрения «исторических процессов духа» и позиций понимающей психологии, цель которой – проникнуть в переживания индивида конкретной эпохи. Это проникновение в переживания, как и всё психологическое знание, – неочевидно, и в большинстве случаев я не смогу представить каких-либо веских доказательств тем или иным идеям. Поэтому в данном случае целесообразнее говорить лишь о попытке обобщить некоторые из наиболее актуальных гуманитарных проблем.

From the author: When discussing «model» and «reality», we can say that between them there is always some mismatch that typically presents only on the mental level and is rarely the subject of an independent study. Professionally I am most interested in the approaches of Wilhelm Dilthey and Sigmund Freud to the study of personality and huge masses of people from the point of view of historical processes of the spirit» and positions the understanding of psychology, which aims to understand the experiences of individuals of a particular age. This penetration of experiences, like all psychological knowledge, it is not obvious, and in most cases I can't provide any hard evidence of that or other ideas. Therefore, in this case it is better to only talk about the attempt to generalize some of the most pressing humanitarian problems.

Ключевые слова: цивилизация, демократические институты, свобода, равенство, культура, справедливость, демократия, неравенство, агрессия, терроризм, национальная идентификация, технический прогресс, человечество.

Key words: civilization, democratic institutions, freedom, equality, culture, justice, democracy, inequality, aggression, terrorism, national identification, technical progress, humanity.

Демократические иллюзии

В последние годы становится всё более очевидным: что-то происходит с демократическими институтами и идеей гражданского общества. И это «что-то» происходит не только в России. Совсем недавно почти привычными стали новые термины – «управляемая демократия», «суверенная демократия»; ранее пытались говорить о «постдемократии» и т. д. О чём это свидетельствует?

Обращаясь к такой уважаемой аудитории, вряд ли уместно апеллировать к периоду формирования демократических идей (XVIII век) и хорошо всем известным понятиям экономической и политической свободы, поэтому обратимся только к этической составляющей лозунга демократии: «равенству и

братству». Эта этическая составляющая, по сути, предлагала новую веру: в величие свободы духа и свободной личности. Последний тезис априори предполагал *естественное* (или природное) равенство всех людей, а все имеющиеся формы неравенства рассматривались как искусственные, обусловленные сложившейся в обществе несправедливостью, а также – воздействием морально устаревших социальных институтов. Считалось, что достаточно освободиться от этих институтов, как человек проявится во всём величии своих духовных и физических сил.

И здесь было первое и глубочайшее заблуждение, ибо, как убедительно доказано современной наукой, а также всем историческим и социальным опытом Человечества, люди не равны по своим

физическим, интеллектуальным и духовным качествам, и с этим, как отмечал даже Маркс, ничего нельзя поделать. Тем не менее, на протяжении двух последних столетий формальным критерием развития европейской цивилизации (и европейского гуманитарного знания, а затем – российского «нового мышления» и «демократического самосознания») оставалась апелляция к тем нравственным императивам, тем правам и свободам, которые были записаны сначала во французской революционной «Декларации прав человека и гражданина», а затем, уже в середине XX века, – во «Всеобщей декларации прав человека».

И хотя провозглашённые принципы «Свободы, равенства и братства» фактически никогда не пересматривались, в XX веке (и

особенно – в начале XXI) они претерпели существенные изменения. Но пока – не были переосмыслены.

Демократические принципы и современность

Философия позитивизма и либеральная идеология, появившаяся как преемница идей Просвещения и провозглашающая приоритеты, прежде всего – свободы экономической (следствием чего стало ещё более явное неравенство), закономерно привела к появлению социал-демократических, а затем и коммунистических идей.

С психологической точки зрения, причина достаточно очевидна – дегуманизация идей Просвещения, из которых постепенно «выхолащивались» идеи всеобщего «равенства и братства», на смену которым закономерно пришли столь же иллюзорные идеи частичного звучания: «пролетарского братства», «социалистического единства» и т.д. В итоге к началу XXI века из всего идеологического обеспечения демократии сохранилась только идея экономической свободы, обретшая новое звучание в другом иллюзорно-спекулятивном лозунге «равенства возможностей». Но и здесь также: и наука, и социальный и исторический опыт множества поколений тысячекратно подтверждают, что никакого равенства возможностей не было, и нет. Ни для отдельных людей, ни для конкретных наций, ни для тех или иных государств.

Новая эпоха

Достаточно очевидно, что мы (имеется в виду Человечество в целом) сейчас переживаем или приближаемся к смене парадигмы развития, и эта смена, скорее всего, будет осуществляться чрезвычайно болезненно и... нецивилизованно. Если мы бросим взгляд на все предшествующие эпохи нашей европейской (Христианской) цивилизации, то, прежде всего,

мы можем заметить, что все они опирались на реальные или иллюзорные гуманитарные концепции. В некотором смысле – гуманизм был стержнем развития европейской цивилизации и, соответственно, стержнем формирования личности европейского типа: поддержка слабых, забота о сирых и убогих, борьба за справедливость наполняли человечество духовными силами, даже, несмотря на то, что осуществление этих гуманитарных проектов часто граничило с огромной расточительностью и нерациональностью. Но именно эти (гуманитарные) аспекты поведения сейчас, как представляется, подвергаются сомнению или – точнее – мало верифицируются на современной картине мира. В некотором смысле сама демократия являлась своеобразным вариантом «светской теологии», и если в XIX веке «умер Бог», то в XX-м что-то подобное происходило с верой в «Свободу, равенство и братство» и, следовательно, демократией – как общемировым принципом Нового времени.

Мы вошли или входим в новую эпоху, о которой было много предсказаний, и многие считали, что это будет гуманитарная эпоха. Не разделяю этих ожиданий, и думаю, что она будет скорее технократически-информационной, с опорой на прагматизм и силу, а не на гуманизм. Более того, думаю, что она уже – почти такая. При этом прошлые достижения в сфере духовной жизни будут чем-то замещаться. Ещё не знаю – чем? Но понимаю, что наши прежние духовные ценности не могут быть переведены на язык технических систем и, уже поэтому, чужды современной эпохе.

При этом одновременно с кризисом гуманитарных идей будут ставиться под сомнение традиционные понятия смысла жизни, духовных ценностей и веры, которые являются не только существенными компонентами мировоззрения современной личности, но и входят в число важнейших механизмов «социальной механики» – систе-

мы власти и управления. Поэтому вслед за модификацией поведения людей, скорее всего, начнётся (точнее – уже началась) модификация действующих форм государственной власти практически во всех (самых демократичных) странах.

Массовые процессы и терроризм

Когда массы имеют высокие объединяющие идеи, это всегда порождает ту или иную социальную активность, особенно – в молодёжной среде. Когда таких идей нет (опять же – прежде всего в молодёжной среде) появляется качественно иное явление, которое можно было бы квалифицировать как «социальный активизм», в самом определении которого присутствует некий деструктивный компонент. Как представляется, современный социальный активизм отдельных национальных групп, включая наш «родной» русский национализм, впрочем, как и современный фанатизм отдельных направлений мировых религий и их переход в идеи мученичества и терроризма, – нужно рассматривать как явления одного порядка, и даже – как звенья одной цепи.

Привнесённая демократия (с немедленно гарантированными конституцией всеми правами и свободами), при отсутствии демократической традиции, экономически свободных граждан и сохранении тоталитарного типа самосознания социума, создаёт особую «питательную среду» для размножения вируса интолерантности и терроризма. Безусловно, особо подверженной заражению этим вирусом оказывается категория уже упомянутых социальных активистов из молодёжной среды. Во всяком случае, никто не заподозрит в террористе, скинхede или фашисте «пассивную личность». Кроме привнесённой демократии, сейчас мы сталкиваемся с «параллельным» процессом, когда перенесённые на европейскую демократическую «почву» сотни тысяч граждан из Азии и Африки с

качественно иной ментальностью и культурой (не хуже и не лучше, а именно иной) воспринимают новую реальность как общество вседозволенности и порока. И действуют соответствующим образом.

О биосоциальной природе человека

В своё время, исходя из опыта предшествующих поколений и наблюдений обыденной жизни, Зигмунд Фрейд пришёл к закономерному выводу, что каждый конкретный человек вовсе не является кладезью добродетелей и по своей природе агрессивен, эгоистичен, завистлив, самовлюблён и асоциален, совершенно не имеет спонтанной любви к труду, стремится к получению удовольствия в естественных (общих для нас с животными) и сублимированных формах, к каковым относятся все виды стремления к достижению в карьере, к власти, побуждения к художественному и научному творчеству. Поэтому каждый отдельный человек является врагом культуры, так как хотел бы иметь как можно меньше ограничений в реализации своих желаний, а культура (и только уже затем – законы) – это именно то, что налагает запреты, начиная от первородительских («некрасиво-некультурно-стыдно») и кончая «страхом осуждения социумом», на основе которых формируется такая сугубо человеческая «психическая структура», как совесть. Беднягу Фрейда почти полстолетия жёстко критиковали, но те же самые истины на протяжении, как минимум, двух тысяч лет принимались самым смиренным и восторженным образом. Сомневающиеся могут перечитать Десять заповедей и Нагорную проповедь, и убедиться, что Бог предупреждает нас не случайно, и не от каких-то отвлечённых вещей, а именно против тех пороков, которые скрыты в самой сущности человека и которые остаются нашими неизменными характеристиками на

протяжении последних тысячелетий. Таким образом, мы становимся людьми в высоком смысле этого слова не только благодаря, сколько вопреки нашей природе. И это возвышает Человека намного больше, чем паранаучный тезис о некой его «природной моральности». Вряд ли стоило бы уповать на последнюю, так же как и прогнозировать какие-либо кардинальные изменения человеческой сущности в ближайшие столетия.

Специфика современного общества

Мы живём в обществе, где (не смотря на заметные всем экономические успехи) существует очень много людей, чьи представления о социальной справедливости подверглись большим испытаниям. Эти люди хранят в себе и давние исторические, и совсем недавние психические травмы и обиды, которые не были отреагированы, и (следовательно) – остаются активно действующими. Это касается и титульной нации, и всех остальных. Никакой социальной терапии в этом направлении не проводилось, и не проводится. В надежде, что «авось, как-нибудь рассосётся». Уверен, что само – не рассосётся. Национальная идентификация – это последняя форма идентификации, когда уже больше нечем гордиться, и нет никаких объединяющих идей.

Нельзя не заметить и другого: на фоне последовательного усиления государственно-охранительного аппарата во всех развитых странах граждане чувствуют себя всё менее защищёнными. Если довести этот тезис до крайности и апеллировать к преобладающим чувствам европейцев, то получится, мягко говоря, мало приятный вывод: государство ещё может кого-то наказать, но в ряде случаев и ситуаций уже почти никого не может защитить, включая депутатов, мэров, банкиров, бизнесменов, олигархов и губернаторов, которых убивают десятками каждый год. Общими-

ровой уровень преступности за последние 30 лет увеличился в 4 раза, а в самых развитых демократиях, таких как США, в 8 раз. В России: только за последние пятнадцать лет, по оценкам независимых экспертов, также в 8 раз.

Правомерен вопрос: это неизбежное следствие демократии или её побочный эффект?

Кризис власти

Мы почему-то упорно не хотим замечать, что не только на постсоветском пространстве, а во всём европейском мире наблюдается кризис существующей формы государственной (демократической) власти и её институтов. Перед каждой личностью появилось слишком много угроз: экологического, техногенного, социального и криминального происхождения, от которых власть не может защитить (а точнее – от которых и она сама в ряде случаев оказывается беззащитной). В связи с этим граждане постепенно «переориентируют» свою лояльность на другие общественные институты (точнее – «организации самозащиты»): в том числе – крупные финансовые и промышленные корпорации с собственными армиями, а также – этнические группы, расы, религии и т.д.

Чем закончилась попытка противопоставить национализму интернационализм – всем очевидно, а идея «плавильного котла» уже давно даже не упоминается. Мы почему-то не хотим видеть, что живём в обществе, где агрессивность поощряется, и даже более того – низкий уровень агрессивности, как индивидуальная или национальная черта, в некоторых случаях подаётся как негативное качество (например, в известных фразах «о горячих» эстонских или финских парнях»). Естественная агрессивность сильно варьирует у различных этносов (здесь 50% наших межнациональных проблем), и её нельзя запретить или подавить; её можно только канализовать и окультурить.

Нет смысла обсуждать экономику – это не наша сфера. Но мы можем констатировать, что попытка совершать социальные преобразования на платформе экономизма терпит крах. Большинство из принимающих стратегические решения всё ещё не осознают, что люди живут, прежде всего, в ментальном и духовном мире, а уже затем – в экономическом пространстве.

Многие исторические победы России и европейской цивилизации в целом были не только следствием технических достижений, а обеспечивались идеалами, ради которых можно было умирать. Есть ли такие идеалы сейчас? К информационной политике, основным действующим лицом которой стал артистический бомонд, с качественно иными стандартами морали и нравственности, ещё больше вопросов. Уместно напомнить, что попытка управлять социумом посредством умалчивания, полуправды или манипуляций, как показывает недавний советский опыт, где контролировалось всё, не более чем иллюзия. Ещё один аспект, относящийся и к информационной, и к экономической политике: в любом социуме, наряду с высокими, существуют деградационно-паразитические потребности общества, формирующие высокодоходный спрос «на поле сиюминутных удовольствий», играющие на струнах «жажды лёгкого обогащения» и завлекающие барабанами «несбыточных надежд». Это нужно объективно признать, и законодательно не позволять удовлетворять такие потребности. Снисходительное демократическое отношение к якобы существующей «свободе выбора» в этой сфере – это или иллюзия, или позиция, заведомо ориентированная на деградацию. И тогда возникает следующий вопрос: кому это выгодно?

Вряд ли нуждается в специальном обосновании ещё одна простая истина: большинство современных проблем на постсоветском пространстве связаны с нравственно-

стью и государственной моралью, предельно подорванными в процессе бездумной приватизации. Хотя определение «бездумной», применительно к узкой группе экономически грамотных и стратегически мыслящих (на фоне экономически безграмотного населения), не совсем верно.

Проблема депопуляции Европы

Любой нормальный гражданин с огромной симпатией воспринимает заботу государства о повышении рождаемости, защите материнства и детства. Но есть процессы, которыми мы можем управлять, и есть исторические, цивилизационные и планетарные процессы, которые мы можем только отслеживать и заблаговременно приспосабливаться к ним. По прогнозам авторитетных экспертов, к концу XXI века афро-азиатское население будет составлять не менее 85%-90% планетарной популяции.

Уже сейчас всё «белое меньшинство» планеты оценивается в 21%, а будет 10-15% (генерация 20-летних европейцев в аналогичной планетарной популяции сейчас составляет около 13%). В ряде европейских стран от 25 до 40% (в последнем случае – в Германии) взрослого населения вообще не планируют иметь детей. Мы явно присутствуем при историческом процессе смены национальной и конфессиональной составляющей всей европейской популяции, и планирование этой новой семьи народов, скорее всего, вне нашей компетенции.

Неидеологический кризис

Уверен, что многие не согласятся, но наши демократические ценности сильно обветшали, более того, необходимо признать, что они во многом дискредитировали себя, уже не имеют того пафоса и привлекательности, за которые когда-то шли на баррикады и на смерть. Мы не заметили того, как после долгого периода развития по пути

европейского христианского гуманизма оказались без веры и идей. Мы всё ещё прибегаем к высокому слогу при описании современной действительности и всё чаще снисходительны к злу.

Это звучит не очень убедительно, но давайте внимательнее посмотрим в лицо современному кинематографу, который удовлетворяет наши эстетические потребности. Нашими общими усилиями мы создали высокую духовную и материальную культуру, получившую название Европейской. Но она не единственная. Последнее столетие мы стали сначала объединять, а потом путать культуру с техническим прогрессом, а позднее технический прогресс с цивилизационным процессом, который нарциссически идентифицируется только с европейской цивилизацией. Нет ли здесь заблуждения, или даже ряда заблуждений? Действительно ли весь неевропейский мир, в котором сейчас живет 79% населения планеты, страстно желает присоединиться к нашей преимущественно благоухающей, но местами дурно пахнущей алкоголем, безверием, наркотиками, распадом семьи, проституцией, порнографией, коррупцией и продажностью, цивилизации? А если они не захотят? Какое наказание ждёт инакомыслящих со стороны тех, кто столетиями отстаивал право на инакомыслие? Не проследивается ли здесь некая идея цивилизационного превосходства, которое ничуть не лучше расового или национального. Не являемся ли мы свидетелями ещё одного примера «духовного варварства народов утончённой культуры»?

Чему учит история?

Исторический опыт свидетельствует, что – все империи и все цивилизации конечны. И это должно нас чему-то учить. Они обязательно приходили в упадок и «разложение»: то ли «сами по себе», то ли набеги «варваров» способство-

вали. А на обломках этих империй и цивилизаций появлялись новые (включая нашу – европейскую), и, как правило, историки характеризовали это как прогресс.

Конечно, нам нарциссически хотелось бы, чтобы европейская цивилизация, к которой мы всего несколько веков назад присоединились, была бесконечно лидирующей. Но тогда мы должны согласиться с тем, что она будет последней или, как говорили совсем недавно по другому поводу, «высшей стадией развития Человечества». Вы хотели бы жить при последней цивилизации? Хочется надеяться, она – не последняя.

Культура и технический прогресс (вместо заключения)

Чрезвычайно удивительно, что даже некоторые специали-

сты считают невозможным строго дифференцировать культуру, технический прогресс и цивилизацию. Культура – сакрального происхождения, идёт от культа, а затем – из храма, она возвышена, духовна, исходно аристократична и персонифицирована, имеет высоких носителей и формирует (соответствующие конкретной эпохе) систему ценностей, идеалы и смыслы бытия. Культура – это то, что делает людей личностями. Она никогда не была массовой и не имеет ничего общего с масс или поп-культурой.

Технический прогресс – мирского происхождения, он ориентирован в основном на удовлетворения телесных потребностей, начиная от орудий охоты и земледелия и кончая всеми современными попытками покорения природы и народов (как части живой приро-

ды); он имеет свои методы, орудия и даже выдающиеся достижения, которыми может воспользоваться любой человек, в том числе – обезличенный. Цивилизация, в данном случае, в отличие от её традиционного понимания как «уровня общественного развития» (идентифицируемого исключительно с европейскими стандартами) – должна рассматриваться как непрерывный исторический процесс, развивающийся по своим (природным, в частном случае – социальным) законам, относительно независимым ни от культуры, ни от технического прогресса. Так как все её формы, начиная от древнейших и до современных, принадлежат к единой земной цивилизации, центр которой, как свидетельствует история, постоянно перемещается в географическом и этническом пространстве планеты Земля.

И.А. Федоров, аспирант НОИР г. Санкт-Петербург
I.Fedorov, PhD student NOIR

Какой молодёжи хорошо жить в России? What young people to live well in Russia?

Аннотация: Социальная политика, в частности, в отношении молодёжи, традиционно занимающаяся самыми насущными для людей вопросами – их жизнеобеспечением, социально-трудовыми отношениями, защитой прав населения в условиях рыночной экономики, всегда была самым чувствительным местом политики любого государства, индикатором его стабильности, как бы показателем его здоровья сегодня и в будущем.

Abstract: Social policy, particularly in relation to young people, traditionally involved in the most pressing people issues – their livelihoods, socio-labour relations, protection of the rights of the population in the conditions of market economy, has always been the most sensitive area policy in any state, an indicator of its stability, as would be the indicator of its health today and in the future

Ключевые слова: молодёжная политика, информационно-коммуникационные технологии, криминализация молодёжной среды, доступность образования, дистанционное обучение, контрактная служба, трудоустройство, социальная защищённость, здоровье нации.

Keywords: youth policy, information and communication technologies, criminalization of youth, access to education, distance learning, contract service, employment, social protection, health of the nation.

Сразу замечу, что не буду рассматривать роль молодёжи в обществе через классический конфликт «отцов и детей». После распада СССР в России появилось столько социальных молодёжных групп, молодёжных направлений и течений по интересам, социальному статусу, политическим убеждениям, аполитичности и т.д., что в пору жалеть социологов и всех тех, кто так или иначе занимается молодёжными проблемами. И всё же, вопрос остаётся – какой молодёжи хорошо жить в России?

В последнее время политические, экономические и социальные изменения в мире и в России ещё более обозначили неоднозначность в сфере развития молодого поколения. Во «Всемирном докладе по вопросам молодёжи, 2005 год» Организации Объединённых Наций (шестидесятая сессия) отмечается, что «после 1995 года в мире произошли многочисленные экономические и социальные изменения. Так, появилось, по крайней мере, ещё пять проблемных областей, представляющих интерес для молодёжи: глобализация; рост масштабов

использования информационно-коммуникационных технологий, которые оказывают огромное воздействие на жизнь молодых людей; распространение ВИЧ/СПИДа; более активное участие молодых людей в вооружённых конфликтах в качестве как жертв, так и комбатантов (в международном праве – лица, входящие в состав вооружённых сил воюющих государств и принимающие непосредственное участие в военных действиях. – И.Ф.); растущая значимость отношений между поколениями в стареющем глобальном обществе».

По мнению разработчиков доклада ООН, эти проблемные области затрагивают в той или иной степени молодёжь всех стран, объединяют её интересы, направления развития и трудности социализации. Глобализация, к примеру, влияет на международное разделение труда повсеместно, и молодые люди относятся к тем, кто первым ощущает на себе позитивное и негативное воздействие изменений в международной торговле и инвестиционной деятельности. Информационно-коммуникационные технологии

изменяют характер взаимодействия молодёжи как в гражданском обществе, так и в мировой экономике. Новые отношения между поколениями изменяют характер участия молодых людей в жизни гражданского общества. В результате увеличения в мире числа конфликтов с применением насилия и резкого роста масштабов распространения ВИЧ/СПИДа миллионы молодых людей оказываются подверженными риску.

Учёные различных стран также формулируют общие положительные и отрицательные тенденции в развитии молодёжи. В качестве основного тезиса они указывают, что различие в положении молодёжи в развитых и развивающихся странах становится менее наглядным под влиянием урбанизации, глобализации и формирования глобальной молодёжной культуры, зачастую насаждаемой средствами массовой информации (особенно в нашей стране). С одной стороны, современную российскую молодёжь, как и её сверстников за рубежом, отличает рост самостоятельности, практичности и мобильности, ответственности за

свою судьбу, резкое повышение заинтересованности в получении качественного образования и профессиональной подготовки, влияющей на дальнейшее трудоустройство и карьеру. Молодые люди стремятся к интеграции в международное молодёжное сообщество, в общемировые экономические, политические и гуманитарные процессы.

С другой стороны, подавляющему числу молодых людей присущ низкий уровень интереса и участия в событиях политической, экономической и культурной жизни, увеличиваются показатели смертности молодого поколения от неестественных причин. Основной группой риска является молодёжь от 15 до 24 лет (возрастное определение ООН. – И.Ф.), на эту группу приходится наибольшее количество смертей по неестественным причинам, в том числе и вследствие употребления наркотиков и заболевания СПИДом.

Растёт криминализация молодёжной среды, влияние в ней деструктивных субкультур и сообществ. Остаётся острой проблема социальной интеграции молодых людей с ограниченными возможностями, детей сирот, подростков из неблагополучных семей.

Социальная политика, в частности, в отношении молодёжи, традиционно занимающаяся самыми насущными для людей вопросами – их жизнеобеспечением, социально-трудовыми отношениями, защитой прав населения в условиях рыночной экономики, всегда была самым чувствительным местом политики любого государства, индикатором его стабильности, как бы показателем его здоровья сегодня и в будущем.

Государственная молодёжная политика в Российской Федерации имеет, это существенно, вы-

раженную социальную направленность, которая в той или иной степени охватывает вопросы политической культуры, образования, рынка труда и трудоустройства, здоровья, культурного воспитания, толерантности, асоциального поведения и т.д.

И это обосновано, поскольку многие политические лидеры, ведущие представители финансовых и промышленных кругов, международные организации сейчас называют социальную политику, наряду с экологией, приоритетом XXI века. Подчеркнём вновь, что в этом отношении цели и задачи государственной молодёжной политики в Российской Федерации по многим направлениям совпадают с правовой базой и определёнными целями стран Совета Европы, Европейского союза, Соединённых Штатов Америки.

Но только по многим направлениям. Социальное измерение России, и в частности в отношении молодёжи, развивается по иным канонам, чем, например, Европейского союза, США и Японии. Капитализм в США называют «либеральным», в Японии – «патерналистским»¹, в Европе – «солидарным». Социальная и социологическая функции молодёжи в российском обществе, которое ориентировано на обеспечение прибыли государству, предпринимателям и гарантий основных социальных прав наёмным работникам, рассматриваются на основе политики социального партнёрства с обществом, во взаимодействии с ним.

Перед каждым обществом неизменно встаёт вопрос: стабильно ли положение, значение молодёжи в обществе? Ответ очевиден – нет. При этом для власти всех уровней – исполнительной и законодательной возникает и другой вопрос: насколько власть понимает, что молодёжь –

это «один из скрытых ресурсов, который имеется в каждом обществе и от мобилизации которого зависит его жизнеспособность»², утверждал социолог и политтехнолог К. Мангейм. Далее он делает ещё один вывод, прежде всего актуальный для современной России: «Особая функция молодёжи состоит в том, что она – оживляющий посредник, своего рода резерв, выступающий на передний план, когда такое оживление становится необходимым для приспособления к быстро меняющимся или качественно новым обстоятельствам»³.

В начале 90-х годов прошлого века разрушенный государственный и общественный строй страны вызвал не только кризис власти, экономики и социально-общественных отношений. Этот строй сформировал совершенно новый тип молодых людей, которые были лишены отечественных гуманитарных ценностей и традиций. Волна западной культуры в самом широком смысле захлестнула молодое российское общество. Приходится говорить и о том, что из действительно богатой современной западной культуры многие молодые люди почерпнули её самые отрицательные стороны: криминал, жажду к лёгким деньгам, отвержение нравственных устоев, духовный кризис. По сути, ни власти, ни политикам, ни быстро формирующемуся классу бизнесменов не было дела до молодёжи (не считая людей, инициирующих федеральное законодательство в сфере образования, а также депутатов, принявших декларативные региональные законы, посвящённые молодёжи). Её использовали лишь в политических интересах создающиеся партии, кандидаты в депутаты всех уровней, на выборах президента страны...

За молодёжь как-то боролись

¹ Патернализм (paternalism) – система, посредством которой правительство (организация) обращается с подданными (служащими), создавая авторитарную модель семейных отношений, то есть отношений властного, но доброжелательного отца со своим ребенком. Большой толковый социологический словарь. Дэвид Джерри, Джулия Джерри. – М.: ВЕЧЕ-АСТ, 2001. Т. 2. – С. 12.

² Мангейм К. Диагноз нашего времени. – 2004. Глава III.

³ Там же, глава III.

школы, вузы и министерство образования. Но и они сталкивались с агрессивностью многих средств массовой информации, проповедовавших в целях получения больших доходов сомнительные нравственные примеры из жизни российского и зарубежных обществ.

В статьях 60 и 97 Конституции Российской Федерации закреплены положения, что «гражданин Российской Федерации может самостоятельно осуществлять в полном объеме свои права и обязанности с 18 лет» и «депутатом Государственной Думы может быть избран гражданин Российской Федерации, достигший 21 года и имеющий право участвовать в выборах». Зачастую положения этих статей реализовывались формально по причине социальной апатии, охватившей значительную часть российской молодежи.

Понимание опасности потерять молодое поколение и, следовательно, перечеркнуть будущее страны, затормозить её демократическое развитие начало приходить к политикам ещё в начале 90-х годов, а фактически во второй половине 90-х годов, когда был принят федеральный закон «Об основах государственной молодежной политики в Российской Федерации»⁴. До принятия данного закона, продекларировавшего основные права молодежи и обязанности перед ней государства, работа с молодыми людьми чаще всего строилась на основе законодательств субъектов Российской Федерации с учётом социальных потребностей молодежи, национальных традиций, особенностей территорий. Здесь важную роль сыграли, и это стоит признать, бывшие номенклатурные работники КПСС и ВЛКСМ, ассимилированные к новым политическим условиям. Был востребован опыт работы партии коммунистов с молодёжью, естественно, в современных условиях.

Таким образом поддерживались хоть какие-то традиции воспитания молодых людей, проводились мероприятия по их социальной адаптации.

Национальные молодёжные политики строятся и реализуются в русле государственных исторических традиций, задач экономического и социального развития, решения различных гуманитарных проблем. Наднациональная молодёжная политика, активно проводящаяся ООН, Советом Европы и Европейским союзом, опирается на «усреднённые» проблемы и цели в молодёжной среде. Именно этот усреднённый подход позволяет использовать международный опыт в российской действительности. Здесь в первую очередь можно выделить следующие общие направления: успешная социализация молодёжи, достижение консолидации общества (что особенно важно в свете октябрьских и ноябрьских 2005 года и последующих событий во Франции), патристическое и гражданское воспитание, формирование толерантности у молодёжи, поддержка одарённой творческой молодёжи, развитие молодёжного самоуправления, создание условий для социальной адаптации молодёжи, в том числе и в международных масштабах, формирование здорового образа жизни, профилактика асоциального поведения и экстремизма, поддержка молодых семей в решении нравственных и социальных проблем. Особо следует подчеркнуть, что в проведении национальной государственной политики в развитых странах молодёжь практически не рассматривается как социально затратная группа.

Два из трёх основных показателей, характеризующих положение молодых россиян – образование и занятость, находятся на достаточно высоком уровне и по относительной величине вполне сопоставимы с показателями в отношении

сверстников в различных странах. Однако и в сфере образования, и в сфере трудоустройства наблюдается высокая межрегиональная дифференциация, отражающая неравенство уровня социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, результатом которой становится неравенство доступа к качественному образованию и, в конечном счёте, снижение уровня человеческого капитала и конкурентоспособности региона. Последнее, в свою очередь, ведёт к ещё большей межрегиональной дифференциации по уровню социально-экономического развития. Аналогичная картина наблюдается и по другим характеристиками молодого поколения – заболеваниями, травматизму, преступности.

В сфере образования преобладает значительная межрегиональная дифференциация в основных показателях допустимости (охват, выпуск и др.), в том числе доступности общего образования повышенного уровня, в доступности высшего профессионального образования в виду неравномерности образования, неравномерности размещения высших учебных заведений на территории Российской Федерации, в доступности качественного образования для сельской молодёжи.

Анализ качества образования и трудоустройства молодых людей показал, что имеет место несоответствие структуры выпуска по ступеням образования и содержания как общего, так и профессионального образования требованиям рынкам труда и социализации молодого поколения.

В результате широкое распространение получило трудоустройство не по специальности, занятие молодыми выпускниками рабочих мест, не требующих столь высокого уровня образования, отказ от работы как результат завышенных ожиданий и самооценки. Но

⁴ Принят Государственной Думой 27 октября 1999 года. Одобрен Советом Федерации 11 ноября 1999 года.

при этом молодёжь на российском рынке труда в целом выступает в качестве наиболее мобильной части населения, характеризующейся относительно более высокой скоростью адаптации к требованиям рынка. Поэтому в целом в России в настоящее время возможности трудоустройства у молодёжи не меньше, если не больше, чем у лиц средних и старших возрастов, даже несмотря на отсутствие у молодёжи опыта работы.

Теоретически, уровень занятости среди молодёжи обратным образом зависит от масштабов участия молодых людей в образовании. Однако на практике связь между долей занятых и долей учащихся среди молодёжи на региональном уровне практически не просматривается. Во многих случаях доля занятых и доля учащихся в молодёжных возрастных группах связаны не обратной, а прямой связью, т.е. в регионах с низким уровнем занятости молодёжи одновременно наблюдаются низкий уровень охвата молодёжи образованием. В связи с этим особое внимание привлекает наиболее «проблемная» часть молодёжи, а именно те, кто не работает и не учится. Именно эта группа должна быть центральным объектом молодёжной политики на рынке труда (в том числе и в связи с необходимостью расширения возможностей занятости инвалидов). Ясно также, что определённая часть группы не работающих и не учащихся лиц в первую очередь является потенциальным источником молодёжной преступности. Структура заболеваемости среди молодёжи во многом определяется сложившейся социально-экономической ситуацией в нашей стране. В структуре причин инфекционных заболеваний среди молодого поколения России на первом месте стоят туберкулез, ВИЧ/СПИД и инфекции, передающиеся половым путём. Большую озабоченность вызывает болезнь органов дыхания, заболеваемость которыми увеличивается с годами. Среди причин заболеваемости ор-

ганов дыхания первое место занимает курение табака.

Состояние здоровья молодёжи (особенно распространение туберкулеза, курения и алкоголизма, травматизма и смертности от внешних причин) имеет чётко выраженную региональную привязку, также на прямую связанную с уровнем социально-экономического развития регионов.

Имеющиеся данные свидетельствуют о наличии существенных различий и в уровне молодёжной занятости по стране. Высокий уровень дифференциации занятости по регионам частично связан с объективными региональными экономическими условиями – общей экономической ситуацией, состоянием рынка труда, отраслевой структурой экономики и т.д. Кроме того, существенное влияние на региональные показатели занятости молодёжи оказывает территориальное размещение учебных заведений (особенно вузов).

Безработица среди молодёжи зависит, в первую очередь, от общей ситуации на рынке труда в данном регионе, т.е. тесно связаны с общими показателями безработицы для всего населения. При этом, как и в старших возрастных группах, характеристики положения молодёжи на рынке труда улучшаются с повышением уровня образования. Чем выше уровень образования, тем ниже доля безработных в численности соответствующей группы. Выпускники высших учебных заведений испытывают проблемы с трудоустройством в наименьшей степени (хотя, к сожалению, далеко не всегда речь идёт об устройстве на работу по специальности). Несколько больше сложностей с трудоустройством испытывают выпускники среднего и начального образования, хотя и здесь имеющиеся сложности в среднем по России не имеют критического характера.

Проблема молодёжной преступности также имеет региональный аспект и требует индивидуальной

работы с молодёжью из социальных групп риска на местном уровне. (Была любопытная инициатива МВД России ввести должность семейного милиционера. Только не ясно, он будет подменять или дублировать служебные обязанности участкового милиционера? Но сейчас это вопрос не рассматривается.) Одновременно с этим в молодёжной преступности наметились определённые опасные тенденции, требующие незамедлительной реакции. К таким тенденциям следует отнести рост удельного веса тяжких преступлений в структуре молодёжной преступности и повышение их жестокости, рост доли преступлений, совершаемых в группе, а также рост рецидивности преступлений. Последнее связано со многими факторами, но активная политика помощи тем, кто совершил преступление, вернуться в нормальную жизнь, может и должно стать важной составляющей молодёжной политики.

Взаимоотношения молодёжи и власти, молодёжи и закона, молодёжи и гражданского общества нуждаются в чёткой регламентации в виде Федерального закона «О молодёжи» (прямого действия!).

Закон должен обобщить российское законодательство в части, касающейся молодёжи. В основу такого закона могут быть положены следующие принципы (выводы):

- крупные политические силы должны заниматься молодёжной политикой;

- в российском обществе необходима выработка идеологической составляющей в процессе проведения молодёжной политики, основанной на общемировых и национальных человеческих ценностях;

- социальная и политическая активность молодёжи должна регулироваться общенациональными задачами развития общества;

- если молодёжь остаётся без государственного или политического влияния, она становится добычей разного рода экстремистов – это в худшем случае, в лучшем – крупного

лоббистского капитала, использующего разные формы формирования у молодых людей узконаправленных интересов (сытая жизнь, стремление к накопительству, отвлечение от демократических и иных преобразований и т.д.);

– молодежи нужны примеры для подражания (художественные, литературные и т.д.), необходимы молодежные лидеры; необходимо их представительство в органах законодательной и исполнительной власти на федеральном и региональном уровнях; в частности, следует лимитировать (процентно) такое представительство для политических партий;

– необходимо задействовать государственные средства с привлечением частного капитала для создания Всероссийского молодежного телеканала; Всероссийского молодежного радиоканала; Всероссийского информационного молодежного центра (с представительствами в федеральных округах);

– в законе «О молодежи» следует предусмотреть финансовую поддержку деятельности молодежных общественных организаций, объединений, движений, кооперативов, предприятий; причём участие

частного капитала компенсировать предоставлением льгот, принимая его за оказание благотворительности, за меценатство;

– политическая, экономическая и социальная нестабильность в обществе является благодатной средой для криминализации молодежи, её отхода (смены) от традиционных ценностных ориентаций, включая семейные. В связи с этим следует пересмотреть российское законодательство в части ужесточения наказания за проявления экстремизма, фашизма и других неприемлемых форм расовой дискриминации;

– следует законодательно предусмотреть возможность получать образование в местах лишения свободы, развивая дистанционные формы обучения;

– в связи с переходом на годичный цикл прохождения службы в Вооружённых силах, а также дальнейшего развития контрактной системы следует пересмотреть срок несения альтернативной службы с уменьшением его до полутора лет;

– необходимо не допускать манипулирование молодежью; контроль за этим может и должна осуществлять Общественная палата при Президенте Российской Федерации;

– интересы российской молодежи должны соприкасаться и иметь общие ценности с молодежью западных стран; этому могут содействовать общие принципы ООН, ЮНЕСКО, Совета Европы, Европейского союза в части формирования и проведения молодежной политики;

– молодежная государственная политика, задачи вовлечения молодежи в общественно-политическую жизнь общества должны быть многоплановыми и в первую очередь социально ориентированными;

– в проведении молодежной политики на региональном уровне целесообразно объединение ресурсов и усилий через постоянных представителей Президента России (координирующая деятельность) в федеральных округах.

В России существует множество мнений в отношении проведения государственной молодежной политики. Мною затронуты лишь вопросы, решение которых возможно уже в самом ближайшем времени, которые помогут федеральным и местным органам власти сделать молодежную политику более целостной и конкретной.

С.Ф. АНИСИМОВА, старший преподаватель кафедры социологии Северо-Западной академии государственной службы
S. Anisimova, senior lecturer, Department of sociology, North-West Academy of state service

Развитие социального партнёрства как условие становления гражданского общества в России

The development of social partnership as a condition of development of civil society in Russia

Аннотация: В статье осуществляется анализ механизмов и типов современного солидарного поведения в социально-трудовой сфере. Автор проводит анализ проблем социального партнёрства и практического обеспечения баланса реализации коренных социально(экономических) интересов работников, работодателей и государства на рынке труда. Автор рассматривает социальное партнёрство как одно из условий становления гражданского общества.

Abstract: The article examines the mechanisms and types of modern solidarity behavior in social and labor sphere. The author analyses the problems of social partnership and practical balance the implementation of indigenous social(economic) interests of workers, employers and the state in the labour market. The author considers social partnership as one of the conditions of formation of civil society.

Ключевые слова: социальное партнёрство, гражданское общество, социально-экономические интересы, трудовая мотивация, коллективный договор, социальное пространство, профессионализм, модели социального партнёрства, квалифицированный труд.

Keywords: social partnership, civil society, socio-economic interests, work motivation, collective agreement, social space, the professionalism, the model of social partnership, skilled labor.

Изучение процесса формирования и особенностей развития системы социального партнёрства на уровне регионов является одной из важнейших научных проблем, исследование которой позволяет раскрыть закономерности и тенденции, выявить механизмы и типы солидарного поведения в социально-трудовой сфере, обнаружить пути согласования интересов различных социальных групп, слоёв и классов. На наш взгляд, это, несомненно, будет способствовать становлению гражданского общества в России.

При анализе механизмов и типов современного солидарного поведения в социально-трудовой сфере можно заметить, что на первый план выходят потребности теоретического анализа проблем социального партнёрства и практическое обеспечение баланса

реализации коренных социально-экономических интересов работников, работодателей и государства на рынке труда.

Существует ряд проблем, сдерживающих в настоящее время развитие экономики в Российской Федерации. К таковым можно отнести, прежде всего, профессионально-квалификационный дисбаланс между спросом и предложением рабочей силы; существенное различие образовательных услуг и потребности рынка труда; плохое сопряжение сферы труда и сферы образования в классификации профессий и специальностей, несогласованности в основных понятиях (профессия – квалификация – специальность) и т.д.

Изменение отраслевой структуры народного хозяйства привело к сокращению численности занятых в промышленности и сельском

хозяйстве, увеличению – в сфере обслуживания, информации и новых наукоемких производствах, что способствовало возникновению структурной безработицы. Главными проблемами на региональном рынке труда в этом году по-прежнему остаются:

– нарастающий дефицит квалифицированных кадров, особенно с начальным и средним профессиональным образованием;

– серьёзные деформации профессионально-квалифицированной структуры и низкое качество рабочей силы.

Анализ динамики показателей занятости и безработицы показывает, что в числе наиболее острых и сложных социально-экономических проблем нашего общества остаются проблемы занятости молодёжи. Особую тревогу вызывает проблема снижения

трудовой мотивации и экономической активности у части молодёжи. Среди малообеспеченных граждан России, по информации Росстата, одну треть составляют мужчины в возрасте 16–35 лет. Одной из причин этого является нежелание работать в официальном секторе экономики, что вызвано сохранением большого числа низкооплачиваемых, неквалифицированных и малоэффективных рабочих мест. Другой причиной является отсутствие гарантий (стабильность бизнеса, социальные гарантии, условия, охрана и безопасность труда, график работы и т.п.).

Кроме снижения трудовой мотивации и экономической активности в молодёжной среде происходит изменение ментальности: от идейности и содержательности труда к естественной потребности иметь хороший доход. Поскольку «денежные (монетарные) мотивы являются «фундаментальной гипотезой человеческого капитала», то регулятором спроса и предложения на рынке образовательных услуг, а следовательно, и цены образовательной услуги, выступает показатель ожидаемой доходности профессии. Следствием этого, по мнению Бакштановского В.И. и его коллег, явился кризис профессионализма – ведь профессионал ориентирован на деловой успех в работе, даже когда ограничен в престиже, доходах, социальной значимости и независимости. Тенденция общества к депрофессионализации, увеличению числа мало престижных и социально-незащищённых профессиональных сфер является причиной отсутствия и добровольно-вынужденного отказа от официального профессионального статуса. Появилась новая профессия «просто дилетант с дипломом». Это формирует готовность к смене предпочтительной профессиональной сферы на «соблазнительную», без профессиональных оснований (подготовка, опыт, умения, перспектива).

Понятия «профессиональное призвание», «жизнь в профес-

сии», «служение делу» начали утрачивать свою актуальность в молодёжной среде, стали старомодными. Передислокация от профессионального успеха в сторону успеха жизненного приводит к нюансировке выражений «состоявшийся – состоятельный», «успешный – преуспевающий». Успех профессиональный ассоциируется с удачливостью (минимальность вложений в дело с максимальным вознаграждением за труд).

Изменилось и отношение молодёжи к образованию, которое, как известно, является определяющим фактором формирования человеческого капитала индивида и трудового капитала общества. Неэффективное использование потенциала молодёжи нанесло ущерб, как самому индивиду, так производству и обществу в целом. Были упущены возможности роста доходов и благосостояния, как самого работника, так и государства. Нереализованность творческого потенциала молодёжи приводит либо к поиску путей выхода из порочного круга, т.е. нарастанию миграции, либо к усилению депрессивных настроений и негативных явлений в обществе (алкоголизм, наркомания, рост ювенальной преступности).

Поэтому неконтролируемая работа «кузницы кадров» и неограниченный выпуск и потребление образовательных услуг отнюдь не безобидные занятия. Современное состояние экономики сегодня оценивается как благоприятное только для западных инвесторов, поскольку рынок труда насыщен дешёвой молодой рабочей силой. Явное перепроизводство рынком образовательных услуг отдельных категорий специалистов привело к тому, что на рынке труда менеджеры, бухгалтеры, юристы, психологи без опыта работы не востребованы. Молодые специалисты с высшим образованием работают продавцами, рекламными агентами, секретарями, диспетчерами, водителями, сотрудниками охраняемых структур и т.п.

Для анализа ситуации в сфере занятости и поиска путей решения проблем в этой области необходимо уточнить и определить различия в понятиях «занятость» и «труд». Как известно, труд – это деятельность, протекающая в рамках определённого рабочего времени. Труд, как всякая деятельность, периодически сменяется другими видами деятельности – отдыхом, учёбой и т.д. После официального признания в стране безработицы (1991 год) потребовалось введение нового определения понятия занятости и принятия соответствующих законов.

В статье 1 Федерального закона «О занятости населения в Российской Федерации» «занятость – это деятельность граждан, связанная с удовлетворением личных и общественных потребностей, не

противоречащая законодательству РФ и приносящая, как правило, им заработок, трудовой доход». Этим же законом определены основные принципы в сфере занятости, которыми являются:

- во-первых, ответственность государства за создание условий для реализации права граждан на трудовую занятость;

- во-вторых, исключительное право граждан распоряжаться своими способностями к трудовой деятельности.

В отличие от труда занятость – это не только деятельность, но и общественные отношения между людьми. Эти отношения не прерываются, пока работники продолжают оставаться в определённой подсистеме производственных отношений. Поэтому человек считается занятым, если имеет связь с рабочим местом, работает в порядке индивидуальной трудовой деятельности, предпринимательства и т.д. Это послужило основой для появления различных форм занятости: полная, продуктивная, рациональная, неполная, самостоятельная, эффективная. А также появились различные формы нестандартной занятости: гибкая, временная, сезонная, вторичная.

Необходимость в регулировании рынка образовательных услуг очевидна. Для реализации государственной политики в области содействия занятости молодёжи, направленной, прежде всего, на развитие трудовых ресурсов, необходимо скоординировать взаимодействие рынка труда и рынка образовательных услуг.

Решению проблемы занятости молодёжи может способствовать только устойчивое социальное партнёрство между государством, работодателем и работниками. Создание современной эффективной системы социального партнёрства в России является необходимым условием для регулирования принципиально нового типа социально-трудовых отношений, характеризующегося существенным различием коренных интересов работников и работодателей.

В этой связи особую научно-практическую значимость приобретает исследование социального партнёрства, получившего широкое развитие в мировой практике. Изучение зарубежного опыта социального партнёрства, возможность его адаптации в российской экономике, анализ отечественной практики в сфере регулирования отношений в сфере занятости могут способствовать профилактике острых конфликтных ситуаций, созданию оптимальных условий для реформирования трудовых отношений.

Актуальность исследования проблемы определяется прежде всего отсутствием устоявшихся подходов к терминологии. Понятие «социальное партнёрство» по-прежнему является дискуссионным и трактуется по-разному. На наш взгляд, социальное партнёрство представляет собой особый вид общественных отношений в социально-трудовой сфере, строящихся на согласовании и отстаивании интересов работников, работодателей, властных структур путём договоров, соглашений, достижения взаимных компромиссов по актуальным проблемам социально-

экономического развития общества. Теоретико-методологической основой социального партнёрства являются труды М. Вебера, Э. Бернштейна, К. Маркса, Ф. Энгельса, Э. Дюркгейма, Р. Дарендорфа. Длительный процесс формирования и эволюции отношений между трудом и капиталом, наёмными работниками, работодателями и государством определил взаимозависимость сторон в социально-трудовой сфере.

В условиях перехода к капитализму в числе первых авторов, рассматривающих характер и последствия процессов формирования новых социально-трудовых отношений в России и необходимость сотрудничества как вида социального взаимодействия в сфере труда, были Витте С.Ю., Валув П.А., Коковцов В.Н., Столыпин П.А., Янжул И.И. и другие. Регулированию трудовых отношений на рубеже XIX-XX вв. посвящён обширный круг научной литературы, в которых содержится анализ российского фабрично-заводского законодательства и анализ деятельности общественных объединений рабочих, промышленников и предпринимателей. Определённый интерес представляют работы В.И. Ленина, и особенно его ранние произведения. Несмотря на сказанное выше, социальное партнёрство как объект в работах советского периода исследовано недостаточно. Встречаются работы, в которых оно характеризовалось даже как «чуждое социализму» явление.

При анализе развития социального партнёрства в советский период Федюлин А.А. выделяет две стороны проблемы: конфликтную и интегративную.

Первая, широко представленная в социологической и политологической литературе, в основе содержит убеждение в непреодолимой антагонистичности классовых противоречий в капиталистическом обществе, а значит, вредности идеологии и практики социального партнёрства. Шагом

на пути к установлению диктатуры пролетариата является, по мнению многих авторов, рабочий контроль над производством.

В основе трудов представитель интегративного направления лежит обоснование взаимосвязей теории социальных конфликтов, их регулирования и достижения соглашения. Они уделяют наибольшее внимание выявлению эффективных средств управления конфликтами, исследованию путей, ведущих к достижению социального согласия.

На рубеже 90-х годов прошлого века началась разработка теоретических проблем сотрудничества различных социальных сил в социально-экономической сфере. В научный оборот были введены основные категории партнёрских отношений, такие как предпринимательство, рыночная экономика, конкуренция. В научной литературе этого периода анализируются подходы к определению содержания понятия «социального партнёрства» как сложного противоречивого общественного процесса, как механизма регулирования социально-трудовых отношений, как одного из видов корпоративизма постиндустриального общества, как идеологии демократического общества рыночной экономики, альтернативы классовой борьбе и др.

На наш взгляд, представляет интерес анализ методологических проблем социального партнёрства, субъектов и институтов, принципов и технологий функционирования. (Н.А. Волгин, В.А. Киселев, В.А. Михеев, И.Н. Мысляева, Г.Ю. Семигин, Т.С. Сулимова, Б.Г. Пономаренко и др.). В целом вклад российских учёных в разработку теории и практики социального партнёрства без сомнения позитивен. Однако необходимо отметить, что недостаточно раскрыты региональные аспекты и особенности становления и развития социального партнёрства в условиях формирования рыночных экономических отношений; роль органов государ-

ственной власти в формировании и развитии системы социального партнёрства; принципы, механизм и технологии взаимодействия региональных властных структур с общественными объединениями в системе социального партнёрства и ряд других.

Особое значение приобретает практическая реализация принципов социального партнёрства при регулировании социально-трудовых отношений в сфере образования. В этой связи, в первую очередь, необходим анализ процесса становления и развития системы социального партнёрства как социального института общества, включающего в себя целую совокупность организаций и объединений государственного и общественного характера.

В определении социального партнёрства мы исходили из социологического подхода, поэтому мы определяем понятие следующим образом:

1. Социальное партнёрство есть социальная система взаимодействия социальных субъектов, социально-экономические интересы которых принципиально различны, а иногда и противоположны, однако достижение этих интересов невозможно без определённого согласования позиций субъектов.

2. Неопределённость социального партнёрства рассматривается как внешняя аномалия в поведении системы, которую необходимо преодолевать; она трактуется как её неотъемлемая характеристика, что существенно расширяет возможности теоретического анализа особенностей функционирования социальных систем.

3. Синергизм способен обеспечить значительное усиление позиции социального партнёрства в обществе, однако его достижение также может быть сопряжено и со значительными трудностями, возникающими в процессе формирования механизмов, систем и процедур получения синергетических эффектов.

С социологической точки, социальное партнёрство – это многоплановый социальный феномен, связанный не только с вариантно-стью форм общественного устройства, но и с определёнными этапами его развития и зрелости. Социальное партнёрство, как общественное явление, тесно связано с осуществлением власти. Характер партнёрских взаимоотношений определяют потребности, интересы и цели сторон. В связи с этим социальное партнёрство может быть направлено либо на прогрессивное, либо деструктивное развитие социальных процессов. Степень результативности партнёрства во многом зависит от заинтересованности сторон в сотрудничестве, взаимодействии и кооперации усилий, в их способности и стремлении идти на определённые уступки, компромиссы. Поскольку социальное партнёрство функционирует в социальном пространстве, то во многом зависит от него. Современная теоретическая социология, переосмысливая масштабы социального пространства и его основные характеристики, фиксирует внимание не только и не столько на социальной структуре, сколько на социальных процессах.

Основными причинами, сдерживающими развитие социального партнёрства, как эффективного механизма регулирования социально-трудовых отношений, являются:

– медленное формирование организационных структур работодателей;

– слабое развитие системы коллективно-договорного регулирования социально-трудовых отношений в организациях негосударственных форм

собственности, в т.ч. секторах малого и среднего бизнеса;

– формальное отношение к коллективным договорам;

– резкое снижение мотивации к производительному труду.

Мы можем предложить следующую классификацию проблемы:

– по уровню ведения коллек-

тивных переговоров;

– роли и месту органов государственного управления в системе социального партнёрства;

– степени участия работников в управлении предприятием; по характеру взаимодействия профсоюзов с органами государственной власти;

– по специфике взаимоотношений профсоюзов и объединений работодателей;

– по политической ориентации системы социального партнёрства (социал-демократическая, консервативная, социалистическая и др.).

Общепринятыми в мире считаются три основных модели социального партнёрства. Первая модель характерна для стран Северной Европы (Финляндия, Швеция, Бельгия, Норвегия, Голландия). Она предполагает активное вмешательство государства в регулирование трудовых отношений. Первая модель имеет чётко выраженный трёхуровневую систему: общенациональный уровень, отраслевой уровень и уровень конкретного предприятия.

Вторая модель социального партнёрства в основном применяется в США, Канаде, Японии, а также в развивающихся странах Азии, Латинской Америки и Африки. Она характеризуется заключением коллективных договоров только на уровне предприятий. Основные проблемы решаются (или не решаются) на уровне предприятий. В этих странах значительно реже переговоры и соглашения осуществляются на региональном и отраслевом уровнях.

Третья модель социального партнёрства типична для стран Центральной Европы и Великобритании. Она является как бы промежуточным вариантом между двумя вышеизложенными. На общенациональном уровне правительство периодически проводит консультации с объединениями профсоюзов предпринимателей.

По роли и месту государственных структур в установлении

социально-партнёрских отношений выделяются три типа моделей социального партнёрства: трёхстороннее сотрудничество, «чистое представительство» и «смешанное представительство».

Первая модель – трёхстороннее сотрудничество, в котором государство, работодатели и профсоюзы равноправны, действует преимущественно на макроуровне и ориентирована на компромисс в достижении общественного благополучия.

Вторая модель – «чистое представительство» наёмных работников в советах и комитетах предприятий, типична для стран, где советы являются органами рабочего представительства, избираемыми трудовым коллективом.

Третья модель – «смешанное представительство» – характерна для Бельгии, Дании, Ирландии, Франции, где на предприятиях формируются советы, в состав которых часть представителей избирается трудовым коллективом наёмных работников, а другая назначается администрацией. Эта модель предполагает участие последних в организации управления и хозяйственной деятельности предприятия.

Зарубежный опыт показывает, что без эффективной государственной политики в распределении национального дохода и участия трудящихся в управлении производством трудно надеяться на об-

щественное согласие в масштабах страны. Позитивные результаты социального партнёрства на Западе во многом объясняются результатами социально-экономического порядка. Так, начиная с середины XX в., профсоюзы в Западной Европе, США, Японии добились так называемого стандартного семейного бюджета, обеспечившего автомобилизацию населения, механизацию домашнего хозяйства. Профсоюзы способствовали принятию общенациональных систем социального обеспечения, включающих пенсии по возрасту, пособия по болезни, инвалидности, безработице, медицинскому страхованию и т.п. Крупнейшим их завоеванием стали сокращение рабочего дня, увеличение свободного времени работников для самообразования.

Проведённый анализ зарубежного опыта развития социального партнёрства свидетельствует о том, что западная демократия определила такого рода отношения в социально-трудовой сфере как основную форму взаимодействия работников, работодателей и государства, обеспечившую социальный мир и благосостояние значительной части трудящихся.

Социальное партнёрство в современной России находится в начальной стадии становления и направлено на создание условий, позволяющих работнику обеспечить достойную жизнь, за-

щитить его права. За короткое время удалось достичь заметных результатов: резко сократилось количество забастовок, приняты практические меры по погашению задолженности по зарплате в бюджетной сфере и повышению минимального размера оплаты труда, возросло количество коллективных договоров, заключаемых в организациях, наметились положительные сдвиги в ведущих отраслях экономики.

По мере дальнейшего развития системы партнёрства появилась необходимость становления её институтов на территориальном уровне, в регионах интенсивно идёт процесс формирования его правового поля – приняты или разрабатываются законы, связанные с процессом становления его системы в регионе. В то же время в России не отработан механизм социального партнёрства, наблюдаются обесценивание рабочей силы, неоправданная дифференциация в оплате труда и крайне низкая её стимулирующая роль.

Практика последних лет показывает, что становление и дальнейшее развитие социального партнёрства во многом зависит от изменений в экономической и социальной сферах, готовности его субъектов взаимодействовать на всех уровнях в выработке и реализации социально-экономической политики и регулировании трудовых отношений.

Литература:

1. Белякова Л.Ю. Гармонизация рынка труда и образовательных услуг как условие социально-экономического развития общества // Социально-экономические проблемы образования. Сб. мат. Всероссийской научно-практической конференции. – Уфа, УЭПУР, 2006. – С. 58–62.
2. Пролиско С.С. Социальное партнёрство в Москве: опыт, проблемы, перспективы // Социология власти – 2006, №5. – С.53–59.
3. Феудлин А.А. Исторический опыт становления и развития системы социального партнёрства в России / Дис. на соиск. уч. ст. док. ист. наук. – М., 1999. – С. 11–12.

Н.А. МИХЕЕВА, кандидат педагогических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики
N. Mikheeva, candidate of pedagogical Sciences, Professor of St. Petersburg state University of service and Economics

Развитие теоретических основ социальных технологий и их значение для СКС Development of theoretical foundations social technologies and their implications for socio-cultural sphere

Аннотация: В статье рассматриваются различные аспекты изучения социальных технологий как важного фактора оптимизации управления социально-культурной сферой России. Представлен исторический экскурс, позволяющий раскрыть эволюционный путь развития теории социальных технологий, все большего влияния конкретных технологий на оптимизацию нормативно-правовой, программно-целевой и экономической деятельности в социально-культурной сфере.

Abstract: The article discusses various aspects of the study of social technologies as an important factor in optimizing the management of socio-cultural sphere of Russia. Presents historical background, allowing to reveal the evolutionary path of development of the theory of social technologies, the increasing influence of specific technologies to optimize regulatory, target-oriented and economic activity in the socio-cultural sphere.

Ключевые слова: социально-культурная сфера, социальные технологии, эволюция теории социальных технологий, менеджмент, социоинженерный подход, прaxeология, управленческое консультирование.

Key words: socio-cultural sphere, social technologies, the evolution of the theory of social technologies, management, social engineering approach, praxeology, management consulting.

Социально-экономические преобразования в России, осуществляющиеся с начала последнего десятилетия XX века, существенно повлияли на общее состояние духовной жизни российского общества. Все социальные институты, учреждения и организации, коллективы людей были втянуты в рыночные отношения, которые обусловили обновление целей деятельности, функций и методов работы. Но преобразовательная деятельность в социально-культурной сфере (СКС), включавшая разработку новых законов, регламентов и программ, их реализацию и организацию крупных мероприятий и юбилеев в трудных условиях на рубеже XXI века, не всегда способствовала процессу сохранения и развития потенциала социально-культурной сферы, содержательного обогащения духовной жизни людей. Сильное расслоение российского общества

по уровню жизни привело к тому, что для значительной части населения многие учреждения культуры и виды культурных занятий становились все менее доступными. А коммерческие СМИ (телевидение, радиостанции, пресса), издательства, центры развлечений и досуга, перехватив инициативу у государственных учреждений и организаций, стали нередко предлагать разнообразную культурную продукцию сомнительного качества и содержания.

Причины такого положения кроются, на наш взгляд, в слабом менеджменте, необходимость которого особенно чётко проявилась в период кризисного состояния общественной жизни, кардинально изменившихся условий жизнедеятельности людей.

С методологической точки зрения – это проблема неразработанности научных представлений о возможностях государственной

власти, слабости диалога в обществе, неспособности понимания истинных причин катастрофического разрыва между декларируемыми целями и существующей реальностью в культурной жизни общества. Становится всё более очевидным, что в процессе реализации целей культурной политики особое значение приобретает эффективное использование социальных технологий в системе управления социально-культурной сферой.

Теория социальных технологий, как и любая другая теория, имеет свои идейные основы и концептуальные парадигмы, которые возникли и развивались эволюционно. Сначала возникли идеи о сущности целенаправленного изменения социума, затем были осмыслены возможности, пути и средства его преобразования. Позже стали формироваться теоретические концепции общественных изменений.

И лишь в конце XX века стала складываться собственно теория социальных технологий – как отдельная и самостоятельная отрасль научного знания. Значительный вклад в формирование идейно-теоретических основ социальных технологий внесли выдающиеся социологи прошлого века М. Вебер, Т. Парсонс, П. Сорокин, Р. Мертон и другие.

Например, М. Вебер заложил основы теории социального действия, а Т. Парсонс дополнил идеи социальных изменений и социальных действий структурно-функциональным подходом. П. Сорокин проанализировал существенные стороны эволюционного реформирования общества.

Р. Мертон, развивая идеи П. Сорокина и Т. Парсонса, исследовал универсальный характер проблемы социальной функциональности. Благодаря вкладу этих учёных современная социологическая наука обогатилась пониманием весьма важных и фундаментальных категорий и понятий, которые обеспечивали становление и развитие теории и практики социальных технологий.

Как отдельное направление в системе научного знания, теория социальных технологий стала активно развиваться с начала XX века в рамках теории социального управления и социальной инженерии. Само появление социальной инженерии было связано с попытками применить выводы социологической науки для решения насущных практических задач, создания эффективных социальных технологий.

В США, Франции, Англии в 20-х годах прошлого века широко разрабатывались и внедрялись различные организационные технологии, а также технологии совместного общения и самоменеджмента.

Многие идеи и опыт этих по сути социальных технологий были сосредоточены в теории человеческих отношений, разработанных в 1920–1930 годы известным амери-

канским социологом и психологом Э. Мэйо.

Дальнейшее развитие «малых социологий» (теорий среднего уровня, связанных с деятельностью фирм, коллективов и групп) на Западе и в США интенсифицировало разработку теоретических аспектов специализированных средств и методов, используемых в социальной инженерии, как системе целеуказаний, которые создают возможность для рациональной человеческой деятельности. Эти средства с 1960-х годов, благодаря К. Пошперу, и стали обозначать термином «социальные технологии».

В отечественной социологии социоинженерный подход начал складываться в 20-е годы XX века; он был связан с именами А. Богданова, А. Гастева, П. Керженцева, М. Бирштейн, О. Ерманского и др. Однако, начиная с 1930-х годов, эти исследования были свёрнуты. С середины 1960-х годов работы по развитию методологии социоинженерной деятельности в нашей стране были возобновлены. Выполнялись они по следующим направлениям: теория и практика социального планирования, разработка целевых комплексных программ развития регионов, отраслей и сфер общественной жизни (с 1970-х годов), социальное проектирование (1970–1980 годы), управленческое и другие виды консультирования (1980-е годы), игротехническая деятельность. Само же понятие «социальная технология» стало входить в отечественную теорию и практику социального управления в 1970-х годах.

Важной основой для развития теории социальных технологий являются достижения в области теории организации, социологии, социальной психологии и теории социального управления. Однако до начала 1990-х годов в отечественном научном обороте практически не было источников, освещавших теоретические проблемы социальных технологий, а также непосредственную их разработку, проекти-

рование и внедрение в социальную практику.

Ещё один важнейший идейный источник теории социальных технологий – праксеологическая наука, изучающая совершенную человеческую деятельность, её стратегию, программы и системы действий. Праксеология, как область научных знаний, сложилась только к середине XX века в связи с развитием научно-технического прогресса и технологизацией различных сфер общества. Некоторые важные положения праксеологии были разработаны в рамках социологии труда и менеджмента, теории управления, кибернетики, системологии.

Праксеология как наука о совершенной человеческой деятельности даёт для теории социальных технологий исключительно важные и необходимые научные и концептуальные основания.

Во-первых, праксеология определяет сущность понятия совершенной деятельности и её принципов (экономность, взаимодействие, постановка целей и др.).

Во-вторых, она формирует понятийно-категориальный аппарат человеческой деятельности, раскрывая нередко такие привычные понятия, как «действие», «результат действия», «орудия действия», «средства действия», «этапы действия», «способы действия» и другие.

В-третьих, эта наука обосновывает структуру, «анатомию» человеческой деятельности, раскрывая её процесс и процедуру взаимодействия всех её составляющих. Праксеология заставляет прагматически подходить к осуществлению социальной деятельности, более эффективно конструировать её. Благодаря этому она даёт возможность не только разрабатывать теоретические положения в сфере социальных технологий, но и совершенствовать социально-преобразовательную деятельность человека.

Впервые термин «социальная технология» ввёл выдающийся

английский философ и социолог К. Поппер в работе «Нищета историзма» (1957), в которой он особо выделил проблему диапазона метода научного познания и достижимых результатов. К. Поппер делает различия между «поэлементной социальной технологией» и «социальной инженерией», которые обе ведут к практическим результатам. Ведущей функцией «социальной технологии» является определение вероятности достижения социально значимой цели, поставленной на предшествующем уровне, и выявление диапазона нежелательных последствий при достижении этой цели. А термин «социальная инженерия» используется Поппером для описания практических результатов поэлементной социальной технологии. При этом социальные институты являются только средствами для достижения определённых целей. [1]

Осмысливая опыт реализации различного рода социальных проектов, К. Поппер попытался разрешить классическую научную проблему эффективности социально-технологической деятельности. В связи с этим он предложил одну из первых научных классификаций социальных технологий, разделив их на две группы: холистские (или утопические) и частичные.

Холистская (утопическая) технология пытается в ходе социальных преобразований решить поставленные задачи как можно решительнее, революционным путём. Но она не способна, по мнению К. Поппера, своевременно учесть и предупредить нежелательные, вредные последствия намеченных мероприятий. В своей фундаментальной работе «Открытое общество и его враги» он отмечал, что «утопическая попытка достигнуть идеального государства, используя проект общества в целом, требует сильной централизованной власти немногих и чаще всего ведёт к диктатуре» [2, с. 202]. Он очень точно подметил постепенное и неизбеж-

ное скатывание общества, реализующего утопические проекты, к насилию и оправданию этого насилия как временного неудобства.

Методологически безупречной он считал «частичную технологию», т.е. постепенную и последовательную, или поэтапную, социальную инженерию, смысл которой видел не в быстром переустройстве общества по некоему идеальному проекту, а в постепенной выработке эффективных методов решения наиболее острых общественных проблем, выступая, тем самым, сторонником критического рационализма.

Частичные технологии отличаются масштабами, стремлением преодолеть негативные последствия, осторожностью, постепенностью, подконтрольностью преобразований, а также возможностью их коррекции и прекращения.

Таким образом, благодаря К. Попперу социально-технологическая парадигма обрела научную легитимность и стала весьма популярной в системе общественных и социальных наук. Его рационализм основан не на идеале и цели, а скорее на практическом социальном опыте людей. Будучи противником крупномасштабных (глобальных) экспериментов, он рассматривал эксперимент как метод частных решений, который генерирует новые социальные реорганизации и позитивные изменения и может привести общество к более разумной форме его организации.

Анализируя связь утопического радикализма и рационализма с иррационализмом, Поппер заявлял, что идеалистический рационализм – это специфическая разновидность иррационализма как такового. Обращаясь с предостережениями к сверхсмелым социальным инженерам и экспериментаторам, он говорил: «У нас нет оснований полагать, что полная перестройка нашего социального мира незамедлительно приведёт к хорошо работающей социальной системе. Напротив, следует ожидать, что

при недостатке опыта будет сделано много ошибок, которые можно устранить лишь путём долгого и трудного процесса мелких исправлений, другими словами, тем рациональным методом постепенной социальной инженерии, который мы здесь отстаиваем». Кроме того, К. Поппер подчёркивал, что «источником этой иррациональной установки является отравление мечтами о прекрасном мире...» [2, с. 210–211].

Следовательно, этот учёный не только заложил научные основы критического рационализма, но и внёс огромный вклад в формирование научного социально-технологического мировоззрения.

Заметным событием в области научного осмысления социально-технологической деятельности стал выход в свет в 1966 году одной из самых замечательных книг польского учёного и фантаста С. Лема «Сумма технологии», которая вызвала определённое недоумение среди поклонников талантливого писателя. Это произведение выпадало из традиционного жанра научной фантастики и представляло собой сумму философских размышлений о судьбах технологии и взаимодействии с ней человека. Само название этой книги дышало ассоциациями, навеянными произведением крупнейшего средневекового богослова Фомы Аквината «Сумма теологии», в котором тот утверждал, что именно в божественном откровении предначертаны вся истина и развитие не только рода человеческого, но и Вселенной.

В своей книге «Сумма технологии» С. Лем значительно раздвинул горизонты развития науки и техники и показал перспективы научного развития социальных технологий. Это произведение концептуально изменило понимание сущности технологии, под которой автор понимает не только средство осуществления производственных процессов, но и обусловленные состоянием знаний и общественной эффективностью

способы достижения целей, стоящих перед обществом. По сути, С. Лем распространил понятие технологии на все сферы человеческой жизнедеятельности и сделал его всеобъемлющим и всеохватывающим. Он сформулировал также проблему взаимодействия человека с суммой технологий и показал, что технологии – не только благо для общества; они также несут для него серьёзные опасности. [3, с. 226].

Ключевая роль в сумме технологий С. Лема отведена информации и информационным технологиям, что получило полное научное подтверждение к концу минувшего века. С. Лемом также была обобщиена проблема проектирования технологических систем на основе соответствующих социологических знаний, сформулирована идея развития социальной кибернетики и обеспечения социального гомеостаза [3, с. 149].

Заслуги С. Лема в развитии социальных технологий не вызывают сомнений – он фактически стал основоположником социально-технологического мировоззрения и сформулировал важнейшие научные проблемы и направления развития социальных технологий.

Большое значение категории «технология» придавал социолог Д. Белл. Разрабатывая универсальную теорию общественного развития, которая представлена в его труде «Грядущее постиндустриальное общество» (1973), он ввёл так называемый осевой принцип, согласно которому можно строить различные модели исторического процесса как последовательности общественных систем, расположенных вдоль избранной «оси» развития. Такой «осью» и является технология, на которую «проецируются» последовательно три типа социальной организации: доиндустриальной, индустриальной, постиндустриальной. Таким образом, трансформация общества рассматривается как смена господствующего типа технологии и типа структуры со-

циальных институтов новыми типами.

Доиндустриальное общество характеризуется господством аграрных технологий, основанных на непосредственном использовании естественных процессов, привязанных к земле, и соответственно доминированием в институциональной структуре военной и религиозной организаций, обеспечивающих контроль над землёй как главным ресурсом.

Индустриальное общество характеризуется господством промышленных технологий, основанных на искусственно поддерживаемых процессах переработки естественных материалов, и доминированием рынка и фирмы как институтов, обеспечивающих циркуляцию капитала в качестве главного ресурса.

Постиндустриальное общество характеризуется господством научных технологий, основанных на переработке информации, и доминированием университета как института, обеспечивающего производство и распределение нового основного ресурса – теоретического знания [4, с. 57]. Следовательно, в теории Д. Белла реализуется принцип универсализма: на протяжении всей истории человечества и в любом месте трансформация общества совершается по одной и той же схеме – «технологии – институциональная структура». Причём связь элементов этой схемы явно трактуется как причинно-следственная. Белл отвергает какой-либо «односторонний детерминизм», поскольку исходит из того, что каждая сфера общества – социальная, политическая, культурная – обладает независимой от других логикой развития. Но этот тезис вовсе не означает отрицания принципа детерминизма вообще. Это разделение на три сферы подразумевает существование некоего «трёхстороннего» детерминизма. В соответствии с осевым принципом Белл ограничивается построением модели технологического детерминизма, пытаясь избежать

скомпрометированного в социологическом сообществе технологического редукционизма, включив технологию в социальную сферу наряду с экономическими институтами и системой социальной дифференциации. С учётом этой особенности рассуждений Д. Белла, его концепцию развития можно квалифицировать как концепцию техносциального детерминизма.

Известный американский социолог и футуролог А. Тоффлер в своей всемирно известной книге «Футушок» (1970) сделал серьёзный научный анализ технологических процессов «индустриальной цивилизации» на современном этапе общественного развития. Основная идея его книги состоит в аргументации надвигающегося «шока» в результате быстрой смены технологий в современном обществе, которые проникают во все сферы социальной жизни человека. При этом, как отмечает учёный, наблюдается и противоположный процесс сужения индустриальных технологий за счёт повсеместного внедрения новейших компьютерных технологий, способствующих быстрой переработке информации, развитию науки, образования, культуры и защите прав человека.

По мнению А. Тоффлера, содержание надвигающегося шока носит многоплановый характер. С одной стороны, он выражается в страхе перед индустриальными технологиями, разрушающими окружающую среду и создающими величайшую угрозу самому существованию человека, а с другой – технологический прогресс начинает весьма активно и кардинально изменять все аспекты жизнедеятельности человека, выбивая его из привычной жизненной колеи. Основными средствами выживания человека в новом «супериндустриальном обществе», по мнению Тоффлера, являются движение общества к новому уровню социального равенства, участие населения в принятии политических решений, а также гуманизация всех сфер общественной жизни и

наращивание социального многообразия.

«Чтобы управлять изменениями, – писал А. Тоффлер, – нам требуется как прояснение важных долговременных социальных целей, так и демократизация путей их достижения» [5, с. 392]. В связи с этим он выступает активным сторонником укрощения технологий, придания им «мягкости» и гуманности, подчёркивая, что человечество не должно останавливать социально-технологический прогресс, а переходить к сознательному его регулированию. Несомненным достижением А. Тоффлера является и то, что он убедительно с научной точки зрения обосновал пути развития будущего постиндустриального общества, базирующегося на социальных технологиях [5, с. 349].

Серьёзный вклад в развитие теории и понимание природы социальных технологий внёс известный болгарский социолог Н. Стефанов. В своей книге «Общественные науки и социальная технология» (1976) он дал чёткое научное определение социальной технологии как деятельности, в результате которой достигается поставленная цель, для чего эта деятельность «предварительно расчленяется на целый ряд определённых операций, направленных на достижение некоторой цели или задачи» [6, с. 183]. Наряду с этим он аргументировал структуру, вариантность и типологию социальных технологий, им осмыслена роль общественных наук в их становлении и развитии. Благодаря этому учёному получили всестороннее развитие процессы проектирования и внедрения социальных технологий, а также такие методы социальных технологий, как моделирование и эксперимент; операциональные игры и «мозговая атака»; морфологический метод; методы разработки сценариев и экспериментальной оценки. Стефанов дал глубокое научное описание отдельных видов конкретных социальных технологий, в частности, технологии

управления. Таким образом, Н. Стефанов по праву можно считать одним из основоположников теории социальных технологий, так как его влияние на развитие данной сферы научного знания весьма существенно.

Последователь Н. Стефанова, известный болгарский социолог М. Марков в монографии «Технология и эффективность социального управления» (1982) подчёркивал особую роль технологий в формализации процесса управления, в выработке абстрактной модели управленческого цикла, включающей ряд стадий и операций, посредством которых субъект управления может поднять управляемую систему на более высокий уровень.

Ученый выделял *глобальную* технологию управления, в которой сосредоточено общезначимое содержание, воплощённое в таких циклах, как целеполагание, принятие решения, организация социального действия, контроль и анализ результатов.

Глобальная технология предполагает необходимость разработки технологий основных видов управленческих действий (или *функциональных* технологий), которые представляют основные этапы управленческого цикла или функции управления (планирование, организацию, мотивацию, контроль).

Но важной проблемой остаётся разработка *конкретных* технологий для различных уровней и сфер социального управления, которые, вбирая в себя основные черты и принципы глобальной технологии, должны отражать специфику управляемого объекта.

В отечественной социологии разработкой проблем, непосредственно связанных с социальными технологиями, наиболее активно занимались Ю.Л. Аверин, А.К. Зайцев, В.Н. Иванов, Н.С. Данакин, В.С. Дудченко, Л.Я. Дятченко, Ю.Д. Красовский, В.Н. Макаревич, В.И. Патрушев, А.И. Пригожин, Ю.П. Сурмин, Ж.Т. Тощенко, Н.В. Туленков, В.В. Щербина.

Анализ этого феномена в трудах А.И. Пригожина, Н.С. Данакина, В.С. Дудченко, Л.Я. Дятченко связан, прежде всего, с поиском рациональных форм организации управления производством, решением конкретных проблем жизни людей на различных уровнях организации общества с помощью технологий программирования, правового, информационного, экономического обеспечения и т.д.

В разработку классификаций социальных технологий, которые определяются типом социального процесса, масштабом объекта технологизации, степенью новизны, характером воздействия, степенью жёсткости, типом целевой ориентации свой вклад внесли Ю.П. Сурмин и Н.В. Туленков.

В настоящее время научное определение социальных технологий сводится к представлению о том, что это есть «*способ реализации людьми конкретного сложного процесса путём расчленения его на систему последовательных взаимосвязанных процедур и операций, которые выполняются более или менее однозначно и имеют целью достижение высокой эффективности социальных действий*», которое лучше всех сформулировал М. Марков [7, с. 48].

Технология является особым родом знания, которое играет роль связующего звена между наукой как теоретической системой и социальной практикой. Она позволяет расчленивать различные сложные проблемы на более простые, однозначно их разрешить и достигнуть высоких результатов. Этому способствует формализация процесса социального управления.

Разработка, конструирование и реализация социальных технологий предполагает три этапа:

– теоретический, связанный с определением цели, объекта технологизации, операционализацией социального процесса на составляющие и выявлением связи между ними;

– методический, связанный с выбором методов, средств полу-

чения информации, её обработки, анализа, принципов её трансформации в конкретные выводы и рекомендации;

– процедурный, связанный с организацией практической деятельности с помощью социальных технологий и контроля за её реализацией.

Приведённый обзор эволюции социальных технологий позволяет заявить, что к концу XX века теория социальных технологий методологически и концептуально оформилась в самостоятельную сферу научного знания. Но для её дальнейшего развития, на взгляд автора, необходимы разработка концептуальных принципов и понятийно-категориального аппарата, теоретическое обоснование закономерностей технологизации социальных действий как на макро, так и на микросоциальном уровне.

Например, по мнению большинства исследователей, ни одно из существующих определений технологий не является точным. Если применительно к производственной сфере под технологиями понимают совокупность методов, способов и приёмов преобразования материалов в полезную вещь, услугу, информацию, что почти никто не оспаривает, то при переводе этой дефиниции непосредственно в социальную практику разногласия усиливаются, и это не способствует решению многих проблем социальной практики.

В результате в стороне от внимания исследователей остаются вопросы готовности и способности людей к использованию социальных технологий, а также проблемы внедрения теоретических находок и апробированных приёмов в практику человеческой жизнедеятельности. Социальные технологии оцениваются количественными и качественными показателями и выбираются из альтернатив на основе комплексных критериев.

В рамках обозначенной проблемной области ведётся изучение целого ряда важных аспектов

современного социального менеджмента, таких как содержание инновационного антикризисного управления, мотивационные возможности социального управления. Но результаты исследований в этой плоскости до сих пор концептуально не осмыслены и теоретически не систематизированы.

Возможности технологизации управления в социально-культурной сфере достаточно условны. В отличие от экономических сфер она не может обладать жёсткостью, безусловной ориентированностью на количественные показатели, так как имеет дело со своеобразными продуктами человеческого бытия: ценностными ориентациями, мотивацией в сфере культуры, потребительскими установками, возможностью выбора тех или иных культурных ценностей. Поэтому она должна стремиться к выявлению прогрессивных тенденций и преодолению возможных негативных изменений в жизнедеятельности людей и сообществ, сосредоточив использование социальных технологий в управлении СКС на материальных и организационных условиях, развитии социальной инфраструктуры.

К числу конкретных технологий, являющихся обязательным условием совершенствования системы управления в социально-культурной сфере, можно отнести те из них, которые позволяют оптимизировать нормативно-правовую, программно-целевую и экономическую деятельность в СКС, причём на разных уровнях управления – федеральном, региональном, муниципальном.

Для совершенствования управления в СКС в этих направлениях можно выделить следующие *критерии оптимизации*:

– социально-культурную ориентацию принимаемых на государственном уровне нормативно-правовых актов, управленческих решений; обязательность профессиональной и общественной экспертизы нормативно-правовых

актов в процессе их разработки и обсуждения;

– достижение необходимого баланса в финансовом обеспечении организаций СКС за счёт бюджетных и внебюджетных дотаций, самофинансирования, маркетинговой деятельности;

– использование технологий реструктуризации в целях успешной адаптации организаций СКС к рыночным условиям;

– наличие своевременной и адекватной обратной связи органов управления с гражданами, их объединениями и организациями;

– достоверность и объективность информации, используемой в управленческих процессах;

– ориентацию управленческой деятельности на сохранение культурных ценностей и традиций;

– своевременную реакцию на проблемы и события в СКС;

– создание условий для развития широкой инициативы, активного культурного творчества людей, на которых направлено управленческое воздействие в СКС.

Достижение этих показателей по предложенным критериям возможно только на основе разработки эффективных технологий управленческой деятельности.

Например, сейчас внимание отдельных учёных привлекают успешно апробированные на Западе технологии экспертизы, или оценивания разрабатываемых бюджетов, нормативных актов и законов, программ и проектов, имеющих отношение и к социально-культурной сфере.

Под *оцениванием* этих форм управленческих решений в западной традиции понимается аналитическая процедура, направленная на диагностику и осмысление достижения целей и общего воздействия государственной политики (политико-административных мероприятий).

Полный циклооценивания включает в себя три этапа: прогнозное или предварительное оценивание (pre-assesment), сопровождающее

оценивание (on-going evaluation) и итоговое оценивание (ex-post evaluation). Оценивание может производиться из двух перспектив: как внутреннее и как внешнее. *Внутреннее оценивание* осуществляется органом государственной власти, реализующим программу, либо парламентом, счётной палатой и т.д.

Оно известно также как внутренний аудит реализации действий органа государственной власти.

Внешнее оценивание осуществляется независимыми экспертами – учёными из университетских центров или нанятыми по кон-

тракту внешними консультантами. Внешнее оценивание предполагает больший объём работ, но и большую объективность результатов, так как даёт заказчику более достоверную картину происходящего, чем внутренне оценивание. В силу этого оно особенно эффективно; его рекомендуется применять, например, при необходимости восстановления эффективности проводимой политики, сокращения расходов бюджета при сохранении объёмов оказываемых услуг и т.д. [8]. Подобные разработки технологий способствуют достижению более эффективных результатов управления в СКС.

В итоге можно заявить, что в условиях современного, порой кризисного состояния социально-культурной сферы необходимо дальнейшее изучение научно-практических проблем социальных технологий, внимательное отношение к концепциям зарубежных и отечественных учёных, успешному практическому опыту, детальной разработке технологий как на федеральном уровне – в системе бюджетирования, правового обеспечения, программирования и проектирования, так и в области конкретных технологий, используемых в массовой практике работы учреждений и организаций СКС.

Литература:

1. Поппер К. Ницета историцизма // Вопросы философии. – 1992. №№ 8–10.
2. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1. – М.: Феникс, 1992. – 448 с.
3. Лем С. Сумма технологии. – М.: Мир, 1968. – 607 с.
4. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. – М.: Academia, 1999. – 956 с.
5. Тоффлер А. Футурошок. – СПб.: Лань, 1997. – 447 с.
6. Стефанов Н. Общественные науки и социальная технология. – М.: Прогресс, 1976. – 251 с.
7. Марков М. Технология и эффективность социального управления. – М.: Прогресс, 1982. – 267 с.
8. Беяев А.Н., Цыганков Д.Б. Оценивая эффективность реформы: новые технологии оптимизации государственной и отраслевой политики // Вестник актуальных прогнозов. – 2004. № 11. – С. 26–29.

А.В. ФАИЗОВ, кандидат исторических наук, доцент кафедры социальной работа НОИР
A. Faizov, Ph.D., associate professor of the Department of Social work of the NOIR

Причины и ближайшие последствия легализации «Тайного Совета» при Екатерине I Causes and first consequences of the legalization «Privy Council» by Catherine I

Аннотация: В статье изучаются причины, склонившие императрицу Екатерину I придать формальные основания петровскому «Тайному Совету», и ближайшие последствия этого решения.

Abstract: The article studies the reasons that forced Catherine I give formal status to Petrine «Privy Council» and the immediate consequences of that decision.

Ключевые слова: История Российской империи XVIII в., эпоха дворцовых переворотов, развитие российской монархии, история высших органов власти, царствование императрицы Екатерины I, Правительствующий Сенат, Высокий Сенат, Верховный тайный совет.

Keywords: History of the Russian Empire in the XVIII century, Period of palace coups, the development of the Russian monarchy, the history of the institutions of higher authority, the reign of Empress Catherine I, the Governing Senate, High Senate, the Supreme Privy Council

Как отмечал Б.Х. Миних, благодаря «великим и мудрым установлениям» Петра I Российская империя продолжала процветать и после его кончины. В то же время фельдмаршал подчёркивал, что Петр Великий «постоянно имел в виду пустоту, существовавшую между неограниченной властью государя и властью Сената»¹. Таким образом, Миних указывал на некоторый пробел, который допустил преобразователь, осуществляя свои государственные реформы, и одновременно указывал на то, что сам Петр I заметил его. Эту так называемую «пустоту» первый российский император, по мнению Б.Х. Миниха, «наполнял» деятельностью сначала А.Д. Меншикова, а затем генерал-прокурора П.И. Ягужинского. Вряд ли можно согласиться с тем, что деятельность

одного генерал-прокурора могла заполнить пробел в системе центральных государственных учреждений, который в дальнейшем неизбежно восполнялся особым учреждением. Хотя для установления связи с Сенатом и контроля над ним Петр действительно создал должность генерал-прокурора, на которую был назначен П.И. Ягужинский². Последний, в силу своих личных качеств, как никто другой подходил для этого³.

Вместе с тем уже в первой четверти XVIII в. правительством осознавалась важность и необходимость создания в целях сосредоточения власти в руках императора, повышения гибкости и эффективности управления особого органа из наиболее доверенных лиц. Это намерение Петра подтверждается следующими источниками. До нас дошли три проекта, состав-

ленные по поручению Петра I Либераком, Фиком и Курбатовым⁴. Первый, ссылаясь на шведский опыт государственного управления, высказался за необходимость учреждения особой «дирекционско-коллегии», которую он именовал также «реляционной коллегиею» и «референдатом». Её функции заключались бы в надзоре за деятельностью всех остальных коллегий. В свою очередь «дирекционско-коллегия» должна была зависеть от «особого кабинета» или «тайного совета» – высшего законодательного и административного учреждения. Фик предлагал разделить Сенат на две «высшие инстанции» или «генеральныя директории»: 1) юстиции и полиции и 2) финансов. Эти две «инстанции» на совместном заседании с Синодом и особым «тайным советом иностранных дел» должны

¹ Миних Б.Х. Очерк управления Российской империей // Перевороты и войны. М., 1997. (История России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVII-XX вв.). С. 31.

² Вяземский Б.А. Верховный тайный совет. СПб., 1909. С. 3.

³ Градовский А.Д. Собрание сочинений. СПб., 1903. Т. 8. Ч. 2. С. 258-260; Романовский В.Е. Государственные учреждения древней и новой России. М., 1911. С. 205.

⁴ Цит. по: Филиппов А. История Сената в правление Верховного тайного совета и Кабинета. Ч. 1.: Сенат в правление Верховного тайного совета. Юрьев, 1895. С.11-13; Мильков П.Н. Государственное хозяйство в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905. С. 501-503.

были разрешать все важные вопросы законодательства, управления и суда. Наконец, Курбатов в своих «Пунктах о кабинет-коллегиуме», представленных им императору, подробно разрабатывал вопрос об учреждении этого «коллегиума» или «архиканцелярии империи». В качестве причины создания «архиканцелярии» приводились такие слова: «от многих стужаний и трудов воспримет Его Величество многую свободу» (п. 16 проекта). То есть учреждение «коллегиума» должно было разгрузить царя. «Архиканцелярия империи» является в «Пунктах...» высшим государственным органом, в котором председательствовал бы сам государь. Она ведала законодательные дела (п. п. 2 и 9), ей присуща масса административных дел, она фигурирует в роли высшей судебной инстанции (п. 3), причём дела по государственным преступлениям рассматривает в качестве суда первой инстанции (п. 8); помимо этого ей принадлежит надзор за всем управлением, как центральным, так и местным. Только внешнеполитические вопросы Курбатов отчего-то не включил в компетенцию «архиканцелярии».

В пользу того, что сам Петр I предполагал создать подобный высший совет, свидетельствует и его собственная заметка, которая приводится в трудах М.Ф. Владимирского-Буданова, В.Н. Латкина и М.К. Любавского: «о коллегии такой, которая б смотрела, что исправить, переменить, оставить, вновь сделать, наченше от непорядков прибыли, даже до чистоты и украшения в государстве»⁵.

В начале XVIII в. еще до создания Сената роль такого совеща-

тельного органа играла «Консилия министров» в Ближней канцелярии⁶. Это были довольно бесформенные и неопределённые по составу съезды «министров» (главнейших отраслей государственного управления) на «консилию». До учреждения Сената (1711 г.) эти «консилии» успели выделить из своего состава три комитета с более или менее постоянным составом: по финансовым, военным и дипломатическим делам. Сенат заменил собою первый из них. Члены двух последних продолжали независимое от Сената существование, составив некий военно-дипломатический совет⁷.

Позднее, 13 февраля 1720 г. был создан особый «Тайный совет». В него, кроме царя, канцлера графа Головкина и вице-канцлера барона Шафирова, входили «все или несколько, по важности дела» действительные тайные советники из наиболее близких императору людей «и от всех надлежит быть совету, но, и потом докладывать о решении». В числе петровских советников были президенты трёх первых коллегий, одновременно являвшиеся сенаторами: А.Д. Меншиков, Ф.М. Апраксин, Г.И. Головкин⁸. Компетенция Совета определялась решением «дел особенной важности». Секретарские обязанности при Совете были возложены на двух советников Тайной канцелярии: Остермана и Степанова. Они же должны были «сочинять грамоты к чужестранным Государям, рескрипты к Министрам и резолюции и декларации и прочие, которые подлежат великого секрета и важности...»⁹.

Однако Тайный совет начала 1720-х гг. не получил твердой и

определённой организации, которая обладала бы функциями верховного законосовещательного органа и одновременно контролировала деятельность Сената и коллегий. Вообще остается неизвестным, какую роль он играл в сфере управления и как соотносилась деятельность этого Совета с другими учреждениями, в том числе с Сенатом. Видимо, компетенция данного полуофициального органа сводилась к разрешению сложных внешнеполитических проблем, поскольку указ, который создавал Тайный совет, был дан Иностранной коллегии под предлогом её реорганизации. Обязанности секретарей Совета также подтверждают это предположение. Кроме того, в сфере внутреннего управления при Петре ведущая роль принадлежала Сенату. Тем не менее, если обратиться к упомянутой заметке императора; а также к тем проектам, которые составлялись для Петра по вопросу о необходимости усовершенствования центрального аппарата, то становится очевидным следующий факт: тайные советники, которые сами были сенаторами, по особому поручению императора обсуждали внутривнутриполитические проблемы, одновременно Тайный совет выступал как законосовещательный орган.

В январе 1725 г. Петр I скончался. В результате дворцового переворота на престол взошла Екатерина I. В день своего воцарения императрица дала клятву верности петровским идеалам, но она не обладала необходимыми для государственного управления способностями и образованием¹⁰. В апреле 1725 г. новая государыня предписала Правительствующему

⁵ Цит. по: Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор русского права. Ростов на Дону, 1895. С.257; Латкин В.Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX ст.). СПб., 1909. С. 324.; Любавский М.К. Русская история XVII-XVIII вв. СПб., 2002. С. 290.

⁶ Филиппов А. Указ. соч. С. 10.

⁷ Миллюков П.Н. Указ. соч. С. 500.

⁸ Вяземский Б.Л. Указ. соч. С. 204. А.Д. Меншиков, Ф. М. Апраксин и Г.И. Головкин продолжали возглавлять Военную, Адмиралтейскую и Иностранную коллегии соответственно и после 1722 г., когда была проведена очередная реформа Сената, и во главе других коллегий были поставлены новые президенты, которые уже сенаторами не являлись. (Романовский В.Е. Указ. соч.).

⁹ Полное собрание законов. Собрание первое (далее – ПСЗ). СПб., 1830. Т. VI. № 3518.

¹⁰ Вейдемейер А. Обзор главнейших происшествий в России, с кончины Петра Великого до вступления на престол Елисаветы Петровны. СПб., 1835; Щербальский П. Чтение из русской истории. Вып. IV. М., 1874; Павлов-Сильванский Н.П. Мнения верховников о реформах Петра Великого // Павлов-Сильванский Н.П. Очерки по русской истории XVIII-XIX вв. СПб., 1910 и др.

Сенату еженедельно докладывать ей о решённых делах, «но в том же месяце уже пронёсся слух, что над Сенатом будет поставлено новое высшее учреждение, членами которого будут немногие самые доверенные и знатные лица»¹¹. Появление этого учреждения было подготовлено, помимо уже отмеченных объективных причин, целым рядом факторов.

Прежде всего, необходимо отметить, что положение новой императрицы в начале царствования было непрочным. Виднейшие представители русской знати были недовольны тем, что великий князь Петр Алексеевич лишился трона, а неродовитые петровские сподвижники, сообщившие Екатерину к власти, стали опасаться наметившегося всевластия князя А.Д. Меншикова, т. е. имели место напряжённая придворная борьба и «раздор среди правящих лиц»¹².

В то же время новое правительство столкнулось с острым финансовым кризисом, обусловленным Северной войной 1700-1721 гг. и крупнейшими преобразованиями первой четверти XVIII столетия¹³, вследствие чего стали усиливаться стремления к пересмотру петровских методов. Серьёзный недостаток финансов потребовал повышения оперативности управления. Петровская система высшего руководства, включавшая своеобразный вакуум власти, оказывалась в этих условиях недостаточно эффективной. Поэтому уже в первый год царствования Екатерины I верховное управление государством осуществлялось неофициальным советом влиятельных сановников «министров». В его состав входили А.Д. Меншиков, П.И. Ягужин-

ский, П.А. Толстой, Г.И. Головкин, Ф.М. Апраксин, А.И. Репнин, А.И. Остерман, В.Л. Долгорукий, Д.М. Голицын. Примечательно, что многие из этих лиц являлись тайными советниками ещё Петра I¹⁴. Но такие неорганизованные советы императрицы и «министров» в ситуации ожесточённой придворной борьбы не могли устраивать ни государыню, ни её высших сановников. Отсюда заинтересованность и Екатерины I и её советников в официальном оформлении Совета.

Непосредственным поводом к учреждению Совета стало острое разногласие в Сенате в конце 1725 г. по поводу отправления на работы по «окончанию» Ладожского канала ещё 15 тыс. солдат, о чём просил Сенат возглавлявший строительство Б.Х. Миних. П.А. Толстой и Ф.М. Апраксин были согласны на это, поскольку, таким образом, и солдаты были бы заняты, и деньги на наёмных работниках сэкономлены. Но президент Военной коллегии А.Д. Меншиков высказался против. Он указывал на то, что солдаты, которые были набраны с большим трудом, только зря погибают на стройке. Когда ему стали возражать, светлейший князь резко прервал спор, заявив, что в следующем году по приказанию Екатерины I ни один солдат не будет отправлен на эти работы, «ибо она назначает для войска другое занятие». Сенаторов оскорбило такое поведение князя: говорили, что не будут ездить в Сенат¹⁵.

Правительство Екатерины I не могло допустить прекращения работы сенатского собрания, поэтому оно должно было ограничить власть Меншикова. Того же добивались герцог Карл Фри-

дрих и «птенцы гнезда Петрова». Они предполагали, что включение князя в состав нового высшего учреждения ограничит его роль в управлении. С другой стороны, такой высший государственный орган был выгоден и самому А.Д. Меншикову. Светлейший князь считал, что создание этого учреждения освободит его как президента Военной коллегии от контроля Сената, а также ослабит влияние на императрицу его политического противника герцога Голштинского¹⁶. При этом первый российский сановник не должен был допустить серьёзного конфликта нового правительства и родовитых вельмож. Тем более, что такого рода противостояние могло стать вполне реальным. В начале 1726 г. распространился слух о подготовке нового переворота: недовольные «бояре» якобы планировали при поддержке австрийского двора возвести на престол Петра Алексеевича и ограничить его власть. Орудием переворота стала бы Малороссийская армия, которую возглавлял князь М.М. Голицын¹⁷. Таким образом, официальное учреждение екатерининского Совета, в который должны были войти представители русской знати, кроме прочего, укрепляло положение трона.

Усилиями графа П.А. Толстого, который посещал то Меншикова, то Голицына и Апраксина¹⁸, был законодательно оформлен Верховный тайный совет. Произошло это, по мнению саксонского посланника Лефорта, в соответствии с проектом Шафирова и министра герцога Голштинского – фон Бассевича¹⁹. Сенаторы, которые не вошли в состав Совета, были очень обижены: «Ягужинский, Матвеев,

¹¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 18-25. М., 1963-1965. Т. 18. С. 570.

¹² Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 545.

¹³ Соловьев С.М. Указ. соч. Т. 18; Щербальский П.К. О России, какою оставил ее Петр I // Рус. вестник. 1858. № 1; Милоков П.Н. Указ. соч.; Павлов-Сильванский Н.П. Указ. соч.; Анисимов Е. В. Россия без Петра, 1725-1740. СПб., 1996; и др.

¹⁴ Шанский Д.Н. К характеристике высших государственных учреждений России XVIII в. (20-е-60-е гг.) // Государственные учреждения в России XVI-XVIII вв. М., 1991. С. 121.

¹⁵ Соловьев С.М. Указ. соч. Т. 18. С. 570.

¹⁶ Анисимов Е.В. Указ. соч.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Кампредон де. Донесения // Русский двор сто лет тому назад. 1725-1783 гг.: По донесениям английских и французских посланников. СПб. 1907. С. 906.

¹⁹ Милоков П.Н. Указ. соч. С. 503.

Мусин-Пушкин не в числе членов Совета, а немец Остерман там!»²⁰.

В указе, которым был учреждён Верховный тайный совет²¹, отмечалось, что Петр I создал Сенат на время «военных походов и отлучек», причём «сперва» в состав данного высшего органа не входили действительные тайные советники и тайные советники. Сенат состоял тогда, согласно указу, «из других знатнейших и поверенных персон», которые не занимались ничем «кроме правления Государственных внутренних дел... и всегда были при своём деле неотлучно», тогда как действительные тайные советники сопровождали царя в «в походах», «а в нынешнем сенатском собрании почитай все Тайные Действительные Советники». Отсюда можно заключить, что часть сенаторов по каким-то причинам не имела возможности постоянно присутствовать в Сенате. Чем это было вызвано? Тот же указ позволяет ответить на этот вопрос. В тексте данного закона есть подтверждение тому, что еще до официального учреждения Верховного тайного совета при Екатерине существовал некий подобный ему высший орган. «Тайным Действительным Советникам и кроме Сенатского правления есть немалый труд в следующих делах: 1) что они часто имеют по должности своей, яко первые министры, тайные советы о политических и о других важных государственных делах. 2) Из них же заседают некоторые президентами в Коллегиях, а именно: в двух военных... и третьей политической, от чего в первом и весьма нужном деле в Тайном Совете немалое им чинится помешательство...». Следовательно, вполне справедливым оказывается суждение Д.Н. Шанского о том, что уже в первый год царствования Екатерины I вер-

ховное управление государством осуществлялось неофициальным советом влиятельных сановников «министров».

Помимо этого, в указе от 8 февраля можно обнаружить свидетельства загруженности Сената делами повседневного управления и невозможности в этой связи оперативно разрешать с его помощью более сложные вопросы: «в Сенате в делах остановка и продолжение, от того, что они за многоделательством не могут чинить резолюции на Государственные важные дела»²². К тому же в Сенате был значителен вес оппозиционного (большинство сенаторов – сторонники воцарения Петра Алексеевича) новой императрице старого дворянства²³. Коллегиальный принцип, положенный в основание Сената, не вполне соответствовал его обязанностям как учреждения исполнительной власти, требующим единоначалия для своей эффективной деятельности.

Таким образом, возникала необходимость в таком высшем органе, который был бы наделен особыми полномочиями и в силу этого был способен быстро и результативно решать насущные проблемы, которые именовались в законе «внешние... и... внутренние Государственные важные дела». Неспособность же императрицы как правительницы, а также необходимость разграничения сфер ведения между сенаторами и членами «Тайного Совета» потребовали юридического оформления последнего. В результате императрица получила возможность поручить советникам те функции, с которыми она справиться не хотела или не могла, хотя в указе от 8 февраля она обещала лично присутствовать в Верховном тайном совете. Действительно, согласно журналам Совета, в первый год его существования

Екатерина принимала личное участие в заседаниях верховников. Но уже со второго полугодия случаи её присутствия становятся заметно реже, а в 1727 г. вплоть до своей кончины она совсем не бывала в Совете²⁴.

Вместо тех «первых сенаторов», которые должны были войти в Совет при императрице, в Сенат назначались «другие, которые всегда при одном сенатском правлении будут». В состав нового учреждения вошли сенатор князь Д.М. Голицын, президент Военной коллегии А.Д. Меншиков, президент Адмиралтейской коллегии Ф.М. Апраксин, канцлер Г.И. Головкин, вице-канцлер А.И. Остерман, граф П.А. Толстой, а чуть позже и Голштинский герцог Карл Фридрих. Если сравнить этот состав с тем, который, по материалам Д.Н. Шанского, имел совет Екатерины до 8 февраля 1726 г. становится очевидным следующее обстоятельство. Хотя придворная борьба все-таки внесла в состав Совета существенные коррективы (не попали в официальный орган П.И. Ягужинский, А.И. Репнин, В.Л. Долгорукий), очевидным представляется, что и до 8 февраля 1726 г. существовало некое совещательное учреждение при императрице с относительно постоянным составом. Причём этот состав был образован в основном из незнатных петровских сподвижников, исключение здесь составили Д.М. Голицын и Ф.М. Апраксин, включение которых в новый высший орган должно было примирить русскую аристократию с фактом воцарения Екатерины I.

Наряду с этим, в указе от 8 февраля было указано и то место, которое новое учреждение должно было занять в системе центральных органов: «в Сенат и во все Коллегии и прочие места, куда будет подлежать» Совет имел право

²⁰ Там же. С.573.

²¹ ПСЗ. Т. VII. № 4830.

²² Там же. № 4830.

²³ Вяземский Б.А. Указ. соч.; Анисимов Е.В. Указ. соч.; и др.

²⁴ Присутствия Екатерины I в Верховном тайном совете: Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. 1726-1730 гг. // Сборник императорского русского исторического общества Т. LV, С. 355, 368, 372, 408, 410, 462, 466, 472; Т. LVI. С. 10, 23, 25, 63, 64, 586, 590, 601; Т. LXIII. С. 120, 370, 465.

«посылать указы»; из Сената и коллегий предписывалось «писать, о чём самом важном деле случится, по сему: доношение в Верховный тайный совет». То есть Совет, по сути дела, оказывался во главе всех центральных властных инстанций. Кроме того, данное постановление в общих чертах обозначило порядок делопроизводства Верховного тайного совета. В частности, в нем указывалось, что протоколы, фиксирующие ход принятия решений, как и готовые «резолуции» членов Верховного тайного совета по тому или иному серьезному вопросу, «хотя при присутствии Ея Императорского Величества, хотя и во отсутствии» предписывалось «крепить... всем назначенным особам...». А указы, сформированные на основе данных «резолуций», должны были направляться в подчиненные инстанции после их подписания членом Коллегии иностранных дел действительным статским советником В. Степановым. Характерно, что секретарём Верховного тайного совета стал именно В. Степанов, который выполнял ранее (совместно с А.И. Остерманом) аналогичные обязанности в петровском Тайном совете.

Заканчивался этот документ следующим положением: «сие определение на первое время служить имеет, а впредь как тому быть, и каких служителей при сем Верховном тайном совете иметь, о том сочинить явственное и обстоятельное определение, и со временем донести Ея Императорскому Величеству»²⁵. Так императрица, учредив в помощь себе Совет, который бы избавил её от государственных обязанностей, предоставляла своим советникам право самим определить основания своей деятельности, исходя из прак-

тики функционирования нового высшего учреждения.

Итак, необходимость создания подобного органа вытекала из самой организации центральных органов управления, созданной Петром и являвшейся средством осуществления абсолютной власти со стороны монарха. Сенат, будучи до создания совета юридически высшей инстанцией, не мог оперативно управлять страной, т.к. имел слишком обширную сферу ведения.

Полномочия нового органа не были регламентированы, поскольку «мнение не в указ» (утверждено императрицей 16 марта 1726 г.²⁶), составленное герцогом Голштинским²⁷ по этому поводу, скорее формирует общие принципы независимости и полновластия, нежели как-то ограничивает их – он являлся и высшей законосовещательной, и высшей административной, и высшей судебной властью. В «мнении не в указ»²⁸ отмечалось, что императрица будет председательствовать в Совете, который «не следует считать за особый коллегийный, потому что он служит к облегчению Ея Величества в тяжком бремени правления», благодаря чему «все дела скорее будут отправляться». То, что члены Совета стремились подчеркнуть, что их совет не является «особливым коллегийным», означает их нежелание превращаться в представителей учреждения подобного Сенату, где каждый бы имел значение только как член данного учреждения. Они стремились стать «министрами», каждому из которых Екатерина предоставила бы особые полномочия в пределах их компетенции. Одновременно границы этой компетенции были очерчены очень расплывчато. Вместе с тем сама формула «служит к облегчению»

указывала на совещательный характер данного учреждения.

К именным указам, согласно «мнению», теперь прибавлялась формула «дан в нашем Тайном совете». Никакие указы не должны были выходить, «пока они в Тайном совете совершенно не состоялись, протоколы не закреплены и Ея Величеству для всемилостивейшей апробации прочтены не будут...» (п. 3). Императрица исправила этот пункт следующим образом: сначала проекты решений по важным делам вместе с протоколами должны подаваться императрице неподписанными, а после «апробации» должны подписываться членами Совета и реализовываться²⁹. Как бы то ни было, каждый законодательный акт сначала должен был проходить через Совет, а затем уже в законченном виде представлялся на подпись императрицы, «только в очень редких случаях, и притом в очень ограниченном круге дел, – как отмечал А.Н. Филиппов, – Екатерина действовала помимо Совета; о царствовании Петра II нельзя сказать даже этого»³⁰. Но данный закон не должен оцениваться как ограничение власти императрицы, которая не уделяла должного внимания государственным делам. Она добровольно наделила своих советников правом выполнять её именем ту работу по управлению государством, которую должен был выполнять сам монарх, несколько не ограничивая пределов самодержавной власти последнего.

Рапорты в Совет, согласно «мнению», должны были писаться прямо на имя императрицы «с прибавкою: к поданию в Тайном совете». Затем указывалось на то, что полезно было бы разделить дела в Совете по департаментам, однако императрица не утвердила дан-

²⁵ ПСЗ. Т. VII. № 4830.

²⁶ СИРИО. Т. LV. С. 96-97.

²⁷ Там же. С. 57.

²⁸ Там же. С. 93-96.

²⁹ Там же. С. 96.

³⁰ Филиппов А. Указ. соч. С.80; СИРИО. Т. LV, LVI, LXIII, LXIX, LXXIX, LXXXIV, XCIV, CI.

³¹ СИРИО. Т. LV. С. 97.

ный пункт, предписав сделать на этот счёт обстоятельное «мнение с изъяснением»³¹, на что верховники впоследствии так и не найдут времени. На практике дела всё-таки распределялись между членами Верховного тайного совета. И если судить по тому, что его члены возглавляли отдельные коллегии, то, скорее всего, военными и финансовыми делами занимался президент Военной коллегии А.Д. Меншиков, внешнеполитическими – главы Коллегии иностранных дел – Г. И. Головкин и А. И. Остерман, флотом и сопутствующими вопросами – президент Адмиралтейской коллегии – Ф. М. Апраксин и т. д. В указанных сферах эти лица, видимо, имели решающий голос и являлись в соответствующих вопросах главными докладчиками. Но тот факт, что формального и четкого разделения дел в Совете не существовало, должен был приводить к постоянному перераспределению управленческих ролей в зависимости от перемен в личном составе.

Для определения компетенции данного учреждения наиболее важными представляются следующие пункты «мнения»: «Дела, подлежащие ведению Тайного совета, суть: а) чужестранные; б) все те, которые до Ея Императорского Величества собственного высочайшего решения касаются» (п. 9). Выделение внешнеполитических дел в отдельный (к тому же первый) пункт, как нам представляется, должно было продемонстрировать связь нового Совета с Тайным советом Петра I, который преимущественно занимался разрешением данных вопросов. Поэтому специально в «мнении» устанавливаются отношения Совета к Коллегии иностранных

дел: «Чужестранные министры остаются при Коллегии иностранных дел; но Коллегия должна всегда о предложениях их доносить Ея Императорскому Величеству в Верховном Тайном совете». Более того «каждое почти заседание Совета, – отмечал историк А.Н. Филиппов, – открывается чтением иностранной почты с реляциями от министров российских...»³², хотя на практике в сферу ведения екатерининского высшего органа вошли важные дела самого разнообразного характера.

Что касается второго пункта, то он придавал компетенции Совета в сфере внутренних дел двойной характер. С одной стороны, ведомству Совета подлежали все дела верховного управления, которые не могли быть решены на основе действующего законодательства, и потому требующие личного вмешательства монарха. Эта же мысль проводится и в другом пункте «мнения»: «Сенат и прочия коллегии остаются при своих местах; но дела особенной важности, о которых в уставе нет определений или которые подлежат собственно решению Ея Императорского Величества, они должны с своим мнением передавать в Верховный Тайный Совет». Но с другой стороны, Совет, который фактически имел безграничную власть самодержавного государя, вполне мог заниматься совершенно любым вопросом, в том числе самым мелким, частным и незначительным. Отчасти это объяснялось и тем, что среди членов Совета были приверженцы теории полицейского государства (Д.М. Голицын, А.И. Остерман), согласно которой правителям следовало интересоваться

всеми делами, не различая в них более или менее важных³³. В этой связи в круг дел Совета попадало и то, что Б.Л. Вяземский называл «личной областью Государя с наградами, пожалованиями, назначениями, мелкими челобитными и придворными делами»³⁴.

Таким образом, в своём «мнении не в указ» верховники давали понять, что функции их учреждения будут столь же многообразны и сложны, как и у самодержавного правителя. Однако между императрицей и Советом стоял кабинет-секретарь А.В. Макаров, который излагал ей «мнения» Совета, передавал ему приказания Екатерины. Большое значение Кабинета Е.И.В. было закреплено указом от 7 сентября 1726 г., по которому местные учреждения и управители были обязаны «когда случатся, какие новыя и важныя дела, о таких прежде писать в Кабинет, и, хотя в другия места будут посланы курьеры, прежде им велеть явиться в Кабинет». Копия с этого указа была прислана Совету «для известия» лишь через два месяца после издания указа, когда он уже был получен на местах³⁵. Кроме того, в случае если верховники не решались взять на себя ответственность за решение весьма сложного дела, они обращались к императрице. Взаимоотношения между Советом и императрицей устанавливались либо через доклады советников императрице (личные или коллективные), либо через именные указы, которые сообщались Совету к исполнению. Хотя число относительно самостоятельных именных указов императрицы было невелико,

³² Филиппов А. С. 66; СИРИО. Т. LV, LVI, LXIII.

³³ Так, в журналах Совета, датированных царствованием Петра II, есть свидетельства того, что члены этого учреждения рассуждали: «о прибавке лошадей в станы при проезде государя из Петербурга в Москву; о починке в Москве конюшенных дворов и о покупке лошадей; о прикреплении скамейки к креслам Ея Императорского Величества в зале заседаний Совета и обивке ея таким же бархатом, как и кресла; о выдаче кормовых по гривне в день некоему колоднику Протопопову, посланному ради смотра и находку кладу в Курске, а потом руд в Сибири; о делании монеты новым штемпелем; об отпуске средств на новую кровлю для Вознесенского монастыря и т. д.» (Лютш А. Русский абсолютизм XVIII века // Итоги XVIII века в России: введение в русскую историю XIX века. М., 1910. С. 168.)

³⁴ Вяземский Б.А. Указ. соч. С. 33.

³⁵ Там же. С. 27-28.

³⁶ СИРИО. Т. LV, LVI, LXIII.

касались они всегда более или менее второстепенных дел³⁶.

Современники по-разному трактовали на то, что императрицей «сверх установленного Петром I Сената новое «и от Сената высшее правительство» было учреждено и украшено оно особливим именем Верховного Совета»³⁷. В частности, французский дипломат де Кампедон отмечал, что «в этом нужно видеть первый шаг к изменению формы правления...»³⁸. Свидетельство данного очевидца опровергаются тем, что при Екатерине I не было издано закона, который бы чётко определял компетенцию Совета и каким-либо образом ограничивал власть самодержицы. К тому же над Советом существовал контролировавший его Кабинет Е.И.В. Поэтому более адекватным представляется суждение Феофана Прокоповича, по словам которого, чего «не хотел бы Верховный совет вновь установить, не волен был сделать то без изъявления императрицы»³⁹. Совет был подконтрольным самодержице посредством её личной канцелярии – Кабинета Е.И.В. – высшим органом, состоявшим из доверенных лиц, решения, которого были по форме коллегиальными и утверждались императрицей. Указ от 8 февраля и «мнение не в указ» очертили, хотя и очень неконкретно, только общие контуры Верховного тайного сове-

та как высшего государственного учреждения. Поэтому в дальнейшем было издано довольно много других постановлений, посвящённых тому или иному частному проявлению деятельности Совета.

Итак, уже Петр I обнаружил в созданной им системе центрального государственного управления некоторый вакуум власти. Он сам предполагал восполнить эту «пустоту» созданием особого высшего государственного органа, прообразом которого стал Тайный совет по внешнеполитическим вопросам. При Екатерине I необходимость в таком оперативном высшем учреждении возросла не только вследствие нежелания императрицы заниматься государственными делами, но еще и в силу острого финансового кризиса, настоятельной потребности в корректировке политического курса и неспособности перегруженного Сената справиться с этими задачами. Кроме того, важную роль сыграла шаткость положения новой правительницы при ожесточенном придворном соперничестве, в том числе и в лагере её сторонников. Поэтому Екатерина I не могла ограничиться неофициальными советами, помогавшими ей разрешать сложнейшие государственные проблемы. Роль этих советов в управлении страной объективно должна была возрастать, что следовало как-то координировать с

уже существовавшей системой центральных властных структур. Для этого надлежало придать неофициальным совещаниям при императрице легальный статус высшего государственного органа с твердой организацией и определенным составом. В то же время формальное учреждение могло сгладить остроту придворной борьбы и укрепить екатерининский престол. В результате 8 февраля 1726 г. был сформирован Верховный тайный совет.

Изначальные полномочия нового высшего учреждения были очень неопределёнными, такими они оставались и в дальнейшем. Причина этого состоит в том, что Совет фактически реализовывал безграничную самодержавную власть, которая не поддавалась регламентации. Именно в этом заключается парадоксальность Верховного тайного совета. Он был вызван к жизни объективной потребностью в усовершенствовании петровской системы управления, и отчасти это было достигнуто. Но неизбежная неопределённость его компетенции не позволяла четко отграничить полномочия Совета от сферы ведения других структур этой системы, и в частности Сената. Поэтому учреждение нового высшего органа в то же время существенно осложнило функционирование созданной Петром I правительственной организации.

³⁷ Прокопович Ф. История о избрании и восшествии на престол блаженной и вечнодостойной памяти государыни императрицы Анны Иоанновны самодержицы всероссийской // Дворцовые перевороты в России. 1725-1825. Ростов на Дону, 1998. С. 128.

³⁸ Кампедон де. Указ. соч. С. 907.

³⁹ Прокопович Ф. История о избрании и восшествии на престол блаженной и вечнодостойной памяти государыни императрицы Анны Иоанновны самодержицы всероссийской // Дворцовые перевороты в России. 1725-1825. Ростов на Дону, 1998. Указ. соч. С.128.

Е.А. ЦАРЕНКОВА, кандидат философских наук, доцент
Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону
E. Tsarenkova, candidate of philosophical Sciences, associate Professor
Southern Federal University, Rostov-on-Don

Концепция ненасилия и идеал милосердия в русской философской культуре The concept of non-violence and the ideal of mercy in the Russian philosophical culture

Аннотация: Статья посвящена вопросам, которые определяют особенность идей и института милосердия и ненасилия в русской философии. Автор обосновывает тезис о том, что в русской философии данная проблема самобытна, апеллирует не к человеку с его конкретными эмпирическими проблемами, а к началам и концам мирового бытия, к Богу и вечности.

Материалом исследования являются классические тексты русских философов, которые принято называть философским наследием.

Abstract: The article is devoted to issues that define the feature ideas and the Institute of charity and non-violence in Russian philosophy. The author substantiates the thesis that in Russian philosophy of the original problem, appeals not to the man with his specific empirical problems, and to the beginnings and the ends of the world being, to God and eternity.

The material for this study are the classic texts of Russian philosophers, which are called philosophical heritage.

Ключевые слова: русские философы, институт милосердия и ненасилия, наказание прощением, нравственность, индивидуальная ответственность, Русская Православная церковь, философия непротивления злу насилем, «толстовство», идеалы, вера, любовь к врагам.

Keywords: Russian philosophers, Institute of mercy and non-violence, punishment, forgiveness, morality, individual responsibility, the Russian Orthodox Church, the philosophy of non-resistance to evil by violence, «Tolstovstvo», ideals, faith, love for the enemies.

Возможно и необходимо выявить истоки идей милосердия и ненасилия в русской традиции. Следует вспомнить, что начало формирования русской философской культуры было прямо связано с принятием Киевской Русью в X веке христианского вероучения из Византии и славянской письменности из Болгарии. Как Византия, так и Болгария, во времена крещения киевского князя Владимира переживали подъём своего культурно-исторического развития. Если мы зададимся вопросом, каков же главный вклад Византии в культуру Руси, то, почти не задумываясь, можем ответить: восточно-христианский идеал всеобъемлющей любви, милосердия как основы человеческого бытия.

Прежде всего укажем на то, что на протяжении своего много-

векового развития христианство создало традицию рассматривать милосердие как особый способ познавательной деятельности религиозного чувства. Значительный вклад в разработку христианской идеи милосердия, на наш взгляд, внёс своим творчеством Исаак Сирийский, один из святых отцов восточного христианства (1, 7). Исаак Сирийский уделяет особое внимание милосердию как духовному единению, которое «непрерывно пылает в сердце пламенной любовью, в неуклонении от заповедей заимствуя силу к пребыванию в союзе, не с насилем природе, и не по природе... Смысл: совокупность добрых дел, сосредоточенная в милосердии» [1, 7].

Таким образом, результатом теоретической деятельности восточных учителей и отцов церкви

было формирование религиозно-философского учения, рассматривающего сердце как вместилище человеческого и божественного разума, а милосердие – надёжный и быстрый, по сравнению с логическим познанием, способ постижения мира и человека, активная жизненная позиция неприемлющая ненасилия, чуждого христианству. В Библии не найти понятия «ненасилие», но вместо него мы прочтём «милосердие». Идея ненасилия присуща индо-буддистской традиции – принцип ахимсы.

Христианское понимание таких бытийно-гносеологических категорий, как любовь, милосердие, оказало значительное влияние на развитие русской философской мысли до начала XX века включительно.

Однако освоение философского уровня понятий любви, миро-

сердця было характерно и для русской литературно-художественной культуры. Так, в творчестве Ф.М. Достоевского понятие любви занимало одно из важнейших мест. В «Записках из подполья» [2, 133-244] душевность в его противопоставлении рассудочной способности человека была поднята на уровень понятийного мироустроющего принципа. Красота, которая, по мнению Ф.М. Достоевского, должна спасти мир, спасёт его не сама по себе, а посредством сердца и любви. Сначала сердце должно обрести способность к видению красоты, а уж потом красота зажжёт в сердце спасающую мир любовь. Весьма примечательным является то, что Достоевский видит метафизическую бедность закона по отношению к эмпирическому богатству «живой жизни»: «В человеке, кроме гражданина, есть и лицо. Судья судит гражданина и иногда совсем не видит лица. А потому всегда возможно впечатление этого невидимого лица, которое остаётся только с ним, и судья ничего в нём не увидит. Даже закон не предусмотрит всех тонкостей. ... Есть преступления и впечатления, которые не подлежат земному суду. Единый суд – моя совесть, то есть судящий во мне Бог, а это уже другое» [5, 402]. Следуя Ф.М. Достоевскому, мы должны отказаться от насилия и простить раскаявшегося убийцу, разделив позицию «лица».

К сожалению, даже в такой, как описанная выше, ситуации человек не властен останавливать неизбежное насилие закона, заменив последний ненасильственным разрешением проблемы. Но (!) возможны конструктивные подходы к этизации закона, смягчению его добром. В рамках анализа данной проблемы необходимо отдать должное гуманистической идее Достоевского о «наказании прощением» [3, 191]. Реальное осуждение «наказания прощением» писатель видел в тех жизненных ситуациях, когда Добро и Зло предстанут перед людьми и Богом как две равноправные человече-

ские экзистенции.

Следуя Достоевскому, избавление от насилия возможно благодаря переходу сознания из сферы земной «срединной» необходимости в область абсолютной христианской духовности. Конечно же, в мире абсолютного добра и святости нет никаких земных определённостей, а избавление от зла, насилия устанавливаются через внутреннее движение одной духовной сущности к другой. В месте соприкосновения духовного с духовным возможно осуществление «наказания прощением».

Итак, основной, ведущей идеей, охватывающей творчество Ф.М. Достоевского, была вера в любовь, душевность, милосердие, которые способны возвыситься и торжествовать над всяким внешним насилием и над любым внутренним падением. На основании глубочайшего убеждения в том, что, невзирая на многочисленные человеческие пороки и немощи, человеческая душа несёт в себе отблеск божественной силы и света, Достоевский пришёл к идее бога и богочеловека. Жизненная реальность бога и богочеловека открылась во внутренней силе любви и всепрощения, которые являются основанием его измученной души.

Идея ненасилия находит широкое воплощение в творчестве Льва Николаевича Толстого, получившая название толстовства. Это учение сводится к следующему: жизнь человека наполняется нравственным смыслом в той мере, в какой она подчиняется закону любви, понимаемому как ненасилие. Не отвечать злом на зло, не противиться злу насилием – таково основное требование толстовской программы достойной жизни.

Следует иметь в виду, что произведение, в которых излагается религиозно-нравственное учение о ненасилии Л.Н. Толстого, можно подразделить на четыре цикла: исповедальный – «Исповедь», «В чём моя вера» и др.; теоретический – «Что такое религия и в чём сущность её?», «Царство Божие внутри

вас», «Закон насилия и закон любви» и др.; публицистический – «Не убий», «Не могу молчать» и др.; художественный – «Смерть Ивана Ильича», «Крейцера соната», «Воскресение», «Отец Сергей» и др. Несомненно, что Л.Н. Толстой, как основатель философии непротравления (русская версия этики ненасилия), её провозвестник и идейный вождь, имеет сегодня всё большее число поклонников, которые провозглашают его, пишет А.Б. Тарасов, духовным, религиозным учителем, а члены Московского толстовского общества признают его своим по духу, «духовным экуменистом» – без детального изучения его философии. «Вместо свободной философии современные поклонники Л.Н. Толстого демонстрируют идеологическую зависимость» [7, 137].

Следует вспомнить, что Л.Н. Толстой принадлежал к старинному русскому дворянскому роду, получил в наследство титул графа и большое поместье Ясная Поляна, в котором прожил большую часть жизни. Он был воспитан в православной вере, но в зрелый возраст вступил полным нигилистом. Годы жизни Л.Н. Толстого охватывают большой и важный отрезок истории: от крепостничества до того периода, когда доминирующий капитализм перерастал в империализм. Рассматривая этот период жизни России, Л.Н. Толстой ставит в своих работах ряд вопросов, решая которые стал обосновывать, исповедовать, практиковать идеал ненасилия. Он делал это с такой настойчивостью, что его неортодоксальные взгляды были осуждены специальным решением синода Русской Православной церкви.

Основной вопрос, исследуемый Толстым, состоит в следующем: что могут значить религия и нравственность для современного человека, для которого основой познания является разум, а основой поведения – индивидуальная ответственность.

Нравственное совершенствование и духовный рост он считал

присущими человеку от природы. Здесь может быть разный выбор – религиозный или светский, важно, однако, чтобы человек не оставался на ступеньке «растительной» или «животной жизни» («жизни в теле»), а жил духовной, нравственной жизнью. Истинная религия для Л.Н. Толстого та, которая основана на правилах нравственной жизни.

С этими требованиями нравственности были связаны и социально-политические взгляды Л.Н. Толстого. Центральным принципом в этом отношении являлся принцип ненасилия. Для Толстого не было политики вне морали. Он отвергал идеалы классовой борьбы, потому что они разделяли людей, а не объединяли, противопоставляли их и озлобляли. Но «злом нельзя пресечь зло». Оно породит ещё большее зло и насилие, чем те, что есть теперь. Насилием не устранить насилия. Всякое насилие безнравственно. Что ему противопоставить? Ненасилие.

В этом плане нас интересуют источники насилия и ненасилия, определённые Л.Н. Толстым. Как отмечает Толстой, Бог – источник жизни и разума. Но человек должен совершенно по-иному относиться к богу. Толстой сводит такое отношение к императиву: не как я хочу, а как он хочет. Но наше незнание бога приводит нас к тому, что мы общаемся с ним косвенно, то есть через правильное (братское) отношение к другим людям. Правильное отношение к себе – спасение души, которая является средоточием божественного начала в человеке. Главным является отношение к себе, так как человек, осознающий своё несовершенство, будет стремиться к тому, чтобы находиться по отношению к другим в положении слуги, а не господина. Поэтому смыслом жизни является идеал, который указывает человеку на то, чем он является. Потеря идеала, веры считается источником насилия.

Толстой пишет: «... оттого, что у людей ... нет веры, а без веры люди

могут быть руководимы только выгодой, а человек, руководимый только выгодой, не может быть ничем иным, как только обманщиком или обманутым. От этого-то и происходит то кажущееся удивительным явление, что, несмотря на очевидную невыгоду для себя насилия, несмотря на всю очевидность в наше время того обмана, в котором запутаны рабочие люди, несмотря на явные обличия той несправедливости, от которой они страдают, несмотря на все революции, имеющие целью уничтожение насилия, рабочие люди, огромное большинство людей, продолжают не только подчиняться насилию, но поддерживают его и противно здравому смыслу и самой выгоде совершают насилие сами над собой» [8, 17].

Вера, по Толстому, является изначальным смыслом, истиной. В своей работе «Неизбежный переворот» (1909) Лев Николаевич указывает, что любовь есть высший закон жизни людей, а значит, он не совместим с прежним, основанным на насилии, устройством жизни. Этот прежний порядок жизни признавал убийство при защите себя, близких или отечества, при наложении наказаний на преступников и т.п. Христианство, ставящее высшим законом жизни любовь (милосердие), не может допускать ни в каком случае насилия человека над человеком, всегда в последнем своём проявлении требующего отказ от убийства. Христианство отрицало насилие, стоящее в основе прежнего устройства – жизни, однако зло можно искоренить посредством силы: гниёт рука – отсеки её, чтобы сохранить весь организм. Лишь милосердие способно уничтожить зло – активная позиция, противостоящая насилию. Само насилие становится невозможным в христианстве, продолжает Л.Н. Толстой в своей статье «Не убий никого» (1907), т.к. «всё учение основывалось на любви», выражающейся в прощении обид, в любви к врагам... допущение убийства каких бы то ни было людей разрушило главную

основу христианского учения» [9]. Толстой развивает идею о насилии, осуществляемом официальной, «мнимой христианской религией», отличающейся от другой, неофициальной христианской веры «каким-то странным путём через святые жизни старцев, через юродивых, странников, проникающая в народ и в пословицах, рассказах, легендах утвердившаяся в нём и руководящая им. Сущность этой веры в том, что человеку жить надо по-божьи, для души, что люди все братья, что то, что велико перед людьми, то мерзость перед богом, что спастись может человек не исполнением обрядов и молениями, а только делами милосердия» [9].

Лев Николаевич отрицает не только государство со всеми его учреждениями и установлениями, но и государственную церковь: источник обмана веры, который проповедует церковь, есть соединение иерархии, под именем церкви, с властью – насилием. Но смена форм государственной власти – это лишь смена форм насилия (насилия физического и насилия над совестью), смена форм грабежа и обмана, считает писатель. Важным для Толстого является не столько вопрос о власти вообще, а о власти государственной; не о насилии вообще, а о насилии, осуществляемом государственными учреждениями и лицами, представляющими государственную власть. Этот вопрос попыталась решить в своей статье «От этики непротивления – к философии права» Соина О.С., предположив, что «толстовская этика непротивления есть полная противоположность либеральной философии ненасилия

именно вследствие крайне негативного отношения писателя к правовым основам регуляции общественной жизни» [6].

Непротивление злу насилием, физической силой способствует ослаблению зла. Насилие, в особенности государственное, держится на поддержке со стороны тех, против кого оно применяется. Поэтому простое неучастие в на-

силы, достигаемое через непротавление, уже есть его ослабление. Методы непротавления – через изменение духовных основ жизни достигать мира между людьми.

Именно в анархизме и доктрине непротавления злу насилем всего сильнее сказались противоречия между критикой капитализма и патриархально-крестьянской точкой зрения, с которой Толстой рассматривает отрицательное явление надвигающегося на Россию капитализма. И так как «Толстой стоит на точке зрения религиозного воззрения, он останется слепым к этому противоречию. Всем религиозным верованиям антипатична логика, и они во все времена включали в себя самые поразительные противоречия» [4, 560]. Нужно насиле или нет – «это вопрос, самую жизнь поставленный...» [10, 318], – пишет Л.Н. Толстой. И даёт три постепенно углубляющихся определения насиле: 1) физическое пресечение, убийство или угроза убийства; 2) внешнее воздействие; 3) узурпация свободной воли.

В своей статье «Неизбежный переворот» (1909) он отвечает на вопрос: что надо делать человеку, осуждающему существующее устройство жизни и желающему изменить и улучшить его.

Первое – перестать самому делать прямое насиле, а также и готовиться к нему. Второе – не принимать участия в каком бы то ни было насиле, делаемом другими людьми, а также в приготовлениях к насиле. Третье – не одобрять никакое насиле.

Жизнь современного общества, как полагал Толстой, состоит не только в насиле, которое большинство терпит от меньшинства. Жизнь, кроме того, состоит в непрерывной борьбе меньшинства с большинством и наоборот. «И те и другие, – утверждает Л.Н. Толстой, – боятся друг друга и, когда могут, насилуют, обманывают, грабят друг друга. Главная доля деятельности и тех и других тратится не на производительный труд, а на борьбу» [10, 193]. Толстой видит основу

угнетения в насиле, которое жидется на вере угнетаемых людей в божественные права властителей. Он считает мнимо научными теории о том, будто угнетение одних людей является нерушимым историческим законом, теорию Мальтуса и др. Писатель приводит пример: если бы индийский народ не подчинялся насильникам и не участвовал бы в зле, то никакая сила не могла бы его покорить.

Мораль здесь ассимилирует социальные функции, полностью изменяя привычный порядок общественной жизни, культуру и поведение людей. Но он ошибается, так как люди не властны по одной лишь своей воле останавливать неизбежное насиле закона, заменив последний ненасильственным разрешением социально-экономической проблемы.

Так же в произведениях Л.Н. Толстого, написанных в 80-е годы и позже, критикуется общественный строй, основанный на порабощении большинства меньшинством. Толстой видит корень зла в государственной власти. В работах этого периода Толстой развивает учение, отрицающее не только государство со всеми его учреждениями и установлениями, но отвергающее всякое насиле, совершаемое государством. Он пытается доказать, будто единственным средством радикального уничтожения зла является только непротавление злу насилем.

Именно из идеи ненасиле с неизбежностью следует «безгосударственная», то есть анархистская, социальная философия Толстого; на ней основана и критика им мировой (прежде всего российской) антагонистической внутри себя цивилизации и культуры.

Так в художественном произведении Толстого («Воскресение»), в публицистических выступлениях писателя («Не могу молчать!», «Церковь и государство» и др.) отрицается государство со всеми его учреждениями и установлениями. Смена форм государственной власти, говорит писатель, это лишь

смена форм насиле (насиле физического и насиле над совестью), смена форм грабежа и обмена. Избавиться от насиле можно, согласно учению Л.Н. Толстого, посредством внутреннего изменения каждого отдельного человека, «уяснением и утверждением в себе разумного, религиозного сознания и своей соответственной этому сознанию жизнью» [10, 205]. Следовательно, «жизнь человеческая, – утверждает Толстой, – изменяется не от изменения внешних форм, а только от внутренней работы каждого человека над самим собой. Всякое же воздействие на внешние формы или на других людей, не изменяя положение других людей, только развращает, умаляет жизнь того, кто... отдаётся этому губительному заблуждению» [10, 161]. Бесспорно, важным здесь является сердечность, любовь, доброта. Ведь всё своеобразие ситуации, из которой вытекает идея ненасиле, состоит в том, что люди не могут прийти к согласию по вопросу о добре и зле. В своей работе «Закон насиле, закон любви» Лев Толстой находит ответ на вопрос: «Что есть ненасиле». Он рассуждает следующим образом: «Ищите в себе одного: увеличения любви посредством уничтожения всего того: ошибок, грехов, страстей, что мешает её проявлению, и вы наименее действительнейшим способом будете содействовать благу людей» [8]. В данном случае добро и мудрость выше справедливости, поэтому, по Толстому, гнев всегда неоправдан. Он считал также утилитаристскую аргументацию в пользу насиле несостоятельной.

Согласно этой идее насиле оправдано в тех случаях, когда оно пресекает большее насиле. Однако смертная казнь, по Толстому, является формой убийства, которая намного хуже, чем просто убийство из-за страсти или другим личным причинам. Оно хуже своей холодной систематичностью и претензией на оправданность, законность. Толстой не мог понять: как можно совершать убийство

спокойно и обдуманно, считая его необходимым. Отсюда следует вывод: насилие с моралью и разумом несовместимо.

«Непротивленчество» Толстого и его проповедь морально-эстетического совершенствования, выступая в религиозном облачении, вместе с тем, были критичны, выработали неосознанное стремление к лучшему, имели гуманистическую направленность.

На наш взгляд, социальное зло у Толстого чаще всего выступает как следствие моральной деградации, заблуждение интеллекта, а иногда трактуется как следствие забвения евангельских истин и заповедей Христа.

Отсюда следуют утопические представления Толстого об устройении благополучия людей (стоит только очнуться, «разлюбить свою нечистоту» и «море» зла исчезнет), которые, однако, не умаляют его стремление навсегда установить в человеческом обществе принципы милосердия и ненасилия.

Противоположная точка зрения была присуща известному русскому философу В.С. Соловьёву. Так, В.С. Соловьёв оправдывает силу в противлении злу, поскольку видит в ней необходимый элемент социальной политики государства. Свообразие воззрений Соловьёва в том, что он включил право в единую систему прогрессирующего Добра. По Соловьёву, сфера права есть земная «срединная» жизнь со всеми её сложностями и противоречиями. Однако небеса в правовом регулировании не нужны, но само право имеет онтологическое содержание сообразное с божественным промыслом. Таким образом, Соловьёв апеллирует не только к праву в пресечении зла, но и к нормам божественной справедливости.

Итак, нами рассмотрена метафизика ненасилия и философия милосердия в русской философской культуре. Разумеется, рассмотрение воззрений русских философов по поводу смысла и со-

держания милосердия и ненасилия не лишено известного интереса и со временем может оформиться в качестве самостоятельной исследовательской задачи.

Изучение данной проблемы показывает, что она была и является актуальной донныне, так как высвечивает предметное поле современного человека.

Истина ненасилия и милосердия достаточно ясна, но этот закон ещё не стал повседневной привычкой. Путь к этой цивилизованной «зрелости» для России лежит через закон ненасилия и милосердия.

Итак, в русской философии идея ненасилия и милосердия представлена не как высшее состояние человеческого духа, а как «дело Христово». Именно в этой интеллектуальной традиции становится понятным национальное самосознание, выходящее за пределы эмпирической жизни, стремящееся к верховному началу, абсолютному милосердию, добру.

Литература:

1. Авва Исаак Сирин. Слова подвижнические. – М.: Православное изд-во, 1993.
2. Достоевский Ф.М. Записки из подполья / ПСС, Т.4. – М.: Изд-во «Худ. лит-ра», 1956.
3. Достоевский Ф.М. ПСС. Т. 26. – М., 1984.
4. Лавров П.Л. Философия и социология. В 2-х т. Т. 2. – М.: Мысль, 1965.
5. Неизданный Достоевский. – М., 1971.
6. Соина О.С. От этики непротивления – к философии права // Человек. – 1999. №№ 4-5.
7. Тарасов А.Б. Гносеологические и онтологические основы религиозного учения Л.Н. Толстого // Вопросы философии. – 2001. № 8.
8. Толстой Л.Н. Закон насилия, закон любви. – М., 1908.
9. Толстой Л.Н. Не убий никого // ПСС. Т. 47. – М.: ГИХЛ, 1937.
10. Толстой Л.Н. ПСС. Изд-е 5-е. Т. 36.

Рональд КОММЕРС, профессор, заведующий кафедрой философии и морали факультета философии и искусств Университета Гента (Бельгия)

Ronald Commerce, professor, head of Department of philosophy and morality of the faculty of philosophy and arts of the University of Ghent (Belgium)

К вопросу о глобальной этике: действительность и нормативные принципы

To the issue of global ethics: the validity and normative principles

Аннотация: Автор рассуждает о концепции «глобальной нравственности» в условиях сформированного проекта «развития человека», ориентированного на значимость действий человека, так как, по его мнению уже стало очевидным, что «исключительное внимание только к экономической стороне развития в бедных, да и не только бедных, странах – не верно в корне».

Abstract: The author discusses the concept of «global morality» in terms of the generated project «human development» based on the significance of human action, because, in his opinion, it already became obvious that «the exclusive focus only on the economic side of development in the poor, and not only the poor countries – not true at the root».

Ключевые слова: человеческий потенциал, развитие человека, значимость действий человека, «глобальная нравственность», экономическое развитие, права человека.

Keywords: human capital, human development, the significance of human actions, «global morality», economic development and human rights.

Начиная с 1990 года, в рамках Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) публикуются ежегодные доклады, в которых значительное внимание уделяется «развитию человеческого потенциала». При этом подчеркивается, что «люди являются богатством нации». В 1995 году была создана Комиссия по глобальному руководству, которая опубликовала свой отчет под названием «Наши глобальные соседские отношения». В 2000 году ООН приняла Декларацию Миллениума, в которой обозначены «цели миллениума», которые должны быть достигнуты к 2015 году.

Меня интересует важность концепции «глобальной нравственности» в условиях сформированного проекта «развития человека», ориентированного на значимость действий человека. Начиная с 80-х годов XX столетия, стало ясно, что исключитель-

ное внимание только к экономической стороне развития в бедных, да и не только бедных, странах – неверно в корне. Не только потому, что многие люди оплачивают это экономическое развитие своей жизнью, своим здоровьем и благополучием, а также невозможностью саморазвития и сведенной к нулю политической независимости, но и потому, что само экономическое развитие является ущербным и продуцирует негативные противоположные механизмы, исходя из этого одностороннего рассмотрения.

В отличие от ориентации на «экономическое развитие» проект «развития человека» подчеркивает важность других ценностно-целевых норм. С точки зрения глобальной этики, именно их следует изучить внимательно. Я предлагаю к рассмотрению, по крайней мере, шесть возможных отношений между «развитием человека» и «экономическим развитием», которые я вижу.

На основании пунктов 2, 3, 4 и 5 может быть разработана концепция глобальной этики, ориентированная на будущее человечества.

Развитие человека («РЧ»)	Экономическое развитие («ЭР»)
1. Противоположное и конфликтующее вне всякой возможности опосредования	
2. «РЧ» улучшает «ЭР»	
3. «РЧ» улучшается посредством «ЭР»	
4. Экономическое воздействие «РЧ» вне всякого сомнения	
5. Человеческое направление «ЭР» должно одобряться и поддерживаться	
6. «Долговременная экономика» (Карл Полани, 1944; 1957) / концепция социальной экономики (Амитай Этциони, 1988; 1999) весьма значимы для соответствующего понимания «ЭР»	

В 1995 году был опубликован доклад ЮНЕСКО о творческом многообразии человека, в основном адресованный теме «новой глобальной этики». В этом докладе термин «глобальная этика» употребляется 33 раза, но каждый раз в новом контексте. Первое определение является наиболее нормативным: «Нам следует разработать глобальную этику, которая может быть применима равно для всех, кто вовлечён в решение общемировых вопросов. Её эффективность будет зависеть от возможности людей и правительств выйти за пределы узких собственных интересов и согласиться, что интересы человечества как целого будут лучше удовлетворяться признанием и одобрением набора общих прав и обязанностей».

Однако в этом докладе можно заметить некоторое несоответствие в различении «глобальной этики» как определённой научно-исследовательской дисциплины и как «глобальной нравственности». Комиссия ЮНЕСКО предложила пять принципиальных идей, ключевых, по моему мнению, для концепции «глобальной нравственности» (хотя авторы продолжали употреблять понятие «глобальная этика»): права человека и глобальная ответственность, демократическая легитимность в соединении с политической автономией и полномочиями человека, защита прав меньшинств, приверженность разрешению конфликтов мирным путём и корректному обсуждению спорных вопросов, справедливые взаимоотношения между поколениями.

По нашему мнению, понятие «глобальная нравственность» покрывает собой различные области применения многообразных целей. Это достижимо посредством истолкования регулятивных принципов для предписания правил и норм.

Возможны следующие направления:

- от разъяснения принципов

Права («юридические права»)	Обязанности («долженствование»)
Каждый имеет права, так же и Я (требование)	
Каждый имеет права, но не Я К «тебе» не относится ничего кроме прав	У меня есть только обязанности Ко «мне» относятся только обязанности
Материализация прав Объективизация прав	Неравенство обязанностей Невозможность отменить обязанности
«Первое лицо» (Я/Мы) оказывается на последнем месте, в то время как «второе лицо» (Ты/Вы) оказывается на первом «Я» оправдываю «Твои» права «Мы» оправдываем «Ваши» права	«Первое лицо» (Я/Мы) оказывается на последнем месте, в то время как «второе лицо» (Ты/Вы) оказывается на первом «Я» не являюсь хранителем «Твоих» обязанностей «Мы» не являемся хранителями «Ваших» обязанностей
«Мои» права не являются основанием «твоих» обязанностей	«Твои» обязанности не являются основанием «моих» прав
Раскрытие глаз – например, при понимании сложных задач мирового оскудения и мирового гражданства, – подразумевает потерю безупречности Потеря безупречности – это цена, которую следует заплатить за сохранение чувства собственного достоинства	

ответственности – к рекомендации снабдить соответствующими полномочиями местные сообщества и граждан;

- защита прав личности от сохраняющегося насильственного принуждения к труду;

- от выявления ценности авторитетного мнения и решения – к признанию ценности мнения аудитории, к которой обращается авторитетное лицо с призывами применения определённых правил социального поведения;

- от требований космополитического гражданства – к призывам к активному участию в управлении государством.

«Глобальная этика» – глобальный этический запрос – должна руководствоваться поступками человека и жизненным опытом, ориентируясь при этом на исследования возможных регулятивных принципов, правил и норм. С методологической точки зрения, её следует постигать как прагматически ориентированную дисциплину в духе Дьюи, которая отвечает радикально диалогичному рассмотрению (Мартин Бубер, Михаил Бахтин) личност-

ной интерпретации и значимости человеческого существования. Регулятивный принцип заботы и уважения человеческой уязвимости – упрекающие «наше презрение к слабости» – занимает центральное место в плане «глобальной этики». По моему мнению, этот регулятивный принцип должен занять теоретически главенствующее положение. Это можно сделать, используя морально-философский анализ асимметрических отношений между правами и обязанностями (Владимир Янкевич). Приблизительно эта асимметрия прав и обязанностей («юридических прав» и «долженствования») выглядит следующим образом:

Учреждение фундаментального регулятивного принципа асимметрии прав и обязанностей способствует признанию того, что претензия человека на «неподкупность» по природе, если не использовать иное слово для безупречности и безукоризненности, должна быть оставлена, для того чтоб завоевать и отстоять чувство собственного достоинства. Чувство собственного достоинства

– это то, что поддерживает права человека и свободу человека.

Об авторе. Рональд Коммерс – профессор, заведующий кафедрой философии и морали факультета философии и искусств Университета Гента (Бельгия).

С 1996 года – директор международного Центра исследования этики и ценностей при Университете Гента. Является автором ряда монографий по истории новой и новейшей философии. В том числе книги «Глобальная этика», а также редактирует специальный

раздел «Журнала изучения глобальной этики» (Бирмингем, Англия).

Перевод статьи предоставлен профессором Е.В. Дворецкой, специально для журнала «Образование, Экономика, Общество»